

ЛБШ
Литературная
библиотека
школьника

ПРИРОДА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКИХ ПОЭТОВ
от Г.Р. Державина
до И.А. Бунина

часть 1

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

ВЛАДОС

ЛБШ

Литературная
библиотека
школьника

ПРИРОДА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКИХ ПОЭТОВ

от Г.Р. Державина
до И.А. Бунина

АНТОЛОГИЯ

В двух частях

ЧАСТЬ 1

От Г.Р. ДЕРЖАВИНА
до Н.Ф. ЩЕРБИНЫ

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС

2009

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5я43
П77

Составители *В.Я. Коровина* и *В.И. Коровин*

П77 **Природа в произведениях русских поэтов от Г.Р. Державина до И.А. Бунина. Антология. В 2 ч. Ч. 1. : От Г.Р. Державина до Н.Ф. Щербины / [сост. В.Я. Коровина и В.И. Коровин]. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2009. — 423 с. — (Литературная библиотека школьника).**

ISBN 978-5-691-01440-6.

ISBN 978-5-691-01441-3(Ч.1).

Агентство СІР РГБ.

Антология представляет собой сборник избранных литературных произведений разных авторов, посвященных описанию окружающей природы.

В части 1 собраны лучшие поэтические образы, созданные Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, М.Ю. Лермонтовым, А.А. Фетом, Н.Ф. Щербиной и др. Стихотворения позволят читателю лучше представить огромное поэтическое наследие, воспевающее красоту русской природы.

Издание предназначено для школьников, учителей, студентов и преподавателей вузов.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5я43

ISBN 978-5-691-01440-6
ISBN 978-5-691-01441-3(Ч.1)

© Коровина В.Я. и Коровин В.И. Составление, 2008
© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008
© Оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008

Содержание

К читателю	8
В.И. Коровин. «Природа, мир, тайник Вселенной...»	10
Г.Р. ДЕРЖАВИН.....	34
Бог. Величество Божие. Ключ. Ласточка. Соловей. Похвала сельской жизни. Гимн солнцу. Утро. 1800. Лето. Осень. Облако. Гром. Радуга. Евгению. Жизнь Званская. Лебедь. Возвращение Весны. Рождение любви. Пчела. Горючий ключ. Распускающаяся роза. Водомет. Незабудочка	
Н.М. КАРАМЗИН.....	77
Выздоровление. Осень. Волга. Молитва о дожде. Берег	
И.И. ДМИТРИЕВ.....	84
«Всех цветочков боле...». К Волге	
Н.И. ГНЕДИЧ	87
Осень	
В.А. ЖУКОВСКИЙ	88
Опустевшая деревня. Цветок (Романс). Мотылек. Песня («Где фиалка, мой цветок?»). Весеннее чувство. «Там небеса и воды ясны!». К месяцу. Листок. Цветы. Летний вечер. Невыразимое (Отрывок). Цвет завета. Звезда и корабль. «Взошла заря. Дыханием приятным...». Море (Элегия). Ночь. Мотылек и цветы. «Звезды небес...». Приход весны. Жаворонок. Розы	
К.Н. БАТЮШКОВ	108
Вечер (Подражание Петрарке). Последняя весна. Беседка муз. «Есть наслаждение и в дикости лесов...»	
Ф.Н. ГЛИНКА	112
К соловью в клетке. Сельский сон. Сон русского на чужбине Весна. Дожди. Буря. На гром. Луна. Повсеместный свет. К луне. Узник. Сравнение. К луту. К почтовому колокольчику. Жатва. Первый снег	
П.А. КАТЕНИН	124
Ночь (Из Гесснера). Кавказские горы (Сонет)	
Д.В. ДАВЫДОВ.....	127
При виде Москвы. Возвращаясь с Персидской войны. Вечер в июне. «Море воет, море стонет...»	
П.А. ВЯЗЕМСКИЙ	129
Вечер на Волге. Нарвский водопад. Море. Зимние карикатуры (Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях. 1828). Дорожная дума («Колокольчик однозвучный...»). Еще тройка. Петербургская ночь. Степью (Июнь 1849). Масленица на чужой стороне. Венеция («Город чудный, чресполосный...»). Рябина. «Ночью выпал снег. Здорово ль...». Береза. Царскосельский сад зимою. «Ни движенья нет, ни шуму...». «Мне нужны воздух вольный и широкий...» «Как свеж, как изумрудно мрачен...». Зимняя прогулка. «Тихие равнины...». «Опять я слышу этот шум...». Осень 1874 года (Гамбург. Октябрь). Цветок. «Уж падают желтые листья...»	
А.С. ПУШКИН	168
Певец. «Простите, верные дубравы!». Царское Село. «Погасло дневное светило...». «Кто, волны, вас остановил...». «Завидую тебе, питомец моря сме-	

<p>лый...». К морю. Виноград. «Ночной зефир...». «Цветы последние милей...» Зимний вечер. Буря. Зимняя дорога. «Весна, весна, пора любви...» «Я знаю край: там на берега...». «Еще дуют холодные ветры...». Цветок. «Как быстро в поле, вдруг открытом...». Дон. «Зима. Что делать нам в деревне? Я встре- чаю...». Зимнее утро. Кавказ. Обвал. Осень (Отрывок). «В поле чистом се- ребрится...». Туча. «...Вновь я посетил...». «Когда за городом, замучив, я бро- жу...». «Забыв и рощу и свободу...». Отрывки из романа «Евгений Онегин»: «Но наше северное лето...». «Встает заря во мгле холодной...». «И вот уже трещат морозы...». «В тот год осенняя погода...». «Зима!.. Крестьянин, торже- ствуя...». «Гонимы вешними лучами...». «Как грустно мне твое явленье...»</p>	
А.А. ДЕЛЬВИГ	193
Русская песня («Соловей, мой соловей...»)	
Е.А. БАРАТЫНСКИЙ	194
«Шуми, шуми с крутой вершины...». «Когда взойдет денница золотая...». «Люблю деревню я и лето...». «Взгляни на звезды: много звезд...». «На звук цевницы голосистой...». «О мысль! тебе удел цветка...». На смерть Гёте. «Где сладкий шепот...». «Весна, весна! как воздух чист!» Приметы. На посев леса	
Н.М. ЯЗЫКОВ	204
Зима пришла. Родина. Две картины. Вечер. Ночь. Ручей. Развалины. Пловец. Водопад. Рассвет. Утро. Элегия («Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...»). Буря. Корабль. Морское купанье. Вечер. Гора. Весна. Элегия («Опять утрюмая, осенняя погода...»)	
И.И. КОЗЛОВ	218
Роман («Есть тихая роща у быстрых ключей...»). К Альпам. Дуб. Песня	
А.А. КРЫЛОВ	222
Весна	
В.И. ТУМАНСКИЙ	224
Май. Черная речка. Мысль о юге. Мысль о севере	
Ф.И. ТУМАНСКИЙ	228
Родина	
П.А. ПЛЕТНЕВ	229
Родина. Ночь. Море	
В.Н. ГРИГОРЬЕВ	231
Берега Волхова. Замерзший виноград. К ночи. Зимняя ночь в степи. Гроза	
П.Г. ОБОДОВСКИЙ	236
Утро	
М.Н. ЗАГОРСКИЙ	238
«Он сходит в сад. Прелестный край...»	
П.П. ШКЛЯРЕВСКИЙ	240
Фиалка	
А.Д. ИЛИЧЕВСКИЙ	241
Акерманские степи	
М.Д. ДЕЛАРЮ	242
Роза. Ночь. Воклюзский источник (Сонет)	

Е.П. ЗАЙЦЕВСКИЙ	245
Весна. Черное море	
Н.С. ТЕПЛОВА.....	247
Осень. Весна	
С.Е. РАИЧ.....	249
Вечер. Жаворонок. «Природа по себе мертва...»	
М.А. ДМИТРИЕВ	252
Весна	
Д.П. ОЗНОБИШИН	253
Окна. Весенняя грусть. Пятигорск	
А.Н. МУРАВЬЕВ.....	256
Таврида	
ТРИЛУННЫЙ (Д.Ю. Струйский)	258
Неве. Водопад	
Л.А. ЯКУБОВИЧ	259
Зима. Молния. Водопад. Скалы. Кавказ	
А.И. ПОДОЛИНСКИЙ.....	262
Природа	
В.И. СОКОЛОВСКИЙ	263
Утро на Енисее	
Н.В. КУКОЛЬНИК.....	264
Жаворонок. «Холмистые дали как волны...»	
Е. БЕРНЕТ (А.К. Жуковский)	266
«К чему тебе земное украшень!...». «Как полк великанов, проходят скалы...»	
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ.....	268
Осень. Весна. Гроза. Вечер после дождя. Утро на Кавказе. «Все тихо — полная луна...». «Прекрасны вы, поля земли родной...». «Когда волнуется желтеющая нива...». «Спеша на север из далека...». «Выхожу один я на дорогу...»	
С.П. ШЕВЫРЕВ.....	274
Глагол Природы. Ночь («Как ночь прекрасна и чиста...») Стансы («Когда безмолствуешь, природа...»). Ока. Прекрасный день. «На реках блистает летом...». Утренняя звездочка. Жаворонок. Специя	
А.С. ХОМЯКОВ	281
Заря. «Сумрак вечерний тихо взошел...». Труженик	
Ф.И. ТЮТЧЕВ.....	284
Весенняя гроза. Летний вечер. Видение. Утро в горах. Снежные горы. Последний катаклизм. Вечер. Полдень. «Как океан объемлет шар земной...». Осенний вечер. Весенние воды. «О чем ты воешь, ветер ночной?...». «Зима недаром злится...». «Нет, моего к тебе пристрастья...». «Как сладко дремлет сад темнозеленый...». «Тени сизые смешались...». «С поляны коршун поднялся...». «Не то, что мните вы, природа...». «Еще земли печален вид...». День и ночь. «Неохотно и несмело...». «Тихой ночью, поздним летом...». «Как ни дышит полдень знойный...». «Под дыханьем непогоды...». «Об-	

веян вещею дремотой...». «Смотри, как на речном просторе...». Первый лист. «Не остывшая от зною...». «Как весел грохот летних бурь...». «Сияет солнце, воды блещут...». «Чародейкою Зимою...». «Эти бедные селенья...». «Есть в осени первоначальной...». «Смотри, как роща зеленеет...». Декабрьское утро. «О, этот Юг, о, эта Ницца!...». «Как хорошо ты, о море ночное...». «В небе тают облака...».	
А.В. КОЛЬЦОВ.....	303
Урожай. «Что ты спишь, мужичок?» Русская песня («Гreet солнышко...»)	
В.Г. БЕНЕДИКТОВ.....	309
Утес. Радуга. Природа. Комета. Гроза. Цветок. Горные выси. Реки. Южная ночь. Мороз. Туча	
К.С. АКСАКОВ.....	318
Водопад. «Скоро зимний ляжет путь...». Весна	
И.П. КЛЮШНИКОВ.....	320
Половодье. Жаворонок	
Н.П. ОГАРЕВ.....	322
Осеннее чувство. «Там на улице холодом веет...». Прощанье с краем, откуда я не уезжал. Полдень. Осень. «Гуляю я в великом Божьем мире...». Весна. «Небо да море. Волна за волной...». «Тускло сквозь сереньких тучек...». Весною («Брожу я по лесу тропою каменистой...»). Осенью	
И.С. ТУРГЕНЕВ.....	329
Осень. Цветок. Весенний вечер. В дороге. Гроза промчалась. К*** («Через поля к холмам тенистым...»). «Брожу над озером... Туманны...»	
А.Н. ПЛЕЩЕЕВ.....	334
Весна. («В старый сад выхожу я, росинки...»). Зимнее катанье. Мой садик. Лунной ночью. «Скучная картина!». Облака. Весна («Песни жаворонка снова...»). «Природа-мать! К тебе иду...». Отчизна. Из «Летних песен». Весна («Опять весной в окно мое пахнуло...»). Весна («Уж тает снег, бегут ручьи...»). «Теплый день весенний...»	
Е.П. РОСТОПЧИНА.....	348
Двойные рамы. В майское утро	
Е.П. ГРЕБЕНКА.....	351
Степь. «Опять передо мной знакомые поля...»	
М.А. СТАХОВИЧ.....	352
Осень	
Ю.В. ЖАДОВСКАЯ.....	354
Приближающаяся туча. Вечер. Нива. Туча	
И.С. АКСАКОВ.....	356
Ночь («Спустилась ночь в убранстве звездном...»). «Среди цветов поры осенней...». «Люблю я зимний, красный день...» Зима («Снова путь лежит привольный...»)	
К.К. ПАВЛОВА.....	358
Мотылек. «Небо блещет бирюзою...». «К ужасающей пустыне...». «Воет ветер в степи огромной...». «Умолк шум улиц, — поздно...»	
А.А. ФЕТ.....	361
Ласточки. Осень («Как грустны сумрачные дни...»). «Учись у них —	

у дуба, у березы». «Солнце садится, и ветер утихнул летучий...». «В степной глуши, над влагой молчаливой...». «Дул север. Плакала трава...». «Я потрясен, когда кругом...». «Все, все мое, что есть и прежде было...». «Уж верба вся пушистая...». «На заре ты ее не буди...». «Еще весны душистой нега...». Весенние мысли. Весна на дворе. Первый ландыш. Еще майская ночь. «Опять незримые усилья...» Весенний дождь. «Сад весь к цветущему...». Дождливое лето «Зреет рождь над жаркой нивой...». «Ласточки пропали...». Осенняя роза Сентябрьская роза. «Опять осенний блеск денницы...». «Ветер злой, ветер крутой в поле...». «Печальная береза...». «Чудная картина...». «Ночь светла, мороз сияет...». «На двойном стекле узоры...». «Скрип шагов вдоль улиц белых...». «Какая грусть! Конец аллеи...». «Тихая, звездная ночь...» «Буря на небе вечернем...». «Теплым ветром потянуло...». «Весеннее небо глядится...». «Свеж и душист твой роскошный венок...». Цветы. «В дымке-невидимке...». «Я тебе ничего не скажу...». «Летний вечер тих и ясен...». «Что за вечер! А ручей...». «Шепот, робкое дыханье...». «Заря прощается с землею...». Греция. «Ночь весенней негой дышит...». Буря. После бури. «Я пришел к тебе с приветом...». «Теплый ветер тихо веет...». Ива. Осенью («Когда сквозная паутина...»). «С какой я негой желанья...». «Ель рукавом мне тропинку завесила...». «Какая ночь! Как воздух чист...». «Как ярко полная луна...». «Это утро, радость эта...». «Целый мир от красоты...»	
А.А. ГРИГОРЬЕВ	390
Комета. Ночь	
Я.П. ПОЛОНСКИЙ	392
Жницы. Солнце и Месяц. Вечер. Тишь. «Посмотри — какая мгла...». Тени. Птичка. Весна. Песня цыганки. Звезды. Туман. На Женевском озере. «В дни, когда над сонным морем...». У окна. На закате. (Гипотеза). «Любя колосьев мягкий шорох...». В засуху	
А.Н. МАЙКОВ	402
Картина вечера. Эхо и молчание. Призыв. Горный ключ. Зимнее утро. Весна. «Весна! Выставляется первая рама...». «Боже мой! Вчера — ненастье...». «Поле заблещет цветами...». Пейзаж. Ласточки. «Осенние листья по ветру кружат...». Осень. Весна («Уходи, Зима седая!»). Летний дождь. Сенокос. Рассвет. «Мой взгляд теряется в торжественном просторе...». Полдень. «Смотри, смотри на небеса...». «Улыбки и слезы!.. И дождик и солнце!»	
Н.Ф. ЩЕРБИНА	413
Южная ночь. «Заснул я в тени сикоморы...». На заре. Природа. Отрада осени. «Хоть бы пожить мне весною!..». Туча. Пустыня. Ночь и день. Песни мира. Природе. Солнцу (Памяти кн. А. И. М.). Свет. Лето на острове Уайте. Душа и природа	

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие друзья!

Книга, которую Вы собираетесь прочитать, подготовлена в ответ на просьбы учителей, студентов и школьников открыть перед ними более широкую, чем обычно, панораму русской поэзии. В стихотворениях, посвященных родной природе, выражены многообразные чувства авторов, сумевших увидеть в окружающем мире удивительные, таинственные и даже фантастические явления.

Мир живой природы может радовать любого человека, который наблюдает времена года, смену дня и ночи, но рассказать об этом так, как могли Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Фет, другие замечательные поэты, удастся лишь подлинным мастерам художественного слова.

Учитель литературы, преподаватель вуза помогают своим питомцам не только подготовить выразительное чтение стихотворений, но заметить, удивиться, обрадоваться удачно найденному автором слову, образу, сравнениям, мастерскому изображению картин окружающего мира. Вместе с тем учащиеся только тогда приобщатся к настоящему чтению, когда проникнутся живым восприятием прочитанного и когда научатся видеть, как сделано произведение, замечать находки автора, сумевшего по-своему запечатлеть красоту природы, притом так, чтобы и читателей охватило особое чувство восхищения и самой природой, и поэтической ее передачей.

Произведения о родной природе ныне включены во многие школьные учебники, а в некоторых из них они помещены от пятого до девятого класса включительно (например, программа по литературе и учебники под редакцией В.Я. Коровиной).

К сожалению, учебники не могут вместить всех стихотворений из богатейшей сокровищницы русской литературы. Предлагаемая читателю книга построена как антология (греч. *anthologia*, букв. собрание цветов, — сборник избранных литературных произведений разных авторов), однако и она в первоначальном варианте содержала такое множество прекрасных стихотворений, что пришлось сократить два тома, т.е. произвести тщательный и строгий отбор, чтобы представить читателю лучшее из огромного поэтического наследия на эту тему, которым мог бы воспользоваться учитель на уроках литературы.

Чтение стихотворений о родной природе сопровождается рассказами о поэте, его жизни и творчестве, анализом прочитанного. Однако иногда этого не требуется, потому что важнее может стать хорошее чтение учителя с выразительными интонациями и верно расставленными акцентами. В таких случаях возникает максимальное сопереживание автора, читателя и слушателя. Впоследствии именно такое сотворчество рождает желание слушателей познакомиться с другими стихотворениями этого автора, его жизнью и поэтическим наследием.

Для раскрытия своеобразия того или иного поэта, а также в методических целях необычайно важно, например, сопоставить стихотворения разных поэтов о весне или других временах года, почувствовать и понять, какие краски использует поэт, рассказывая нам об окружающем мире, в котором мы живем.

В то же время мы должны помнить, что стихотворения о родной природе называются так в известной мере условно, поскольку это прежде всего стихотворения о переживании и чувствах автора, которые рождает тот или иной пейзаж, то или иное состояние при-

роды. В стихотворениях о природе речь идет не только о «великом царстве растений» и «могучем царстве зверей», но и о сопряженном с ними внутреннем мире поэта, его радостях и печалях, часто удивительно совпадающих с нашими чувствами и переживаниями.

Предлагаемую читателю книгу открывает статья доктора филологических наук профессора Валентина Ивановича Коровина, автора многих книг, статей, учебников по русской литературе XIX и XX вв. В ней дана интерпретация стихотворных произведений различных авторов, тексты которых включены в антологию.

Затем помещены стихотворения поэтов разных поколений, содержащие неисчерпаемый кладезь мыслей и чувств.

После корпуса стихотворений следует методическая часть, в которой предложены и представлены пути анализа лирических стихотворений. Она подготовлена доктором педагогических наук Натальей Васильевной Беляевой, автором книг и статей на эту тему.

Желаем вам радостной встречи с известными стихотворениями и знакомства с новыми. И в тех, и в других случаях вас ждут счастливые открытия.

В.Я. Коровина

ПРИРОДА, МИР, ТАЙНИК ВСЕЛЕННОЙ...

Природа, мир, тайник Вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.
Б.Л. Пастернак. «Когда разгуляется».

В процессе развития человечества сложились две главные точки зрения на природу, которые, дружа и споря, уживались друг с другом. Согласно науке, природа возникла задолго до человека вследствие объективных причин, определивших самостоятельную эволюцию материи. По христианскому учению, природа и человек возникли почти одновременно, и причина их рождения — воля Бога. Оба взгляда — научный и религиозный — продолжают жить вместе. Их взаимное существование привело к тому, что слово природа приобрело множество значений, закрепленных, в частности, и в русском языке.

Во-первых, к природе относят все вещественное и все зримое, подлежащее и доступное нашим пяти чувствам. В этом случае под словом природа подразумевают органический и неорганический миры в их совокупности. Органический мир называют живой природой, а неорганический — мертвой. Стало быть, под словом природа мыслится вся вселенная, весь мир, все мироздание.

Во-вторых, словом природа называют только наш земной мир, т.е. землю со всем на ней созданным. При таком понимании слово природа противоположно слову Бог, потому что Бог не является творением природы, а представляет собой дух, идею, нечто нематериальное. Но именно Бог, согласно христианскому учению, создал мир, вселенную, следовательно, и природу.

Поскольку под словом природа разумеют прежде всего материальное начало, то в это понятие, в-третьих, включают все земное, плотское, телесное, вещественное и преходящее, обреченное на неизбежную и неотвратимую смерть. Тут природа противопоставляется духовному началу, которое невещественно, нематериально и вечно. Но при этом надо иметь в виду, что, хотя природа и человек не вечны, хотя жизненные циклы у человека, растений и животных не совпадают, человечество, как и природа, взятые в целом, обладают свойством долговечности: умирают отдельные деревья, животные и люди, но природа и человечество переживают века и тысячелетия. Так возникает противоречие между конечным существованием отдельного человека, животного или дерева и бесконечным бытием человечества, равно как и бессмертием природы.

Иногда под словом природа — это четвертое значение — представляют всю вселенную и все мироздание в момент их рождения, в их первобытном виде и состоянии. Тогда говорят опять-таки обо всем объеме творения, о трех царствах природы: растительном, животном и ископаемом, к которым потом добавляют еще два царства — небесное и человеческое.

Слово природа может означать также сущность, основное свойство явления, события или какого-либо существа, допустим, врожденные свойства, прирожденные, естественные качества человека мыслить и говорить. Понятие природа, в таком случае, становится обозначением свойств, качеств, которые могут переноситься на отвлеченные и духовные предметы, по сути своей не являющиеся природными.

С этим значением связано представление о природе как о таких свойствах, которые придаются человеку или животному не только рождением, но и обстоятельствами и обычаями.

Вся совокупность значений слова природа издавна широко используется в обычной повседневной жизни и, конечно, в поэзии. Само пребывание человека в мире обусловило при климатических различиях естественную среду его обитания, не мыслимую вне природы. Человек — существо земное. Он не может жить без воды и воздуха. Земля дает ему пищу, одежду и кров. Но земля не только привязывает человека к себе, она сообщает ему ощущение причастности ко всему мирозданию и делает его мыслящей частицей необозримой вселенной, как бы поручившей человеку говорить о ней от ее имени. Стало быть, природа открывается человеку как всеохватная область его интересов, его жизни, его судьбы. И не в одной только материальной сфере, но и в духовной, для человека преобладающей. Все этические, эстетические и иные представления человека рождались на природной почве. Там человек находил и подлинную красоту, и благородную простоту, и трагедию, и справедливость, и возвышенное состояние духа, и комические сценки. Даже самое искусство поэзии с его неперменными составляющими — ритмом, звуками — складывалось на естественной, природной основе.

В стихотворении Пушкина «Муза» богиня поэзии вручает своему новому юному избраннику свирель, «семиствольную цевницу», и он пробует «наигрывать» «слабыми перстами» «по звонким скважинам пустого тростника», «прилежно внимая урокам» «с утра до вечера в немой тени дубров». А.Н. Майков пишет стихотворение «Октава», в котором утверждает:

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говорю; их звук необычайный
Приветствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

А самому искусству — это спящая, немая природа — звук, голос, речь дает человек, наделенный божественным талантом:

Срезал себе я тростник у побережья шумного моря.
Нем, он забытый лежал в моей хижине бедной.
Раз увидал его старец прохожий, к ночлегу
В хижину к нам завернувший. (Он был непонятен,
Чуден на нашей глухой стороне.) Он обрезал

Ствол и отверстий наделал, к устам приложил их,
И оживленный тростник вдруг исполнился звуком
Чудным, каким оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефир, зарябив его воды,
Трости коснется и звуком наполнит поморье.

Природа сопутствует человеку всегда — в радостях и в горестях, в веселье и в страданиях, в труде и на отдыхе. Она сопровождает человека от рождения до смерти. Неудивительно поэтому, что природа вошла в поэзию и как огромная тема, и как область напряженных раздумий, и как таинственный мир, который остается загадочным, понятным и непонятым, но помогающим передать личные настроения и переживания, выразить чувства. При этом сама природа может быть безразличной к человеку. Пушкин сказал: «равнодушная природа». «Вечная краса» природы объективно, независимо от человека, считают одни поэты, внутренне присуща ей и замкнута в ней. Сама природа не создает своей красоты и лишена нравственности. Красоту и нравственность привносим в природу мы, однако наши представления о красоте и нравственности сложились не без участия природы. Значит ли это, что красота природы существует лишь для нас, а не для нее? Разве для жизни цветка безразлична его яркая окраска? Слова Пушкина о равнодушной природе не нужно понимать так, будто равнодушие касается жизни самой природы.

В жизни природы есть собственная цель, лежащая в ней, а не вне ее. Гете как-то заметил, что он согласен с мыслью великого немецкого философа Канта о том, что пробковое дерево растет не для того, чтобы люди могли закупоривать пробками бутылки с шампанским. Природа самодостаточна, и в этой самодостаточности она не нуждается в человеке и пребывает равнодушной к нему. Но при этом, с точки зрения Пушкина, природа не осознает своей красоты и уж, конечно, не «думает» быть красивой для нас, чтобы нам понравиться. Она существует для себя.

Человек тоже существует для себя, но не в узко эгоистическом смысле, который отвергается как христианским учением, так и наукой. В отличие от природы люди не могут быть равнодушны ни к природе, ни к ее «вечной красе». Когда Пушкин пишет о природе, в его стихотворениях проявляется живой к ней интерес. Это касается не только Пушкина: равнодушная к человеку и к своим прелестям природа, если допустимо встать на точку зрения природы, противостоит равнодушному к ней человеку. И в этом для природы и для самого человека таится огромная опасность: человек не просто созерцает природу и любит ее «божественными красотами», но относится к природе как победитель, которому отдано на разграбление поверженное царство. Тогда природа «мстит» людям, лишая их пищи, воды, воздуха. Хищнически и варварски уничтожая природу, человечество уничтожает себя. Надо сказать, что подобное потребительское, грубо утилитарное отношение к природе в русской поэзии всегда осуждалось.

Изречение Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», равно как и слова Мичурина о том, что человек не должен ждать милостей от природы, а обязан взять их у нее, не вызывали почтения, потому что односторонне и категорично отрицали именно поэтическое чувство природы, призывали к грабительскому отношению к природе.

Противопоставление храма и мастерской, слов *ждать* и *взять* выглядело кощунственным, ибо работа в мастерской не исключает, а, напротив, предполагает уважение к природе

и даже поклонение ей, без чего вся работа превращается в хищничество, воровство и грабеж. Те же самые действия последуют, если сделать упор на слове *взять*. Но было бы неверно, да и невозможно, ограничиться одним лишь созерцательным отношением к природе, увидеть только храм, в котором и на который мы должны молиться.

Суть верного отношения, не наносящего ей вреда, заключается в гармоническом равновесии «храма» и «мастерской». Природа нуждается в трезвом и одновременно бережном подходе к ней со стороны человека.

В русской литературе и в русской поэзии как раз утвердилось благодарное чувство к природе — и за то, что она дает пищу, одежду и кров, и за то, что она возвышает дух. Нужда в использовании природных богатств не мешает, а гармонически согласуется с бескорыстными чувствами. Л.Н. Толстой в «Анне Каренине» писал о Константине Левине, героя отчасти автобиографическом: «Он всегда испытывал что-то особенное, забирающее за живое в уборке сена». И когда Левин вместе с мужиками косил луг, это «особенное» чувство не покидало его. Левину, давно не косившему, сначала трудно войти в ритм работы: коса плохо слушается его рук, страшная усталость наваливается на него всей тяжестью. Но все-таки «ему было очень хорошо». Его «радовало то, что он знал теперь, что выдержит». Это первое ощущение уверенности незаметно вызвало в душе Левина новое желание — «не отстать от мужиков и как можно лучше сработать». Но как только он начинал стараться, выходило у него дурно, и тяжесть труда снова одолевала его. Однако он постепенно втягивался в работу, и «все чаще и чаще приходили те минуты бессознательного состояния, когда можно было не думать о том, что дальше. Коса резала сама собой». Толстой вновь и вновь возвращается к этим минутам: «Чем долее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытия, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты».

В короткие передышки и время обеда Левину казалось, что лучшего напитка, чем квас, он не пивал, а после тюрки, которой его угостил старый крестьянин и которая была необыкновенно вкусна, «Левин раздумал ехать домой обедать». Общий труд, общая еда — простая и здоровая — неожиданно сблизил барина и мужиков, и Левин разговаривал со стариком «о его домашних делах, принимая в них живейшее участие, и сообщил ему все свои дела и все обстоятельства, которые могли интересовать старика». «Он, — писал Толстой, — чувствовал себя более близким к нему, чем к брату, и невольно улыбался от нежности, которую он испытывал к этому человеку».

В сцене покоса писателя занимала мысль о духовных радостях, приносимых крестьянским трудом, о благе естественных связей между людьми, о нравственной чистоте возникающих в общем деле человеческих отношений.

Крестьянство — святая, «вечная» и, можно сказать, философская тема русской литературы вообще, и русской поэзии в частности. Труд земледельца наиболее тесно связан с природой, с землей, с простыми заботами и радостями. Самая жизнь крестьян всецело подчинена природному циклу, когда смена времен года приносит каждый раз новые и вместе с тем повторяющиеся трудовые хлопоты, мерное и разумное чередование отдыха и полевых работ, праздников и будней.

В поэзии издавна осень, зима, весна и лето означают нечто большее, чем просто времена года. Они обрели устойчивые образные ассоциации, за ними закрепились поэтические символы, связанные с пробуждением и расцветом жизненных сил, настроениями

радости и веселья, грусти и печали. Поэтов большей частью привлекала степная природа, лишенная ярких, бросающихся в глаза экзотических красок. Она пленяет и трогает милой прелестью настоящего на полевых травах летнего дня, морозного осеннего, «ядренного», как сказал Некрасов, воздуха, белой бескрайней пустыней до горизонта тянущихся снегов, живостью журчащих весенних ручьев и разливающихся в половодье рек с ранними туманами над водой. Она дорога каждому большому русскому поэту своей непосредственной жизнью, своей скромной простотой, в которой нет показной красоты, но много красоты внутренней, раздолья, спокойствия, степенности и величия, вызывающих к нравственной строгости и чистоте. Русская поэзия стремилась слить взысканные принципы, выработанные лучшими умами человечества, с природными законами, представлявшимися ей справедливыми и разумными. Наконец, природа, в сравнении с жестокими официальными и несправедливыми устоями, выступала искусным врачом, укрепляющим дух, исцеляющим от душевных недугов и вносящим в него успокоение и гармонию.

Одни поэты черпают в ней силы для борьбы и веры в лучшее будущее народа, другие, обращаясь к ней, задумываются о философских противоречиях бытия, третьи находят в ней источник разрешения противоречий собственного сознания, четвертые она побуждает проникнуться светлым оптимизмом. Так или иначе, русская природа в изображении наших поэтов — самостоятельная и очень важная тема, благодаря которой в поэзии были совершены значительные художественные открытия в познании человека, его характера, психологических мотивов общественного поведения. И даже само поэтическое творчество — дар природы, такой же естественный акт, как произрастание злака, течение воды, рождение цветка.

Природа изображалась в лирике не просто фоном, на котором проходит жизнь и деятельность человека, но неотъемлемой частью его души, одним из самых глубоких и значимых переживаний, связывающих его с землей, с «малым домом» родного края и с «большим домом» — Отчизной, как выразился замечательный русский поэт Александр Твардовский. Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы, от бережливого и рачительного пользования ее дарами.

Передача чувства природы в русской поэзии чрезвычайно разнообразна. Нет поэтов, у которых это чувство было бы одинаковым. Поэт-символист и теоретик стиха Андрей Белый в книге «Поэзия слова» попытался рассмотреть особенности зрительного восприятия природы в стихотворениях Пушкина, Тютчева и Баратынского. Он пришел к выводу, что три выбранных им поэта чрезвычайно своеобразно видят природу и воспроизводят свое зрительное восприятие: «Три поэта трояко дробят нам природу; три природы друг с другом враждуют в их творчествах; три картины, три мира, три солнца, три месяца; три воды; троякое представление о воздухе; и — троякое небо»¹.

По наблюдениям А. Белого, ночное светило у Пушкина — женщина: луна, враждебно-тревожная царица ночи, к которой поэт иногда относится шуточно, с насмешкой («глупая луна»). Он употребил слово «луна» в своих сочинениях 143 раза и явно предпочитал луну месяцу (встречается 45 раз) в значении «небесное светило». Тютчев, напротив, предпочитал слово «месяц». При этом у Пушкина луна «бежит» по небу, лик ее часто скрыт, «отуманен», она — «невидимка». У Тютчева же месяц — блистающий «гений»

¹ Семиотика. М., 1983. С. 552.

неба, льющий в душу покой, не тревожащий ее, а усыпляющий. Баратынский на равных основаниях употребляет слова «луна» и «месяц», но все-таки месяц у него призрачен и принадлежит душе, а луна пуста и для поэта не столь интересна. Таким образом, у каждого поэта своя луна.

И не только луна, но и солнце. У Пушкина оно — высокое, ясное, яркое, символ духовного света, разума, неугасимого творческого огня. Солнце Тютчева — раскаленное, пламенное, страстное, обжигающее, блистающее и страшное. У Баратынского солнце живое, но неохотно светящее и почти лишенное блеска, свет его «неверен», призрачен, и чем старше становится человек, тем меньше достается ему солнечного света и тепла. Самое «солнечное» время человеческой жизни у Баратынского — юность. Начальная пора мечтаний и дерзаний человека освещена и согрета у Баратынского «солнцем юности».

И небо у поэтов разное. Пушкинский небосвод — синий и дальний, днем — высокий, чистый и солнечный, ночью — туманный. Пушкин хочет научиться понимать язык природы, он не боится ее, а относится к ней отважно. Небо Тютчева — лазурная огневая твердь, которая манит к себе и пугает, потому что за этой твердью простирается родимый хаос, где человека ожидают не только поглощающее единство с природой, но и неизбежная мгла смерти. Для Баратынского небо родное, живое, облачное и холодное днем, сладкое и приманчивое ночью. Всем существом он устремляется от земли в небо, но никогда не достигает его, потому что и на земле, и на небе судьба человека одинаково трагична. Природа у Баратынского раздвоена: в ней кипят бури, бушуют непокорные страсти. Когда они смирятся, воздух после бурь очищается и становится благоухающим, свежим, целебным.

Не только поэты различаются в своем восприятии и воспроизведении природы, но и разные литературные эпохи. Классицисты, романтики, реалисты различно видят одни и те же явления. В этом легко убедиться, сравнив стихотворения, помещенные в этом сборнике и посвященные какому-нибудь одному времени года, например весне или осени.

И все-таки при всех очевидных различиях в передаче природы в поэзии возникли и общие «законы», оформились виды поэтических пейзажей, которые можно объединить в особые группы. Восприятие природы и ее переживание связаны с особенностями жанра. Было бы странно, если бы в идиллии, передающей чувство гармонии, покоя, уравновешенности, мира в душе и мира вне души вдруг возник бы бурный пейзаж. Это возможно только в том случае, если идиллия нарушена. Если перед нами типичная идиллия, то изображение природы в момент грозы неуместно. В знаменитой «Идиллии» А.А. Дельвига предстала вся жизнь влюбленных от зарождения чувства любви и расцвета их чувств до могилы. Но и после смерти любовь их не угасла:

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих деревьев имена начертали:
Титир — Зою, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослись. —
Нимфы деревьев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вождельем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

Любовь юных влюбленных зарождается на лоне умиротворенной, гармоничной природы, в тени «двух юных платанов». Впоследствии сросшиеся платаны стали памятником верной любви, хранилищем чувства влюбленных и живым свидетельством вечного и не угасшего чувства.

В других жанрах природа выступает не столь безмятежной и гармоничной. В элегии, например, она — предмет глубокого и часто очень напряженного личного раздумья, включающего интимные, социальные и философские переживания обо всем устройстве бытия.

При множественности пейзажей в поэзии исследователи литературы выделили несколько устойчивых природных зарисовок и мотивов. Так, М.Н. Эпштейн в сочинении¹, посвященном системе пейзажных образов в русской поэзии, различает несколько типов пейзажей: «идеальный пейзаж», «бурный пейзаж», «унылый пейзаж».

Общим для любого пейзажа является то, что природная картина в поэзии не воспроизводится точно такой, какой она предстала взору поэта в действительности. Действительная натура — прототип картины поэтической, потому что в поэзии она выступает уже преображенной, наполненной субъективным чувством автора. Здесь мы имеем дело с тем же свойством искусства, что и в живописи: картина, нарисованная художником, не является точной копией увиденного им пейзажа. Художник вложил в изображение свою душу. Если всегда иметь в виду это обстоятельство и помнить о нем, то в русской поэзии можно выделить при передаче природы пейзаж действительный и пейзаж фантастический.

Под действительным пейзажем понимаются поэтические картины природы, сохраняющие связь с реальной, объективно существующей натурой, которая стала непосредственным прототипом для поэтически преображенного пейзажа. Сюда могут быть зачислены наивные зарисовки, подобные, например, стихотворению А.Н. Плещеева, вошедшему в цикл «Сельские песни»:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

Но сюда же входят и стихотворения, в которых с помощью образов природы воссоздаются личные переживания. Поэт в этом случае не столько стремится к тому, чтобы передать очарование и красоту природы, сколько ставит перед собой задачу увлечь читателя собственными переживаниями. Однако «пейзаж души» создается не вопреки природным образам, а на ее основе. Когда В.А. Жуковский в элегии «Вечер» создавал картину гаснущего и уходящего дня, за этой картиной вставала иная — гармонии в душе поэта и его гармонии с окружающим внешним миром:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

¹ Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 126–155.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колыхнется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филемелы...

Но что?... Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Из этого отрывка видно, что Жуковский в своем переживании природы и в своем выражении этого переживания опирается на вполне реальную и вполне конкретную картину смены дня ночью. Однако целью его становится не передача этой картины, а желание сообщить читателю собственное настроение.

Мы видим, как гармония природы перетекает, переливается в душу поэта и наполняет ее. Поэтический пейзаж на наших глазах становится пейзажем души. С помощью образов природы Жуковский передал охватившее его переживание умиротворения, покоя, предшествующее творческому состоянию и вдохновению. И это, конечно, неслучайно, потому что поэзия — это словесная музыка, призванная воплотить гармонию бытия, а поэт — избранный сын гармонии.

В стихотворении «Невыразимое» Жуковский писал, что, как поэт, не ограничивался целью описать природу, потому что в этом случае простое описание оборачивается омертвлением живого. Природа — живое и прекрасное создание. Облаченная в слово, она становится мертвой. Но в таком случае уместен вопрос, заданный Жуковским:

Но лъзя ли мертвое в живое передать?
 Кто мог создание в словах пересоздать?
 Невыразимое подвластно ль выраженью?..

Оказывается, описать доступные глазу картины природы не вызывают никакого труда:

Что видимо очам — сей пламень облаков,
 По небу тихому летящих,
 Сие дрожание вод блестящих,
 Сии картины берегов
 В пожаре пышного заката —
 Сии столь *яркие черты* —
 Легко их ловит мысль крылата,
 И есть слова для их *блестящей* красоты.

Значительно труднее передать словом не красоту природы, а ее одухотворенность, слитую «с сей блестящей красотой». Именно она дает жизнь природе и волнует человека:

Сей внеплемый одной душою
 Обворожающего глас,
 Сие к далекому стремленье,
 Сей миновавшего привет...

Иначе говоря, почти непреодолимая трудность для поэта — выразить «присутствие Создателя в созданье», запечатленное в природе и воздействующее на человека. Через природу Творец общается с человеком, «беседует» с ним, и только потому можно сказать, что природа возвышает душу человека и устремляет ее ввысь. Уловимая красота природы и неуловимая одухотворенность ее — вот противоречие, с которым сталкивается поэт и которое он хочет преодолеть, а, преодолевая, все сильнее осознает, что его поэтическое слово лишь искажает и омертвляет душу природы и собственные переживания. Ему остается только признать, что не звук, не слово, не речь, а именно молчание наиболее верно передает содержание природной жизни.

Таким образом, действительный пейзаж имеет множество разновидностей — от простых описаний природы до раздумий о ней и душевных ее переживаний, непосредственно с природой не связанных, но вызванных или навеянных ею. Часто природа оказывается только стимулом или катализатором чувств, вызванных по аналогии с ее состоянием. В этих случаях необычайно зыбкая и необязательная связь между образами природы и переживаниями человека способна порождать комические сцены, вроде той, какая нарисована Козьмой Прутковым в стихотворении «Юнкер Шмидт»:

Вянет лист. Проходит лето.
 Иней серебрится...
 Юнкер Шмидт из пистолета
 Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится!

Множественность разновидностей «действительного пейзажа» ограничена временами года, сменой утра, дня, сумерек, вечера, ночи, особенностями южной и северной природы, их растительностью и животным миром, а также литературными традициями.

Легко заметить, что больше всего стихотворений, вошедших в предлагаемый читателю сборник, посвящено зиме, осени, весне и меньше — лету, самой короткой поре в России; что наибольшим вниманием у поэтов пользовались утро, утренняя и вечерняя заря, сумерки, вечер и особенно ночь с ее мраком и мглой, а день (полдень) встречался довольно редко. Поэтов влекла природа как космическая вселенная, населенная планетами и звездами и полная таинственных стихий. Из планет наиболее часто упоминаются земля, солнце, луна, звезды. Кометы и другие небесные тела — случайные гости в поэтических текстах. Из стихий мироздания первое место занимает вода (море, океан), затем земля, небо и воздух, которые почти всегда осмыслены в духе древних мифологических представлений или так или иначе с ними связаны. Среди состояний и разных явлений природы часто описываются свет, тишина, облака, туманы, дожди, снега, ветры, бури, тучи, грозы, молнии и гром. Это понятно: у нас, в равнинной России, нет ни экзотических вулканов, ни катастрофических землетрясений, ни гигантских тайфунов, ни губительных смерчей, ни других катаклизмов. Ветры и бури у нас умеренные, довольно быстро проходящие, хотя это не мешает изображать их могущественными силами. Частота употребления тех или иных состояний и явлений природы зависит также от уходящих в древность символических значений. Например, древо жизни (мировое древо) представляет собой космический образ, универсальную концепцию мира. В качестве такого древа часто выступает дуб, как в стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Воздух связан с мужским началом мироздания. Дождь — символ союза земли и неба, а молния — знак брака неба и земли. Утро ассоциируется с весной, полдень — с летом, сумерки, вечер — с осенью, а ночь — с зимой.

Растительный и животный мир севера, населяющий русскую поэзию, не столь роскошен и разнообразен, как южный. Поэты предпочитают, однако, довольно убогую и скудную природу буйной и поражающей глаз. Возможно, поэтому растения присутствуют в поэзии в собирательном виде: не отдельными деревьями и кустами, а собранными вместе — лес, сад, дубравы, травы, луг. Точно так же обозначаются листья: лист, листок, листья — без указания на то, какому дереву или цветку они принадлежат. Сходным образом поступают поэты и с цветами, во множестве стихотворений описывая цветы вообще или цветок вообще. Из отдельных деревьев и кустов более других удостоены внимания берёза, рябина, сосны, ели, ивы, но встречаются тополь, дуб, верба, ракета, сирень, черемуха, жасмин, хмель. Названия цветов употребляются сравнительно редко. Первенство среди цветов отдано розе, но упоминаются незабудки (незабудочки), астры, фиалки, мимоза, колокольчик, маки, ландыш, одуванчик, подсолнечник.

Мир насекомых весьма беден — мотылек (бабочка), пчелы, шмель. Среди птиц первое место держат соловей, за ним идут жаворонок, ласточка, лебедь, журавли, а потом — орел, петух, сова, филин, павлин, грачи, зяблик, пеночка, буревестник, дятел, кукушка, вороны, галки и просто — птичка. Разнообразие птичьего царства в какой-то мере искупает скудость животного: читатель сборника найдет упоминания о коне, кобылице и пантере.

Что же касается устойчивых пейзажей, связанных с литературными традициями, то «действительный пейзаж» знает, помимо идиллического, элегического (унылый) и одический (стихийный, бурный)¹. Если идиллический пейзаж восходит к жанру идиллии, то элегический — к жанру элегии, а одический — к жанру оды. Признаки этих жанров сложились в эпоху античности и затем вошли в значительно изменившиеся жанры новой и новейшей поэзии.

В одическом пейзаже господствуют стихии — либо природные, либо человеческие (внешние и внутренние). Природные стихии — извержения вулканов, грандиозные землетрясения, бури, вихри. Человеческие стихии — буря чувств, не подчиненная разуму или рассудку. Она часто завершается непоправимым поступком, неизбежно приводящим к катастрофе. К неподвластным человеку стихиям относятся также войны, сражения, битвы (например, в одическом ключе Пушкин описывает полтавский бой в поэме «Полтава», душевное смятение — в стихотворении «Бесы», природный катаклизм — в стихотворении «Обвал»). Признаки одического пейзажа — звуки: шум, гул, грохот, свист, вой, сопровождаемые часто мраком, мглой, завыванием ветра, мятущимися волнами моря, озера или реки. Часто в качестве фона в одическом пейзаже выступает дремучий, непроходимый лес или бесформенные груды скал.

В одическом пейзаже царствует вольная и ничем не сдерживаемая стихия. Она выходит наружу из своих берегов и обрушивается на все живое, стремясь превратить его в прах. Если стихию, как в «Полтаве» или «Медном всаднике» Пушкина, удастся обуздать, она принимает вид «стройной красивости», не утрачивая признаков возвышенности и величавости. Но обычно стихия связана с разрушением и беспорядком.

Особой разновидностью одического пейзажа является философский или натурфилософский пейзаж, типичный для философской лирики, которая берет начало в философской оде, в псалмах. Для Державина слова «Природа» и «Бог» тождественны, потому что Природа — создание Бога, его воплощение, а Бог — создатель Природы, воплощенный в ней. В дальнейшем русская поэзия развила философскую тему природы в стихотворениях Шевырева, Хомякова, Баратынского, Пушкина, Фета, Случевского, Льдова, В.Соловьева, Фофанова и других поэтов. В наибольшей степени поэтическая философия природы свойственна Ф.И. Тютчеву, который создал грандиозный и оригинальный миф о Вселенной. Этот миф в значительной степени романтизирован.

Как же представляет себе Тютчев рождение Вселенной, ее жизнь и ее гибель и как этот миф формирует целостность, органичность и единство художественного мира Тютчева? Какова поэтическая космогония Тютчева?

На поверхности жизни человек, по убеждению Тютчева, видит порядок.

Признаки его — культура и цивилизация. Но поверхностное знание обманчиво. Земная жизнь днем, когда человек бодрствует, — это не более, чем сон, подобно тому, как великолепный небесный свод в виде покрыва окутывает («объемлет») «шар земной», и человеку не видна мрачная и бездонная бездна мироздания, так и земная жизнь окутана («объята») своим покрывом («снами»), тоже дающим ложное представление о действительной ее сущности. Если же снять покров снов, то обнажится мощная и грозная игра стихии, развернется пылающая бездна. Тогда земля, место обитания человека, окажется утлым чепсом, на котором во Вселенной плывет человечество, со всех сторон окруженное силами хаоса.

¹ Названия устойчивых типов пейзажей употребляются условно, так как условна сама связь пейзажей с теми или иными жанрами.

Большую часть написанного Тютчевым составляют стихи, посвященные природе, но стихотворений, передающих просто конкретно-чувственное переживание природы, у Тютчева немного. Одно из таких чисто пейзажных стихотворений, которое очень любил Л.Н. Толстой, — «Есть в осени первоначальной...». Глаз Тютчева действительно зорек к деталям пейзажа и рождаемому картинами природы настроению. Он чувствует прелесть ранней осени, когда открывается необъятный простор, а поле-труженик, выполнив «работу», отдыхает. Поэт находит выразительный образ — «Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде». «Отдыхающее поле», прежде чем покрыться снегом, заслуженно «награждается» свыше: на него «льется чистая и теплая лазурь». Однако подобных стихотворений у Тютчева считанные единицы.

Как правило, природа у Тютчева — это не пейзаж, населенный растениями, животными и людьми, а хаос и космос, в которых живут и действуют стихии воды, грозы, ночи, огня, дня, солнца, звезд, ветра, гор, представляющие собой самостоятельные силы мироздания. Тютчева интересуют не картины природы, доступные нашим чувствам, нашему созерцанию, а наблюдения над стихиями природы и ее закономерностями, внятные нашему разуму, нашим мыслям. Пейзажные образы представляют собой субстанциональные силы, стихии бытия и составляют первооснову художественного мифа о Вселенной. Они, эти элементарные стихии, являются героями лирики Тютчева и аналогичны в его поэтическом мифотворчестве, с одной стороны, мифологическим вымыслам античной философии и литературы, а с другой, — натурфилософским¹ построениям Шеллинга и немецких романтиков. Недаром Тютчев прилежно вникал и в античность, и в современный ему романтизм. Но тютчевские образы индивидуальны, своеобразны, и их нельзя свести ни к античности, ни к немецкой романтической натурфилософии. Тютчев сближается с теми и другими в том, что созданная им художественная мифология реальна. Ему присуща поэтическая вера в божественную одухотворенность мироздания, в богоподобность Природы. Он верит так, как верил в миф античный человек, он ощущал присутствие Божества в природе, как его ощущали Гете, иенские романтики², Жуковский, поэты-любимудры. Иначе говоря, созданный им художественный миф о жизни Вселенной обрел для него достоинство реальности и не был условным. С его помощью поэт стремился познать сущность бытия, всеобщие законы, управляющие мирозданием.

В стихотворении «Осенний вечер» пейзажные приметы скупы, но в соединении с другими образами сливаются в картину определенного момента всемирной жизни. «Светлость осенних вечеров», как и другие приметы осени («Зловещий блеск и пестрота дерев», «Багряный листьев томный, легкий шелест», «Туманная и тихая лазурь», «Порывистый, холодный ветер», «Ущерб, изнеможение»), — все это не только самостоятельные и непосредственно предстающие взору признаки, а вечные сущности мироздания. Они открыты мысли, которая «видит», что перед нею

¹ Натурфилософия — философия природы, которая рассматривает и истолковывает природу в ее целостности.

² Иенские романтики — кружок немецких романтиков 1797–1802 гг. в г. Иена, в который входили братья А. и Ф. Шлегели, Новалис, Л. Тик, В.Г. Вакенродер. Опираясь на философию И.Г. Фихте и Ф.В. Шеллинга, они создали философскую, эстетическую и литературную теорию романтизма.

Та кроткая улыбка увяданья,
 Что в существе разумном мы зовем
 Божественной стыдливостью страданья.

Доказательством этому служит то, что глазами мы никак не можем углядеть ни «улыбку увяданья», «ни божественную стыдливость страданья». Это означает, что Тютчев постигает борьбу стихий не как деталей пейзажа, деталей обстановки, а как самостоятельных сил мироздания. От явлений природы он сразу переходит к ее законам.

В качестве таких фундаментальных законов, которым подчиняются элементарные стихии и которые сами же их формируют, по мнению разных исследователей, выступают у Тютчева характерные противоречия. Одни называют «Хаос — Космос», другие — «День — Ночь», третьи — «Небо — Земля». Например, Ю.М. Лотман полагает, что таким фундаментальным противоречием является оппозиция «Бытие — Небытие», которая варьируется и принимает вид других оппозиций: «Смерть — Жизнь», «Океан (Бездна) — Человек», «Север — Юг»¹. При этом одни и те же образы-понятия могут иметь в разных стихотворениях противоположные значения — положительные смысловые оценки меняются на отрицательными. В одних стихотворениях «день», на который наброшен покров, означает ложное, иллюзорное бытие, а ночь — истинное, подлинное. Стало быть, днем идет ненастоящая жизнь, скрывающая первооснову мира — «бездну», а ночь, срывая покров, обнажает хаос и дает почувствовать человеку всю хрупкость его существования, всю беззащитность его и человеческого общества перед открывшейся игрой могучих стихий («День и ночь»). Человеческая душа часто лишь напрасно уверена, что живет днем полнокровной жизнью, на самом деле она прикоснулась к поверхности бытия, тогда как ночью, наблюдая буйство стихий, она убеждается, что величественная, грандиозная и достойная человека жизнь проходит за пределами дня. Дневная жизнь — мелкая, суетливая, наполненная ничтожными заботами. Лирический герой Тютчева с горечью осознает, что днем «грустно глится жизнь», что она уходит «дымом», а сам он «гаснет в однообразье нестерпимом». Ночь дает Тютчеву масштаб подлинно напряженной, величественной и возвышенной жизни, и его лирический герой готов отдать эту дневную жалкую жизнь за миг пламенной, яркой жизни, подобной той, какой живет могучая природа:

О небо, если бы хоть раз
 Сей пламень развился по воле,
 И, не томясь, не мучась доле,
 Я просиял бы — и погас!

Ночь открывает зрелище неподвластных человеку и невиданных им катастроф, катаклизмов и столкновений сил Бытия, перед нечеловеческой энергией которых меркнут кажущиеся людям важными все их жизненные проявления днем. И вместе с тем ночь страшит человека, потому что ему не дано жить жизнью природы. День словно бы «придуман» божественной природой для того, чтобы не пугать человека, слабого перед мощью Бытия, которая недоступна его разумению.

¹ Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева. В кн.: Тютчевский сборник. Таллинн, 1990. С. 111 и др.

День (жизнь, космос, Юг) в поэзии Тютчева окружен стихиями огня, света, наполнен солнцем, но в старости человек уже не может вынести «зноя» и жаждет укрыться в тень от палящих лучей солнца — новых идей и новых поколений. И тогда день превращается в ненавистного врага, в губительную и разрушительную силу («Как птичка, раннею зарей...»):

О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..

Поэт призывает ночь, которая, в свою очередь, набрасывает покровы на испепеляющий день:

О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

День у Тютчева («Безумие») не только скрывает подлинную жизнь, но и уничтожает все живое. Разум человека превращается в «безумье жалкое», которое в своей беззаботной веселости и простодушной наивности не понимает, что место обитания — «земля обгорелая», «дым», заменивший «небесный свод», «раскаленные лучи», «пламенные пески», «растреснутая земля» — губительно для жизни человека. И действительно, все чувствующее и понимающее исчезло, но безумие мнит себя истинным разумом, будто бы проникающим в существо природы. Оно исполнено «довольства тайного на челе», тогда как истина состоит в том, что жизнь природы для него наглухо закрыта. Огонь, солнце, свет выступают здесь силами разрушительными, но могут быть и стихиями благами¹.

Такими же разными смысловыми значениями обладает и образ «ночи». Уничтожая границы дня и раздвигая пространство во времени, ночь раскрывает перед человеком всю полноту бытия и восстанавливает его связь с мирозданием. В стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла...» лирическому герою жаль «дня отрадного, дня любезного»², «золотой покров» которого «свила» ночь. И вот день, «как виденье», исчез, и человек остался беззащитен перед «бездной», «пред пропастью темной». У человека отнята опора как во внешнем мире, так и в душе:

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...

И тогда уже день «чудится» благом сном, в котором было «все светлое, живое». Но «в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье роковое». Оказывается, его прародина — ночь, «бездна», стихия. Но, некогда ей причастный и родной, он ныне уже слаб, хил и не готов предстать один на один с бездной бытия.

В другие же минуты судьбы у человека возникает желание слиться с породившим его природным целым и обрести с ним единство даже ценой утраты «я». В стихотворении «Тени

¹ О смысловых значениях образа огня и других см.: Козырев Б.М. Письма о Тютчеве. — В кн.: Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 106–108.

² Здесь иная — положительная коннотация образа.

сизые смешались...», когда уже исчез день и еще не наступила ночь, к человеку приходит «час тоски невыразимой», и он ощущает единство с природой, с мирозданием, со всей Вселенной: «Все во мне, и я во всем!..». И это слияние с природой настолько безраздельно овладевает им, что он в молитвенном экстазе просит растворить его душу в душе природы:

Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Эта же тема развита в стихотворениях «Весна», «Смотри, как на речном просторе...». В стихотворении «Весна» первые признаки весны уже говорят своим «языком» о том, что она живет настоящим и только им. И розы, и соловей наслаждаются расцветом жизни, которая «разлита», подобно «океану безбрежному». В такие минуты и человек хочет стать бессмертным и свободным, перестать быть «игрой и жертвой жизни частной» и отважно, не взирая ни на что, ринуться «в сей животворный океан»:

Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божески-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Новый поворот той же мысли — в стихотворении «Смотри, как на речном просторе...». В конкретной пейзажной картине, которую наблюдает поэт, — льдины одна за другой из реки втекают в море, — он видит иную, метафизическую картину. Льдины плывут не просто в обычное море, а во «всеобъемлющее море». Этот эпитет свидетельствует не только о морском просторе, но и о способности объять, принять в свое лоно и растворить в себе льдины. Но, кроме того, это море бытия, море необъятной жизни. День и ночь в стихотворении уравниваются, между ними нет противоречий, нет спора: они тают независимо от того, когда они плывут — ночью или днем. Не имеет значения и «индивидуальность» льдин — большие они или малые. Они равнодушны, безропотны, безразличны, подчиняясь одному неумолимому закону природы — влиться в море и раствориться в нем, стать стихией, слиться «с бездной роковой». Час их уничтожения есть час их торжества: «Утратив прежний образ свой», перестав быть льдинами, потеряв свою «индивидуальность», они станут «всеобъемлющим морем», обретут единство с родной стихией. Если это так, если в этом состоит закон природы, то не значит ли, что гордые претензии и амбиции человека во что бы то ни стало сохранить неповторимость своей личности, лелеять и холить свое «человеческое Я», свою индивидуальность, считая ее превыше всего, есть лишь «нашей мысли оболыценье», противное установлениям природы? Не подобна ли наша участь судьбе всех обитателей Вселенной, принимающих новый вид, рано или поздно становящихся прахом и поглощаемых, объемлемых природой и матерью-землей? Стало быть, есть нечто более возвышенное и более ценное, чем «Я». Если это так, то бессмысленно роптать и отрицать истинное величие, состоящее в единстве с первородным целым. Но Тютчев не был бы Тютчевым, если бы глубоко не скорбел об утрате личного начала и не считал бы эту утрату трагическим актом.

Тем не менее, от стихотворения к стихотворению в лирике поэта звучит мотив возвращения к исходному началу. Это начало понимается как бесформенный Хаос, который открывается чувственному и мысленному взору ночью и в котором идет непрерывная

борьба стихий, буйство разрушительных сил, неожиданно рождающих порядок, Космос, наполненный смыслом, красотой и гармонией. Хаос в лирике Тютчева — разрушительная и созидательная бездна. В нем два нерасторжимо связанных начала, переходящих друг в друга. Ночной ветер доносит до лирического героя («О чем ты воешь, ветер ночной?») безумные, пугающие, жалобные звуки, внятные сердцу, но непонятные разуму. В них скрыта «непонятная мука», вызывающая взрыв ответных звуков. Это «страшные песни» «Про древний хаос, про родимый» становятся «повестью любимой». Им, узанным сердцем, «внимает» «жадно мир души родной»:

Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..

Но человеку, в котором «бури» хаоса уже уснули, страшно снова очутиться в хаотической бездне и потерять свое «человеческое Я». Однако в другом стихотворении — «Сон на море» — именно погружение в стихию хаоса рождает «сон», и лирический герой на фоне хаоса острее ощущает свою, словно выросшую из хаоса «грезу» — космос, упорядоченность, красоту, гармонию бытия и масштаб собственной личности. Так «две беспредельности» существуют слитно, без борьбы, и, не растворяя свое «я» в беспредельном, вбирают обе беспредельности в себя, и личность выступает центром их примирения и согласия:

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный стоял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревуших валов.

Из всего этого можно заключить, что хаос в тютчевской лирике таит в себе космос, и потому растворение личного начала в бесформенном и безличном хаосе еще не означает уничтожения в Небытии, а предполагает «высший подъем духовных сил, упоение жизнью, сопричастность к полноте бытия», но с одним, правда, условием: если при этом обе «беспредельности» — хаос и космос — сливаются в личности, в человеческом «Я». Если этого не происходит, то человек не чувствует гармонии в хаосе и лишен такого переживания.

В стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» хаос действительно таит гармонию. Она содержится «в стихийных спорах»:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе...

Казалось бы, даже растворившись в природе и слившись с нею, человек должен ощутить и понять эту гармонию, коль скоро она внутренне присуща хаосу. Однако трагедия состоит в том, что, растворившись в природе, становясь ею, человек у Тютчева этого не ощущает, потому что в этом случае он утрачивает свое «Я». Тем более он не чувствует гармонии с природой, когда сохраняет личность, мыслит себя отделенным от природы. Тут независимо от его воли между ним и природой наступает разлад. Истинной гармонии (как и свободы) можно достичь только растворившись в природе и слившись с ней, а изолированное самостоятельное существование дает лишь сознание разлада (и призрачности свободы). Но люди — тоже дети природы и обречены петь «в общем хоре». Однако звучание «хора» нестройно:

Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник...

Тютчев задается вопросами: почему нет согласия души с природой? «Откуда, как разлад возник?». И один из его ответов поразителен:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Стало быть, разлад придуман человеком.

К несколько иному ответу склоняется Тютчев в других стихотворениях. Природа не знает ни времени, ни пространства. Весна, как и другие времена года, бессмертна. Она каждый раз «в условный час слетает» на землю, и, подобно божествам, «блаженно-равнодушна». Весна «не ведает», «была ль другая перед нею», была ли она краше или нет. Сама природа не может сказать о себе, красива она или безобразна, гармонична или дисгармонична. Природа не может оценить себя, потому что она стихия. В ней есть душа, есть особый язык, но нет сознания. Разум, сознание, рассудок даны человеку, который выделился из природы и получил возможность оценивать ее не изнутри, а со стороны, извне. Поэтому, когда человек растворяется в природе и сливается с ней, он теряет способность оценивать природу с эстетической точки зрения. Он становится сам природой, таким же блаженно-равнодушным, как и она, и утратившим знание о себе. Но, выделенный из природы, он обретает сознание, которое сигнализирует ему, что между ним и природой разлад. Он же жаждет гармонии и думает, что, погрузившись в природу, он достигнет гармонии. Потому-то он так рвется соединиться с ней. Однако в таком случае он должен принести в жертву свое «человеческое я» и тогда он лишится сознания, разума и не сможет ни почувствовать, ни понять, обрел ли он гармонию с природой, как не чувствует и не понимает этого сама природа, которая просто живет своей блаженно-равнодушной жизнью.

Таков один из трагических ответов, которые дает лирика Тютчева на коренные вопросы об устройстве бытия. Первоначально в природе были слиты все первоосновы бытия, все его первоэлементы (например, вода и огонь). Точно так же с природой был слит и человек. Это

время созидательно-разрушительного господства стихии было эпохой синкретизма¹. В процессе космогонической² эволюции из хаоса, «животворного океана», образовался порядок, космос, возник разум и его носитель — человек, который покинул стихию, выделился из нее, обособился от природы и словно бы перестал быть ее частью. Исходное единство Вселенной, всего сущего (синкретизм) было нарушено. Платой за выход из хаоса, за космос и разум стало исчезновение единства Вселенной, а возмездием за разрушенную связь с природой — преследующая человека тоска по единству и жажда уничтожения своего «я» путем возвращения в материнское лоно хаоса.

Трагическая вина человека усугубляется тем, что он стал гордо презирать породивший его хаос, вознесся себя на пьедестал и возвысившись над природой тем, что он объявил свое «я» высшей реальностью бытия. Однако природа отвергает глупую и наивную гордость человека. Отпав от природы, человек страшится некогда родных для него бурь, страшится «древнего», «родимого» хаоса, откуда изошел («День и ночь»). Его «дневное», «культурное» сознание то пугается стихий, то, слыша завыванья ветра, угадывает в них «любимую повесть». И тогда его душа тоскует по целому, тоскует по природе, страдая в сиротливом и безнадежном одиночестве и сетуя на «дневное» бытие как на нечто иллюзорное и ложное. Однако Тютчеву часто жаль расстаться с «человеческим Я», с индивидуальностью и самоценностью, и при переходе границы между «человеческим» и «природным» он испытывает драматические колебания. И это понятно: человеку оставлен небольшой выбор между ограниченным и конечным, узким, привычным, знакомым, конкретным «дневным», «культурным» личностным сознанием и его вечным, грандиозным, величественным «ночным» инобытием — всепоглощающей бездной, беспредельным, абстрактным и безличным хаосом. Поэтому Тютчева привлекают пограничные состояния — ни день, ни ночь, а мглистый сумрак. Он питает тайную надежду занять место между двумя мирами, на границе дня и ночи, совместить несовместное:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!...

Душа мыслится «жилицей» сразу и одновременно «двух миров», ее волнуют и земные «страсти роковые», и небесный рай: она

готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Элегический пейзаж в наибольшей степени свойствен жанру элегии, в которой он и возник. Основное свойство элегии в поэзии — чувство печали, грусти, скорби по поводу тех или иных событий (например, смерти возлюбленной, разлуки с ней, потери друга, расставания с ним и пр.). Отсюда в элегию проникли меланхолия и уныние. Но смерть воз-

¹ Синкретизм — слитное, неразвитое, нерасчлененное первоначальное состояние чего-либо, в данном случае — первобытной материи, природы.

² Космогония — происхождение мира; космогоническая эволюция — развитие мира, Вселенной, небесных тел и систем, в том числе земли как части космоса.

любленной вызывает не только грусть и уныние, но и сладостное воспоминание о счастье с ней, а также мечту о новом свидании, пусть даже за гробом. Так уныние срачивается с воспоминаниями, мечтами, с раздумьями, с чувствами, способными противостоять унынию и даже перебороть его. Печальное и одновременно светлое размышление и раздумье чаще всего посещают человека не утром, не днем, а вечером, когда природа засыпает, когда наступают тишина, покой.

Нередко в вечерние, сумрачные часы небо покрывается облаками, туманом. Время элегии — чаще всего осень, вечер, сумрак. Здесь жизнь и ее силы, обычно воплощаемые в солнце (жизнедавец, источник жизни), находятся, пусть временно, на ущербе. Одиночество человека в элегии заранее определено, и он не может непосредственно проникнуть в области, лежащие за пределами его сознания. Наблюдая явления природы, он видит не столько их, сколько свою душу, и сосредоточен на собственном внутреннем мире. Однако, созерцая природу, он под ее влиянием погружается в свою душу и способен установить связь с душой природы, с душой Творца и с миром небесным, находящимся за гранью видимого мира.

Элегический пейзаж в русской поэзии в ходе ее развития не оставался неизменным. Сначала это был экзотический пейзаж — в большей мере северный, чем южный. Для него характерны такие признаки, как вечер или ночь, туман, таинственный свет луны, тучи и облака, покрывшие вечернее или ночное, тускло освещенное небо. Вокруг погруженного в печаль и раздумье человека — мшистые гранитные развалины, где он тоскует о тцете земной жизни и внезапно отлетевшем счастье. Когда в элегическом пейзаже изображены тишина, покой, журчание ручья, колыханье деревьев, плеск речной волны, то он сближается с идиллическим. В русской поэзии сочетание идиллии и элегии очень часто.

Особенность русской поэзии состоит в том, что она быстро избавилась от северной и южной экзотики. Элегическое раздумье стало признаком национального пейзажа, который, в отличие от южного и северного, выглядел равнинным, степным или снежным с бесконечными дорогами. Это чаще всего скудный и бедный элегический пейзаж, проникнутый неизбывной тоской, песенными стонами, нехитрыми забавами и простыми играми. В нем много грусти, но много нежности, здоровья, крепости, целебной силы и жизни. Не в последнюю очередь благородная неброская простота и бездонная глубина содержания русской поэзии создавалась благодаря всматриванию поэтов в окружающую природу, в ее равнины, противоположные вздыбленным горам и несовместимые с катаклизмами, в бескрайние просторы снежных полей, полные тишины и покоя, ассоциативно связанные с чистотой помыслов и стремлений, с широкими и могучими величественно текущими реками.

Пушкин после ссылки на юг с особенной пристальностью вглядывается в родные просторы. Из его стихов уходят роскошь, нега и напряженная стихийность южной природы. Вместо них появляются безоглядная равнина с неприметной, скудной растительностью. Поэта пленяют простота, безыскусственная красота, мороз, леса. Он учится жить просто и мудро, без суеты. В полемике с теми романтиками, которые любили изображать стихийные, бурные природные явления, он утверждает: «Иные нужны мне картины». Вслед за ним Лермонтов, которого в юные годы увлекала экзотика, бури и страсти, став зрелым поэтом, признавался:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушащий язык.

Люблю я больше год от году
Желаньям мирным дав простор,
По утру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор.

Русская поэзия вняла урокам Пушкина и Лермонтова, и элегический пейзаж стал пейзажем, изображающим обыкновенную природу. Из него исчезали экзотические — южные и северные — краски, приметы романтического письма, ставшие уже шаблонными, и естественно вносились социальные мотивы и философские настроения. Часто такой элегический пейзаж превращается в пейзаж «низкий», признаками которого становятся грязь, холод, все пропитавшая влага, сырость, заунывно, тупо воющий и стонущий ветер, который тербит или носит мокрые опавшие листья¹. Недаром многие поэты называют свои стихотворения «Скучная картина!» (А.Н. Плещеев), «Грустная картина!» (Ю.В. Жадовская).

Элегический пейзаж в его «обыкновенной» разновидности мог, однако, наполняться не только низкими картинками и срачиваться с унылыми настроениями. Обыкновенное у таких поэтов, как Фет, Майков, А.К.Толстой вслед за Пушкиным осознавалось как истинно простое и прекрасное, а переживание красоты передавалось в бодрых, жизнерадостных чувствах и переживаниях. Здесь элегический пейзаж невольно срачивался с высокими жанрами — одой, гимном, торжественной песнью, только предметом восторга было не внешне грандиозное и могучее, а простое и обыкновенное, всем знакомое явление — наступление весны, цветение природы, вечерняя летняя прохлада, сияние солнца после грозы, сама освежающая гроза, разогнавшая палящий зной. Переживание обычных картин природы было торжественным, радостным, бодрим, заставлявшим, по словам Л.Толстого, «полюблять жизнь». Могущество природы осознавалось не в свете ее бурь, катаклизмов и катастроф, а в неистребимой и неиссякаемой стихийной жизненности, в бесконечном разнообразии даваемых ею впечатлений и в неувядающей вечной красоте. Одновременно переживание природы было глубоко личным, интимным и передававшим психологически тонкие душевные ощущения человека. В традициях элегического пейзажа, в частности Жуковского, но, преобразовывая их, лирика постигала внутренний мир личности, вторгаясь в его самые заповедные уголки.

На этой основе Фет создал свою оригинальную эстетическую систему, «поэзию намеков». Фет снова возвращается к мысли Жуковского, а потом и Тютчева, о бедности языка, о невозможности человека выразить мысль словом:

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Ни передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

¹ См. об этом указ. книгу М.Н. Эпштейна. С. 153–154.

Но в отличие от Тютчева и от Жуковского Фет считает, что это правило может относиться к обыкновенному человеку и даже к мудрецу, но никак не к поэту, на которого оно не распространяется:

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Стало быть, поэт способен выразить невыразимое, принадлежащее любой сфере — духовно-философской или природной. Поэтическое слово выше и божественного языка природы, и языка мысли. Творческие усилия Фета направлены на то, чтобы слить свои переживания с материальной средой, с природой. Природа подчиняется закону Красоты, заменяющей у Фета Бога. Красота создает природу, вселенную, мироздание и обладает преображающей силой, сообщая земному, временному, преходящему, смертному достоинства вечного, бессмертного и божественного. Так в переживание природы втягиваются подчас далекие от первоначальных видимых впечатлений все новые и новые явления, признаки, звуки. Прихотливо соединяются запах и температура, слух и осязание, цвет и звук. Природа проникается человеческими переживаниями («устал и цвет небес», «овдовевшая лазурь», «травы в рыдании»), а человек живет жизнью природы, его чувства и даже органы принимают вид природных цветов и оттенков («румяное сердце»). В этом нерасторжимом единстве и царствует живая красота, представляющая собой не нечто мертвое или застывшее, не отдельно живописное, не отдельно звучащее или отдельно пластичное только, а слитое вместе живописное, пластичное, звучащее, передаваемое как трепет жизни, ее дрожание, ее «музыка». Фет не пренебрегает ни звуками, ни пластикой, ни живописью и потому создает мир природы в его точной вещественности и конкретности. В его стихотворениях, как никогда до того в русской поэзии, разнообразен растительный и животный мир, причем не в устойчивых символических признаках, ставших условными, а в особенных, индивидуальных, например в птичьих повадках. Иначе говоря, Фет стремится запечатлеть природу в ее конкретных наглядно-зримых и звуковых образах. Он хочет зафиксировать мгновенные перемены, уловить движение и передать не свершившееся, а совершающееся в природе через смену настроений и впечатлений. Или наоборот: изменения в душе выразить посредством едва заметных движений в жизни природы.

Примером всему этому может служить стихотворение «Я жду... Соловьиное эхо...»:

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,

Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

Поэт трепетно ожидает возлюбленную. Об этом говорят начальные образы: соловей с его любовной песней, луна. Но неожиданно, может быть, для самого поэта волнующая близость свидания перерастает в трепетное наслаждение захватившей душу красотой мироздания. Он словно бы отвлекается от любви к женщине, и мир его раздвигается вширь и растет вглубь. Интонация нарастает в своем напряжении — как будто вот-вот откроется необычное, чудесное, волшебное видение, еще более прекрасное, чем то, которое он наблюдает. И вот уже эмоциональное волнение вбирает в себя не только близкое, видимое глазам и слышимое ухом в их конкретности (точное название растения — тмин, точное название ночных насекомых — светляки), но и отдаленное — «Темно-синее небо И в мелких, и в крупных звездах...». Взгляд от земли обращается ввысь и снова спускается на землю, но теперь и природа, и человек охвачены новым волнением — «Я слышу биение сердца И трепет в руках и в ногах». Это уже трепет, рожденный величественной красотой природы, трепет, поглотивший трепет свидания, но не отменивший его. Рациональному взгляду от земли к небу и снова к земле противостоит непосредственность впечатлений. В орбиту поэтического взора попадают случайные предметы, признаки, детали, не связанные между собой причинными связями. Вот неожиданно «повеяло с юга» (опять точное направление ветра), поэт ощутил тепло и внезапно же — «Звезда покатилась на запад...». Этот образ возник нарочито беспричинно и никак не обусловлен первоначальной лирической ситуацией. С точки зрения логической он необъясним, но с психологической, эмоциональной — вполне уместен: ожидаемое чудо произошло, перед поэтом открылось зрелище небесной жизни, и он полон восторга и сожаления:

Прости, золотая, прости!

Все стихотворение превращается в гимн красоте природы, ее жизненной силе. Отдельные разрозненные образы завершаются явлением волшебства, предчувствие которого недаром взволновало поэта.

Таковы некоторые особенности «действительного пейзажа», очерченные здесь неполно.

Те же признаки присущи и, условно говоря, «фантастическому пейзажу», который называют еще «воображаемым пейзажем». Он отличается от «действительного пейзажа» тем, что его образы, хотя и взяты из природы, соединены в такие сочетания, которые не встречаются в природе. Например, в стихотворении «Сон» С.П. Шевырева читаем:

Мне Бог послал чудесный сон:
Преобразилась природа,
Гляжу — с заката и с восхода,
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных
В порфирах огненно-янтарных —

И над воскреснувшей землей
Чета светил по небокругу
Течет во сретенье друг другу.
Все дышит жизнью двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы —
И кровь ключом двойным течет
По жилам Божия творенья,
И мир удвоенный живет —
В едином миге два мгновенья.

Подобные фантастические пейзажи связаны обычно с мифологическими, библейскими представлениями. Они передают катастрофические события в жизни мира или отдельного человека. Так, преображение обыкновенного человека в пророка у Пушкина сопровождается фантастической картиной. При этом преображение может идти в нескольких направлениях: либо из природы изымается что-то неотъемлемое и ценное, либо, напротив, что-то в нее вносится. Часто в описаниях появляются несуществующие в природе существа, несуществующие на земле страны. Нередко фантастические образы возникают в тех стихотворениях, в которых поэт лирически переживает конец мира или другие события, отмеченные в священных текстах. Но фантастика может возникать из самых привычных примет, сочетание которых в реальной жизни невозможно.

Например, картины, нарисованные Лермонтовым в стихотворениях «Парус» и «Когда волнуется желтеющая нива...», фантастичны не потому, что в них встречаются выдуманные образы, неизвестные в природе, а потому, что в «Парусе» море не может быть в одно и то же время бурным и спокойным. Лермонтов передал в «Парусе» благодаря фантастическому сочетанию предметных образов святое беспокойство романтического сознания, нигде не находящего подлинного удовлетворения, подлинного жизненного идеала. В стихотворении же «Когда волнуется желтеющая нива...» соединены разные времена года — «ландыш» (весна) и «малиновая слива» (поздняя осень). Но цветок и плод вошли в стихотворение с особой целью. Лермонтов, конечно, хорошо знал, что ландыш и слива вместе не встречаются в природе, но взял трогательный цветок хрупкой, едва распутившейся весны и сладкий зрелый плод осени, как самые дорогие ему приметы лишенной трагизма, прекрасной, наполненной духовным содержанием жизни. Таким образом, он воспользовался «фантастическим пейзажем» и создал представление об идеальной романтической родине, об идеальной стране блаженства и счастья.

С течением времени, однако, поэты все больше разуверялись в существовании идеального божественного царства. Они с иронией относились к возможности гармонии людей с природой, гармонии в природе и гармонии в душе человека. Они больше писали о невозможности согласия в мире. И тем не менее, единство человечества со вселенной всегда признавалось одной из высших ценностей бытия. Таким же достоинством гармония человека и мироздания обладает и поныне, и потому природа сегодня, как и встарь, пребывает вечной, неувядающей темой поэзии. Лучшие поэтические образцы, посвященные переживанию природы, всегда будут приносить людям духовно возвышающее их эстетическое наслаждение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Г.Р. ДЕРЖАВИН

БОГ

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: — Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал;
А вечность, прежде всех рожденну,
В себе самом Ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,

Так солнцы от Тебя рождаются;
Как в мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют;
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут.
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой, — как ночь перед днем.

Как капля в море опущенна.
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я? —
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров — и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величием Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым неким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь; — конечно, есть и Ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет —

Ты есть: — и я уж не ничто!
 Частица целой я вселенной,
 Поставлен, мнится мне, в почтенной
 Средине естества я той,
 Где кончил тварей Ты телесных,
 Где начал Ты духов небесных,
 И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
 Я крайня степень вещества;
 Я средоточие живущих,
 Черта начальна Божества;
 Я телом в прахе истлеваю,
 Умом громам повелеваю —
 Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!
 Но, будучи я столь чудесен,
 Отколе произошел? — безвестен;
 А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, Создатель!
 Твоей премудрости я тварь,
 Источник жизни, благ Податель,
 Душа души моей и Царь!
 Твоей то правде нужно было,
 Чтоб смертну бездну преходило
 Мое бессмертно бытие;
 Чтоб дух мой в смертность облачился.
 И чтоб чрез смерть я возвратился,
 Отец! — в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
 Я знаю, что души моей
 Воображении бессильны
 И тени начертать Твоей:
 Но если славословить должно,
 То слабым смертным невозможно
 Тебя ничем иным почитать,
 Как им к Тебе лишь возвышаться,
 В безмерной разности теряться
 И благодарны слезы лить.

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖИЕ

Благослови, душа моя,
Всесильного Творца и *Бога*;
Коль Он велик! Коль мудрость многа
В твореньях, Господи, Твоя!

Ты светом, славой, красотой,
Как будто ризой, облачился;
И, как шатром, Ты осенился
Небес лазурной высотой.

Ты звездну твердь из вод сложил
И по зарям ея ступаешь;
На крыльях ветренных летаешь
Во сонме светоносных сил.

Послами Ангелов творишь,
Повелеваешь Ты духами;
Послушными себе слугами
Огню и бурям быть велишь.

Поставил землю на зыбях;
Вовек тверда она собою;
Объяты бездной, как плению,
Стоят в ней воды на горах.

Среди хранилища сего
Оне грозы Твоей боятся;
Речешь: — ревут, бегут, стремятся
От гласа грома Твоего;

Как горы, всходят к облакам;
Как долы, вниз клонясь, ложатся;
Как степи, разлиясь, струятся
К показанным Тобой местам.

Предел Ты начертал им Твой,
И из него оне не выдут,
Не обратятся и не придут
Покрыть лице земли волной.

Велишь внутрь гор ключем им бить,
Из дебрей реки проливаешь;
Зверям, онаграм посылаешь
Повсюду жажду утолить.

А там, по синеве небес,
Виясь, пернатые летают,
Из облак гласы испускают
И свищут на ветвях древес.

Ты дождь с превыспренных стремишь;
Как перла, росы рассыпаешь;
Туманом холмы осребряешь
И плодоносными творишь.

Из недр земных траву скотам
Произращаешь в насыщенье;
На разное употребленье
Различный знак изводишь нам.

На хлеб, — чтоб укреплять сердца,
И на вино, — чтоб ободряться;
И на елей, — чтоб услаждаться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льет
Древам питательные соки;
Ливанских кедров сад высокий
Тобою насажден цветет.

Ты мелких птичек умудрил
Свои вить сокровенны гнезды;
Эродий же свое под звезды
Чтобы на соснах возносил.

По высотам крутых холмов
Ты прядать научил еленей;
А зайцам средь кустов и теней
Ты дал защиту и покров.

И бледная Луна Тобой
Своею чередой сияет,

И лучезарно Солнце знает
Во благовремя запад свой.

Как день Ты удалишь, и ночь
Покров свой расстилает чорный,
Лесные звери и дубровны,
И скимн выходит яр и тощ.

Выходят, рыщут и рычат,
И от Тебя все пищи просят;
Что Ты даруешь им, — уносят,
И свой тем утоляют глад.

Но лишь прострет свой солнце взгляд,
Они собираются стадами
И идут врозь между лесами
И в мрачных луговищах спят.

Поутру человек встает,
Идет на труд, на земледелье,
И солнечное захождение
Ему спокойствие дает.

Но коль дела Твои, Творец!
Бесчисленны и неизмерны;
Премудрости Твои суть бездны,
Полна земля Твоих чудес!

Сии моря, сей водный сонм,
Обширны хляби и бездонны,
Больших и малых тварей полны
И чуд, бесчисленных числом.

Там кит, — там чолн стремят свой бег
И насмеваются над бездной;
И все сие, о Царь вселенной!
Себе Ты создал для утех.

К Тебе всех смертных очи зрят,
И на Тебя все уповают;
К Тебе все руки простирают
И милостей Твоих хотят.

Даруешь им, — и соберут,
Разверзнешь длань, — и рассыпаешь
Щедроту всем; Ты всех питаешь,
И все они Тобой живут.

Но естли отвратишь Свой зрак, —
Их всюду ужасы смущают;
Отымешь душу, — исчезают
И превращаются во прах.

А естли дух пошлешь Ты Свой; —
Мгновенно вновь все сотворится;
Лице земное обновится,
Из тьмы восстанет свет другой.

И будет слава средь небес
Твоя, Создатель! продолжаться;
Ты вечно будешь утешаться
Творением Твоих чудес!

О Ты! Трясет чей землю взгляд,
Коснешься ли горам, — дымятся,
Дохнешь ли на моря, — холмятся;
В руке держащий твердь и ад!

Тебя, всеильный мой Творец!
Я вечно славословить стану,
И петь Тебя не перестану
По самый дней моих конец.

Моя беседа пред Тобой
И песнь угодны да явятся,
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грешных племя и язык
Да истребит десница строга! —
Хвали, душа моя, ты Бога:
Сколь он премудр, и сколь велик!

КЛЮЧ

Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых деревьев,
На урну облегшись рукою,
Являющий красу небес
Прекрасный вижу я источник

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты.
Луга поящий, долы злачны,
Кропящий перлами цветы,
О коль ты мне приятен зришься!

Ты чист, — и восхищаешь взоры.
Ты быстр, — и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря:
Какие пурпуровы огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора, в день стадом покровенну,
Себя в тебе, любуюсь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дубраву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристал твой загорится,
Вдали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночьюю темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою

И рощи дремлют в тишине:
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгая стихотворства страстью,
К себе я прихожу, ручей:
Завидую Пиита счастью,
Вкусившему воды твоей,
Парнасским лавром увенчанну.

Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя;
А лирный глас с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостя, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крыльышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто в зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;

Сама за собой не успеешь
 Невидыми видеть следы:
 Но видишь там всю ты вселенну
 Как будто с высот на ковре:
 Там башню, как жар позлащенну,
 В чешуйчатом флот там серебре;
 Там рощи в одежде зеленой,
 Там нивы в венце золотом,
 Там холм, синий лес отдаленной,
 Там мошки толкутся столпом;
 Там гнутся с утеса в понт воды,
 Там ластятся стри¹ к брегам. —
 Всю прелесть ты видишь природы,
 Зришь лета роскошного храм:
 Но видишь и бури ты черны,
 И осени скучной приход;
 И прячешься в бездны подземны,
 Хладея зимою, как лед.
 Во мраке лежишь бездыханна: —
 Но только лишь придет весна
 И роза вздохнет лишь румяна,
 Встаешь ты от смертного сна.
 Встанешь, откроешь зеницы
 И новый луч жизни ты пьешь;
 Сизы расправя косицы,
 Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты мира:
 Не ты ли перната сия? —
 Воспой же бессмертие лира!
 Восстану, восстану и я, —
 Восстану, — и в бездне эфира
 Увижу ль тебя я, Пленира?

СОЛОВЕЙ

На холме, сквозь зеленой рощи,
 При блеске светлого ручья,
 Под кровом тихой Майской нощи,

¹Стри — стрижи; по сходству с ними так называли ласточек. — Ред.

Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным,
То свист его, то звон летит;
То, шумом заглушаем водным,
Вдыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь.
Раздавшись с неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух.
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель,
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает. —
Не смеет двигнуться луна,
И свет свой слабо ниспускает:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоём,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты шолкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! естли бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел Богов, любовь, свободу:
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар, и сила,
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею,
В шатре Персидском я возлѣг
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбуждая грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел,
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы Нимфа мне внимала,
Боясь в зеркало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль, храбрых Россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сиянье звезд я созерцал:
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, — о дивный соловей!

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Блажен! кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом, свободным,
На собственных своих волах.

Кого ужасный глас от сна
На брань трубы не возбуждает,
Морская не страшит волна,
В суд ябеда¹ не призывает,
И господам не бьет челом.

Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом,
Обрезав пни, и плод дающи
Черенья прививает к ним.

Иль зрит вдали ходящий скот,
Рычащий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

Но осень как главу в полях,
Гордясь, с плодами возвышает:
Как рад! — что рвет их на ветвях,
Привитых им, — и посвящает
Дар Богу, пурпура красней.

На бреге ли в траве густой,
Под дуб ли древний он ложится,
В лесу гам птиц, — с скалы крутой
Журча, к нему ручей стремится,
И всё наводит сладкий сон.

Когда ж гремющий в тучах Бог
Покроет землю всю снегами,

¹ Ябеда — здесь: донос. — Ред.

Зверей он ищет след и лог;
Там зайца гонит, травит псами,
Здесь ловит волка в тенета.

Иль тонкие в гумнах силки
На куропаток расставляет,
На рябчиков в кустах пружки:
О коль приятно получает
Награду за свои труды!

Но будет ли любовь притом
Со прелестями ея забыта,
Когда прекрасная лицом
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его детях?

Как ею, — Руских честных жен
По древнему обыкновенью, —
Весь быт хозяйский снаряжен:
Дом тепл, чист, светл, и к возвращенью
С охоты мужа стол накрыт.

Бутылка доброго вина,
В прок пива Руского варена.
С grenками коновка полна,
Из коей клубом лезет пена,
И стол, уже обед готов.

Горшок горячих добрых щей,
Копченый окорок под дымом:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочные кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд:

Тогда-то устрицы, го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,

Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас Французы,
И уж ничто не вкусно мне.

Меж тем приятно из окна
Зреть карду с тучными волами;
Кобыл, коров, овец полна,
Двор резвыми кишит рабами:
Как весел таковой обед!

Так откупщик вчера судил,
Сбираясь быть поселянином:
Но правеем долги лишь сбрил,
Остался паки мещанином,
А ныне деньги отдал в рост.

ГИМН СОЛНЦУ

Люющее златые реки
С неизмеримой высоты,
Неиссякаемые в веки
Непостижимы красоты,
О солнце! о душа вселенной!
О точный облик божества!
Позволь, да мыслью восхищенной,
О благодетель вещества!
Дивящиеся лучам твоим,
Пою тебе священный Гимн.

Услышь меня, светило миру,
И пламенным с высот лицом,
Бог света, преклонись на лиру
И озари твоим лучем;
Да гласы с струн ея прольются,
Как протяженны с звезд лучи,
Мои вещанья раздадутся
Глубокой вечности в ночи,
И повторят твои хвалы
Земля, и ветры, и валы.

Как в первый раз на трон вступило
Ты, тихая зари в венце,
Блистаньем холмы озлатило, —
Земное расцвело лице:
Ушли и бури и морозы,
Снеслись зефир и тишина,
Отверзлись благовонны розы,
И улыбнувшись весна
Дохнула радость, торжество.
Всем благотворно Божество!

Носяся в воздухе высоко,
Сквозь неизмерны бездны зришь;
Небес всевидящее око,
Собой все держишь и живишь;
Делишь вселенну в небосклоны,
Определяешь времена;
Ты пицеш ей твои законы,
Кладешь пределы ночи, дня,
Льешь блеск звездам, свет твари всей,
И учишь царствовать Царей.

Порфирию великолепной
Объяв твоею шар земной,
Рукой даруешь неприметной
Обилье, жизнь, тепло, покой.
Орлов лучами воскреляешь,
На насекомых в тьме блестяшь,
Со влагой огонь свой возвращаешь
И несгораемо горишь.
Предвечно бытие твое!
С тобой — Царь мира! — и мое.

Так, света океан чудесный! —
Кто истины не видит сей,
Того ума пределы тесны,
Не знает сущности твоей;
Не зрит, чем больше разделяешь
Себя ты на других телах,
Любезнее очам сияешь
На холмах, радугах, морях.

Ты образ доброго Царя,
Край ризы твоя зоря.

Любезно, тихо, постоянно,
Не воспящаяся¹ ничем,
Блистательно и лучезарно
Век шествуешь своим путем,
Над безднами и высотами
Без ужаса взнося свой зрак,
Ты исполинскими шагами
Отвсюду прогоняешь мрак;
Несовратим, непобедим
Природы сильный властелин!

Я истины ищу священной,
Блаженства, сердца чистоты,
Красы и доблести нетленной:
Мне вкупе их являешь ты!
Когда же ты благим и злобным
Не престаешь вовек сиять,
Восторгом некаким духовным
Тебя стремлюсь я обожать.
Так, так, кто больше благ быть мог?
Дивлюсь, едва ли ты не Бог!

О мудрых цель ума и взора!
Монаршей власти образец!
Средь звезд блистательного хора,
Как Царь, иль вождь, или отец,
Сидящий на сапфирном троне,
Свое сияние делишь; —
И, сам ходя в твоём законе,
Круг мироздания крепишь:
Там блещет каждый свет другим,
А все присутствием твоим.

Величеств и доброт зеркало!
Безумию невежд прости,
Тебя они коль знают мало:
Твоим их светом просвети.

¹Воспящаяся — не оборачиваясь вспять; не обращаясь назад. — Ред.

Наставь, чтоб всяк был меньше злобным,
 В твое подобье облачи;
 Быть кротким, светлым, а не гордым,
 Твоим примером научи:
 Как ты, — чтоб жили для других.
 Не ради лишь себя одних.

УТРО. 1800

Огнистый Сириус сверкающие стрелы
 Метал еще с небес в подлунные пределы,
 Лежала на холмах вокруг ночь и тишина,
 Вселенная была безмолвия полна;
 А только ветров свист, лесов листья шептали,
 Шум бьющих с камня волн, со скал потоков рев,
 И изредка вдали рычащий лев
 Молчанье прерывали.
 Клеант, проснувшийся в пещере, встал
 И света дожидался:
 Но говор птиц едва помалу слышан стал,
 Вдруг по берегам раздался
 И вскрикнул соловей;
 Тумана, света сеть по небу распростерлась,
 Сокрылся Сириус за ней,
 И ночь бегущая чуть зрелась.
 Мудрец восшел на вышний холм,
 И там, седым склонясь челом,
 Воссел на мшистый пенъ под дубом многолетным,
 И вниз из-под ветвей пустил свой звор
 На море, на леса, на сини цепи гор
 И зрел с восторгом благолепным
 От сна на восстающий мир.
 Какое зрелище! какой прекрасный пир
 Открылся всей ему природы!
 Он видел землю вдруг и небеса, и воды,
 И блеск планет,
 Тонущий тихо в юный, рдяный свет.
 Он зрел: как солнцу путь заря уготовляла,
 Лиловые ковры с улыбкой расстилала,
 Врата востока отперла,
 Крылатых коней запрягла,

И звезд царя, сего венчанного возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Как, хором утренних часов окружена,
 Подвинулась в свой путь она,
 И восшумела вслед с колес ее волна;
 Багряны вожжи напряглись
 По конским блещущим хребтам;
 Летят, вверх пышут огонь, свет мещут по странам,
 И мглы под ними улеглись;
 Туманов реки разлились,
 Из коих зыблущих седин,
 Челом сверкая золотым,
 Восстали горы из долин,
 И воскурился сверх их тонкий дым.
 Он зрел: как света Бог с морями лишь сравнялся,
 То алый луч по них восколебался,
 Посыпались со скал
 Рубины, яхонты, кристал,
 И бисеры перловы
 Зажглись на ветвях;
 Багрянны тени, бирюзовы,
 Слились с золотом в облаках; —
 И все сияние покрыло!

Он видел как сие божественно светило
 На высоту небес взнесло свое чело.
 И пропастей лице лучами расцвело!
 Открылося морей огнисто протяженье:
 Там с холма вниз глядит, навесясь, темный кедр,
 Там с шумом вержет кит на воздух рек стремленье,
 Там чолн на парусах бежит средь водных недр;
 Там выплыв из пучины
 Играют, резвятся дельфины,
 И рыб стада сверкают чешуей,
 И блещут чуды чрева белизной.

А там среди лесов гора переступает,
 Подъемлет хобот слон и с древ плоды снимает.
 Здесь вместе два холма срослись
 И на верблюде поднялись;
 Там конь, пустя по ветру гриву,
 Бежит и мнет волнисту ниву,
 Здесь кролик под кустом лежит,
 Глазами красными блестит;

Там серны, прядая с холма на холм стрелами,
 Стоят на крутизнах, висят под облаками;
 Тут, взоры пламенны вверх устремляя к ним,
 На лапах жилистых сидит зубастый скимн;
 Здесь пестрый алчный тигр

в лес крадется дебристый

И ищет, где залег олень роговетвистый;
 Там к плещущим ключам в зеленый, мягкий лог
 Стремится в жажде пить единорог;
 А здесь по воздуху витает
 Пернатых, насекомых рой,
 Леса, поля, моря и холмы населяет
 Чудесной пестротой;

Те в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах,
 Те в светлых заревах, те в желтых сизых глянцах,
 Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер;
 Над ними в высоте ширяется Орел!

А там с пологих гор, сел кровы, башень спицы,
 Лучами отразясь, мелькают на водах.

Тут слышан рога зов, там эхо от цевницы,
 Блеянье, ржанье, рев и топот на лугах;
 А здесь сквозь птичий хор и шум от водопада
 Несутся громы в слух с великолепия града,

И изъясляют зодчих труд.

Там поселяне плуг влекут,
 Здесь сети рыболов кидает,
 На уде блещет серебро;

Там огонь с оружия войск сверкает, —
 И все то благо, все добро!

Клеант, на все сие взирая,
 Был вне себя Природы от чудес;
 Верховный ум Творца воображая,
 Излил потоки сладких слез. —

Все дело рук Твоих! вскричал во умиленье,

И арфу в восхищенье
 Прияв, благоговенья полн,
 В фригический настроя тон,

Умолк. — Но лишь с небес, сквозь дуба ствол

лиственный

Проникнув, на него пал свет багряный, —
 Брада сребристая, чело

Зардевшись, как солнце, расцвело; —
 Ударил по струнам, и от холма с вершин
 Как искр струи в долг быстро покатились,
 Далеко звуки разгласились;
 Воспел он Богу гимн.

ЛЕТО

Знойное лето весна увенчала
 Розовым, алым по кудрям венцом;
 Липова роща, как жар, возблистала
 Вкруг меда листом.

Желтые грозды, сквозь лист продираясь,
 Запахом, рдянцем нимф сельских манят;
 Травы и нивы, косою озаряясь,
 Как волны шумят.

Стеклянные реки лучем полудневым
 Жидкому злату подобно текут,
 Кравы и овцы с млеком накопленным
 Под кущи бегут.

Сизые враны, орлы быстропарны,
 Крылья спустивши, под хвостом сидят;
 Тучная роскошь в тени сок прохладный
 Пьет, ищет отрад.

Видишь ли, Д<митрев>, всего изобилье,
 Самое благо быть может нам злом;
 Счастье и нега разума крылья
 Сплошь давят ярмом.

В доме жив летом, в раю ты небесном,
 В славном поместье Сызранском с отцом.
 Мышлю, ленишься петь в хоре прелестном,
 Цвествь Муз под венцом.

ОСЕНЬ

На скирдах молодых сидючи Осень
И в полях зря вокруг год плодоносен,
С улыбкой свои всем дары дает,
Пестротой по лесам живо цветет,
Взор мой дивит!

Разных птиц голоса вьющихся тучи,
Шум снопов, бег телег, оси скрипучи,
Стук цепов по токам, в роцях лай псов,
Жниц с знаменем идущих гул голосов
Слух мой пленит.

Как мил сей природы радостный образ!
Как тварей довольных сладостен возглас!
Где Осень обилье рукою ведет,
Царям и червям всем пищу дает
Общий отец.

Но что же вдруг, Я<рцов>! черные бури,
Грохоча так, кроют неба лазури?
Здесь тихий ток с ревом роет волна,
Там в бледных туманах ржет нам война:
Благ ли Творец?

Ах! благ всех Зиждитель, — я слышу, ты рек:
Невежда продерзкий лишь ты, человек,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Сам часто своих ты ищешь сетей:
Хранит только Бог.

О! правда то, правда! — Смирим же пред ним
Наш глупый мы ропот и волю дадим
Всемощной деснице солнце водить;
Бег мира превратна станем сносить,
Чтящи свой рок.

Так если с Урала златые ключи
В царский лил кладезь, их сам не пьючи;
Я дни мнил Астреи, мир и покой

Ввесть распрей в вертеп, — и с чистой душой
Благ всем желал:

Но то коль не надо, — оставим судьбам
Премудрым, дать лучший здесь жребий людям;
Сев, сами прикажем в нашем гнезде,
Осени доброй нам дать по труде
Счастья покал¹.

ОБЛАКО

Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветясь,
По бездне голубой носясь,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, собираясь в сизы тучи
И вдруг сходясь в холм пловучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех — наводит мрак.

Или недолго временщик
На светлой высоте бывает;
Но вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелой,
Обрушась, каплями падет, —
И уж его на небе нет!

¹Покал — бокал.

Хотя ж он в чадах где своих
Во мглах, в туманах возродится
И к выпренности вновь стремится;
Но редко достигает их:
Давлением воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блата, тундры опустясь,
Ложится в них, — и зрится грязь.

Не видим ли Вельмож, Царей
Живого здесь изображенья?
Одни: — из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят Богов в них истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

Другие: — счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады,
Падут стремглав на низ во мглах: —
Быв идолы, — бывают прах.

Но добродетель красотой
Своею собственной сияет;
Пушай несчастье помрачает, —
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктиты и в неволе
Почтенны суть красой их душ. —
Пушай чей злобой блеск затмится:
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющие Богов
В руках всю власть и всю возможность,

В себе же смертного ничтожность,
 Ввергающую бедствий в ров!
 Цари! От вас ваш трон зависит
 Унизить злом, добром возвысится;
 Имейте вокруг себя людей,
 Незлобьем, мудростью младенцев;
 Не бойтесь счастья возведенцев,
 Ползущих пестрых вокруг вас змей.

И вы, наперсники Царей,
 Друзья, цветущи их красотою!
 Их пишуци жизнь, смерть рукою
 Поверх, поверх морей!
 Познайте: — с вашим всем собором
 Вы с тем равны лишь метеором,
 Который блещет от зари;
 А сами по себе — пары.
 И ты, кто потерял красу
 Наружну мрачной клеветой!
 Зри мудрой, твердою душою:
 Подобен мир сей колесу.
 Се спица вниз и вверх вратится,
 Се капля мглой иль тучей зрится:
 Так что ж снедаешься тоской?
 В кругу творений обращаясь,
 Той вниз, — другою вверх вздымаясь, —
 Умей и в прахе быть златой.

ГРОМ

В тяжелой колеснице грома
 Гроза, на тьме воздушных крыл,
 Как страшная гора несомая,
 Жмет воздух под собой, — и пыль
 И понт кипят, летят волнами,
 Древа вверх вержуются корнями,
 Ревут берега и воеет лес.
 Среди тучных туч, разданных с треском,

В тьме молнии, багряным блеском
Чертят гремящих след колес.

И се, как ночь осення, темна,
Нахмурясь надо мной челом,
Хлябь пламенем расселась черна,
Сверкнул, взревел, ударил гром;
И своды потряслися звездны:
Стократно отгласились бездны,
Гул восшумел, и дождь и град,
Простерся синий дым полетом,
Дуб вспыхнул, холм стал водометом
И капли радугой блестят.

Утихло дуновенье бурно,
Чуть слышен шум и серный смрад;
Пространство воздуха лазурно
И чела в злате гор горят. —
Природе уж не страшны грозы,
Дышают ароматом розы,
Пернатых раздается хор;
Зефиры легки, насекомы
Целуют злаков зыбки холмы,
И путник ослабляет взор.

Кто Сей, который тучи гонит
По небу, как стада овнов
И перстом быстры реки водит
Между гористых берегов?
Кто море очертил в пределы,
На шумны, яры волны белы
Незримы наложил бразды?
Чьим манием ветр возьмет крыла,
Стихий засыпает сила,
Блеск в хаосе возник звезды? —

И в миг единый миллионы
Кто дланию возжег планет?
О Боже! — се Твои законы,
Твой взор миры творит, блюдет,
Как сталью камень сыплет искры,
Так от Твоей струятся митры

В мрак солнцы средь безмерных мест.
 Ты дхнешь: как прах, вновь сферы встанут;
 Ты дух прервешь: — как злак, увянут; —
 Твои следы суть бездны звезд.

О вы, безбожники! — не чтуши
 Всевышней власти над собой,
 В развратных мыслях тех живущи,
 Что случай все творит слепой;
 Что ум лишь ваш есть Царь вселенной,
 Взгляните, буйности надменной
 На сей ревуший страшный мрак,
 На те огнем блестящи реки, —
 И верьте, дерзки человеки,
 Что все величье ваше — прах!

Но если вы и впрямь всемочны,
 Почто ж вам грома трепетать?
 Нет! — Гордости пути порочны,
 Бог правды должен наказать.
 Где ваша мочь тогда, коварствы,
 Вновь созданны Цари и царствы, —
 Как рок на вас свой склонит перст?
 Огонь и воды съединятся,
 Земля и небо ополчатся,
 И меч и лук сотрется в персть.

Но тот, кто почитает Бога,
 Надежду на него кладет,
 Сей не боится время строга,
 Как холм средь волн не упадет.
 Пусть зельна буря устремится:
 Душой всех превзойти он тщится,
 Бесстрашен, мужествен средь бед;
 И под всесильным даже гневом,
 Под зыблющим, падающим небом,
 Благословя творца, — уснет.

Труба величья сил верховных,
 Вития Бога и посол!
 О гром! — гроза духов тех гордых,
 Кем колебался звезд престол!

Земли ты чрево растворяешь
 И плодородьем мир венчаешь:
 Но твой же может бросить тул
 И жуплов тьмы на Князя ада. —
 Встань! грянь! — и вслед его упада
 По безднам возгрохочет гул.

РАДУГА

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
 В сумрачном облаке там,
 Видишь, какая из лент полоса,
 Огненна ткань блещет очам,
 Склонясь над твоею главою
 Дугою!

Пурпур, лазурь, золото, багрянец,
 С зеленью тень, слиясь с серебром,
 Чудный, отливный, блещущий глянец
 Сыплют вокруг, тихим лучом
 Зениц к утешенью сияют,
 Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
 Камней драгих, светлость порфир,
 Прелести красок ярких, несметных,
 Чем навсегда славится мир,
 Чем могут Монархи хвалиться, —
 Светиться?

О Апеллес! взявши орудье.
 Кисти свои, — дерзкой рукой
 С разных цветов вмиг полукружье
 Сделай, составь твердой чертой; —
 Составь, — и зови зреть Афины
 Картины.

Нет, Игограф! — хоть превосходишь
 Всех мастерством дивным твоим;
 Вижу, что средств ты не находишь

С Мастером в том спорить таким,
Чей взгляд все один образует, —
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цвѣтами
В мраке и мгле, вечно светясь —
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цвѣтов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира! —

Бога воспой, — смелым пареньем
Чистого внутрь сердца вноси
Дух мой к нему, утренним пеньем,
Чтобы Творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвѣте зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастью всех царств и Царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при Дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, Сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую, и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей,
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилией и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьёв,
Рев крав, гром жолн, и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, — и пар
 Повеет с дома мне Манжурской, иль Левантской,
 Иду за круглый стол: и тот-то раздобар
 О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
 Чьи в рамах по стенам златых блистают лица,
 Для воспоминанья их деяний, славных дней,
 И для прикрас моей светлицы. —

В которой поутру, иль ввечеру, порой
 Дивлюся в Вестнике, в газетах, иль в журналах,
 Россиян храбрости, как всяк из них Герой,
 Где есть Суворов в Генералах!

В которой к Госпоже, для похвалы гостей,
 Приносят разные полотна, сукна, ткани,
 Узорны образцы салфеток, скатертей,
 Ковров и кружев, и вязани.

Где с скотень, пчельников, и с птичень, и прудов
 То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
 То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
 Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обзрев больных в больнице врач
 Приходит доносить о их вреде, здоровье,
 Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
 А тем в лекарствица снадобье.

Где также иногда по биркам, по костям,
 Усастый староста иль скопидом брюхатой,
 Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
 С улыбкой часто плутоватой.

И где случается, художники млады
 Работы кажут их на древе, на холстине,
 И получают в дар подачи за труды:
 А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
 В задоре иногда в игры зело горячи

Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грозу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я Муз,
И с Флакком, Пиндаром, Богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь:
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, — и драки человеков.

Все суета сует! я воздыхая мню:
Но бросив взор на блеск светила полудневна,
О коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцем содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах Его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне, не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать. Хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
Но что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровой.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сладьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иот из кристальных вод, купалень, между древ,
От солнца от людей под скромным осененьем,
Там внеблю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря,
Бегущи в тишине по синю воли стремленье:
Так солнца в воздухе, я мню, текут, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И движа машину древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огонь, толчет и мелит.

Иль любопытны как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу льются

В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк, цвет, пестрота и лоск.
Все прелести, красы, берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве.
За веру, за Царя мы — говорят — помрём,
Чем у Французов быть в подданстве.

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и ароматов полн
Порхает ветер меж Нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степенъ
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетью как рыбаки,
Ленивым строем плав, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождём,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, Харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет:
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всём
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных:

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны:
Проходят годы, дни, рев море и бурей шум,
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищущу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи *Екатерины*?

Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень!...
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведёт,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт,
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет,
И днешних и грядущих веков.

Грудь Россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Пейш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор,
А скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах пахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песень здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который, тощих недр и сводов внутрь своих,
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный.

От коего, как гром катается над ним
С булатных ржавых врат, и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим
В лесах трясясь звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
 Ударив об доски, заросши мхом, железны,
 И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
 Прогонишь, — бледну зависть, — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
 На возвышение, на понижение счастья,
 Единой правдою меня в умах людей
 Через Клии воскресишь согласья.

Так, в мраке вечности она своей трубой
 Удобна лишь явить то место, где отзвывы
 От лиры моя шумящею рекой
 Неслись через холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
 Потомков ото сна, близь севера столицы,
 Шепнешь в слух страннику, вдали как тихий гром:
 «Здесь Бога жил певец, — Фелицы».

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
 От тленна мира отделюсь,
 С душой бессмертною и пеньем,
 Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
 Не задержусь в вратах мытарств;
 Над завистью превознесенный,
 Оставляю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
 Но, будучи любимец Муз,
 Другим вельможам я не равен,
 И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
 Средь звезд не превращусь я в прах;

Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю, — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы слышать Богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие Россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом, — и рекут:

«Вот тот летит, что строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор Муз, не пой!
Супруга! облекись терпением!
Над мнимым мертвецом не вой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Возвращается Весна,
И Хариты вкруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она.
Воздух дышит ароматом,

Усмехается заря,
 Чешутся реки златом;
 Рощи, в зеркала смотря,
 На ветвях своих качают
 Теплы, легки ветерки;
 Сильфы резвятся, порхают,
 Зелень всюду и цветки
 Стелют по земле коврами;
 Рыбы мечутся из вод;
 Журавли, виясь кругами
 Сквозь небесный синий свод,
 Как валторны, возглашают;
 Соловей гремит в кустах,
 Звери прыгают, брыкают,
 Глас их вторится в лесах.
 Горстью пахарь дождь на нивы
 Сеет вкруг себя златой.
 Белы парусы игривы
 Вдудлись на море горой:
 Вся природа торжествует,
 Празднует Весны приход,
 Все играет, все ликует:
 Нимфы! — станьте в хоровод,
 И в белейши снега ткани
 Облеченны, изю льну,
 Простирайте нежны длани,
 Принимайте вы Весну;
 А в цветах ея щедроты,
 А в зефирах огонь сердцам.
 С нею жить летят Эроты:
 Без любви нельзя и вам.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Опоясанна цветами
 Сходит к нам с небес Весна,
 И молодыми красотами
 Улыбается она.
 Улыбнулась, — и явились
 Розы и лилеи в свет,

Благовонья оживились,
Возблестал на листьях мед;
И по рощам разгласилось
Хохотаньем эхо вновь,
Радость, счастье водворилось:
Там родилась Любовь!

ПЧЕЛА

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нея?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
К меду прилипнув,
С ним и умру.

ГОРЮЧИЙ КЛЮЧ

Под свесом шумных тополовых
Кустов в тени Кипридин сын
Покоился у вод перловых,
Биющих с гор, и факел с ним
Лежал в траве, чуть-чуть курясь.
Пришли тут Нимфы, и дивясь,

Что нам! — сказали, — как с ним быть?
 Дай в воду, в воду потопить!
 А с ним и огонь, чем все сгорают!
 И вот! — кипит ключ пеной весь;
 С купающихся Нимф стекают
 Горящая струи поднесь.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА

О цвет прекрасный, осыпаям
 Поутру перловой росой,
 Зефиром в полдень лобызаем!
 Открой скорей румянец твой.

Ах! нет, — помедль, еще не знаешь
 Всех тварей пленных ты тщеты:
 В тот миг, как из пелен проглянешь,
 Увы! — должна увянуть ты.

И ты цветешь не так ли Хлоя?
 Не с тем ли родилась на свет,
 Чтоб всех прельстя, лишить покоя
 И скоро потерять свой цвет?

Покинь же стебель твой опасный,
 Укрась, о роза! Хлое грудь;
 Коль ты цветок из всех прекрасный,
 На ней блаженне всех будь.

Царицей будь на ней отныне;
 Украсив грудь, — умри на ней;
 Завидуя твоей судьбине,
 Захочет смерти всяк твоей.

О так! немного дней продлится,
 Как будешь ты на ней блистать:
 Благоуханьем огонь родится;
 По Хлое будет всяк вздыхать.

Вздохай! — пленяй! — тебе Лель страстный
 Покажет скоро путь. — Но знай:
 Увеселяя взор прекрасный,
 Грудь украшай, — но сокрывай.

А есть ли наглой кто рукою
 Покой дерзнет твой возмутить:
 Вздохнув по мне, спеши иглою
 Твоей сопернику отмстить.

ВОДОМЕТ

Луч шумящий, водометный!
 Свыше сыплюща роса!
 Где в тени в день знойный, летний,
 Совершенная краса,
 Раскидав по дерну члены,
 И сквозясь меж струй, ветвей,
 Сном объята, в виде пены,
 Взгляд влекла души моей;
 Где на зыблющу склонялись
 Лилии блестящу грудь.
 Зарь их розы уст касались
 И желали к ним прильнуть;
 Воздух свежестью своею
 Ей спешил благоухать;
 Травки, смятые под нею,
 Не хотели вставать;
 Где я очи голубя
 Небесам подобно зрел,
 С коих стрелы огневая
 В грудь бросал мне злобный Лель.
 О места, места священные!
 Хоть лишен я вас судьбой;
 Но прелестны вы, волшебны,
 И столь милы мне собой,
 Что поднесь о вас вздыхаю
 И забыть никак не мог,
 С жалобой напоминаю:
 Мой последний слышите вздох.

НЕЗАБУДОЧКА

Милый незабудка цветик,
Видишь, друг мой, я, стена,
Еду от тебя, мой светик,
Не забудь меня.

Встретишься ль где с розой нежной,
Иль лилеей взор плена,
В самой страсти неизбежной
Не забудь меня.

Ручейком ли где журчащим
Зной омоешь летня дня:
И в жемчуге вод шумящих
Не забудь меня.

Ветерок ли где порханьем
Кликнет, в тень тебя маня;
И под уст его дыханьем
Не забудь меня.

Н.М. КАРАМЗИН

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Нежная мать Природа!
Слава тебе!
Снова твой сын оживает!
Слава тебе!

Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь
Медленным годом казалась
Бедному мне.

Желчию облито было
Все для меня;
Скука, уныние, горестъ
Жили в душе.

Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, страшными снами,
Адской мечтой.

Томное сердце вздыхало
Ночью и днем. —
Тронули мать Природу
Вздохи мои.

Перст ее, к сердцу коснувшись,
Кровь разжидил;
Взор ее светлый рассеял
Мрачность души.

Все для меня обновилось;
Всем веселюсь:
Солнцем, зарею, звездами,
Ясной луной.

Сон мой приятен и кроток;
Солнечный луч
Снова меня призывает
К радостям дня.

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в дерене мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
 Старец весною
 Чувствует холодную зиму
 Ветхия жизни.

ВОЛГА

Река священнойшая в мире,
 Кристальных вод царица, мать!
 Дерзну ли я на слабой лире
 Тебя, о Волга! величать,
 Богиней песни вдохновенный,
 Твоею славой удивленный?
 Дерзну ль игрою струн моих,
 Под шумом гордых волн твоих —
 Их тонкой пеной орошаясь,
 Прохладой в сердце освежаясь —
 Хвалить красу твоих берегов,
 Где грады, веси процветают,
 Поля волнистые сияют
 Под тению густых лесов,
 В которых древле раздавался
 Единый страшный рев зверей
 И эхом ввек не повторялся
 Любезный слуху глас людей, —
 Берегов, где прежде обитали
 Орды Златяя племена;
 Где стрелы в воздухе свистали
 И где неверных знамена
 Нередко кровью обагрялись
 Святых, но слабых христиан;
 Где враны трупами питались
 Несчастных древних россиян;
 Но где теперь одной державы
 Народы в тишине живут
 И все одну богиню чтут,
 Богиню счастья и славы¹, —

¹Писано в царствование Екатерины.

Где в первый раз открыл я взор,
 Небесным светом озарился
 И чувством жизни наслаждался;
 Где птичек нежных громкий хор
 Воспел рождение младенца;
 Где я природу полюбил, —
 Ей первенцы души и сердца,
 Слезу, улыбку, посвятил
 И рос в веселии невинном,
 Как юный мирт в лесу пустынном?
 Дерзну ли петь, о мать река!
 Как ты, красуясь в течение
 По злату чистого песка,
 Несешь земли благословенье¹
 На серебряном хребте своем,
 Везде щедроты разливаешь,
 Везде страны обогащаешь
 В блистательном пути твоём;
 Как быстро плаватель бесстрашной
 Летит на парусных крылах
 Среди пучин стихии влажной,
 В твоих лазоревых зыбях,
 Хваля свой жребий, милость неба,
 Хваля благоприятный ветер,
 И как, прельщенный светом Феба,
 Со дна подымется осетр,
 Играет наверху с волнами,
 С твоими пенными буграми,
 И плесом рассекает их?
 Когда ж под тучами со гневом,
 С ужасным шумом, грозным ревом,
 Начнешь кипеть в берегах своих, —
 Как вихри воздух раздирают,
 Как громы с треском ударяют
 И молнии шипят в волнах,
 Когда пловцы, спастись не чая
 И к небу руки простирая,
 Хлад смерти чувствуют в сердцах, —
 Какая кисть дерзнет представить
 Великость зрелища сего?

¹То есть суда с хлебом и с другими плодами земли.

Какая песнь возможет славить
 Ужасно гнева твоего?..
 Едва и сам я в летах нежных,
 Во цвете радостной весны,
 Не кончил дней в водах мятежных
 Твоей, о Волга! глубины.
 Уже без ветрил, без кормила
 По безднам буря нас носила;
 Гребец от страха цепенел;
 Уже зияла хлябь под нами
 Своими пенными устами;
 Надежды луч в душах бледнел;
 Уже я с жизнью прощался,
 С ее прекрасною зарей;
 В тоске слезами обливался
 И ждал гибели своей...
 Но вдруг творец изрек спасенье —
 Утихло бурное волнение,
 И брег с улыбкой нам предстал.
 Какой восторг! какая радость!
 Я землю страстно лобызал
 И чувствовал всю жизни сладость. —
 Сколь ты в величии своем,
 О Волга! яростна, ужасна,
 Столь в благодати мила, прекрасна:
 Ты образ божий в мире сем!

Теки, Россию украшая;
 Шуми, священная река,
 Свою великость прославляя, —
 Доколе времени рука
 Не истощит твоей пучины...
 Увы! сей горестной судьбины
 И ты не можешь избежать:
И ты должна свой век скончать!
 Но прежде многие народы
 Истлеют, превратятся в прах,
 И блеск цветущие природы
 Померкнет на твоих берегах¹.

¹Мысль, что природа стареется, есть не только пиитическая мысль; самые философы и натуралисты не отвергают ее.

МОЛИТВА О ДОЖДЕ

Мать любезная, Природа!
От лазоревого свода
Дождь шумящий ниспошли
Оросить лицо земли!

Все томится, увядает;
Зелень в поле увядает;
Сохнет травка и цветок —
Нежный ландыш, василек
Пылью серою покрыты —
Не питает их роса...
Дети матерью забыты!

Солнце жжет, палит леса.
Птички в рощах замолчали;
Ищут только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истошилася река.
Агнец пищи не находит:
Черен холм и черен дол.
Конь в степи печально бродит;
Тощ и слаб ревуший вол.

Ах! такой ли ждал награды
Земледелец за труды?
Гибнут все его плоды!..
В горькой части без отрады
Он терзается тоской;
За себя, за чад страдает
И блестящею слезой
Хлеб иссохший орошает.
Дети плачут вместе с ним;
Игры все немилы им!

Мать любезная, Природа!
От лазоревого свода
Дождь шумящий ниспошли
Оросить лицо земли!

Ах! доселе ты внимала
Крику слабого птенца
И в печалах утешала
Наши томные сердца:
Неужель теперь забудешь
В нужде, в скорби чад своих?
Неужель теперь не будешь
Нежной матерью для них? —
Нет, тобою оживятся
Наши мертвые поля;
Вновь украсится земля,
Песни в рощи возвратятся,
Благородный фимиам
Воскурится к небесам!

БЕРЕГ

После бури и волненья,
Всех опасностей пути,
Мореходцам нет сомненья
В пристань мирную войти.

Пусть она и неизвестна!
Пусть ее на карте нет!
Мысль, надежда им прелестна
Там избавиться от бед.

Если ж взором открывают
На берегу друзей, родных,
О блаженство! Восклицают
И летят в объятья их.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будет там соединенье
Разлученных здесь волной.

Вижу, вижу... вы маните
Нас к таинственным брегам!..
Тени милые! храните
Место подле вас друзьям!

И.И. ДМИТРИЕВ

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Все, как вновь, цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красы порок!

К ВОЛГЕ

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко берегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал

Еще в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческия кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То ревом бури и валов
Под черной тучей оглушаем
И отзывом твоих берегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою —
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали —
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, спутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал, и в думу погрузился;
Холодный пот по нем разлился,
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крыльях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток

Под ратью грозна Иоанна;
 И видел Астрахани рок.
 Вотще ордынцы безотрадны
 Бегут на холмы виноградны
 И сыплют стрелы по судам:
 Бессмертный Росс на брег ступает,
 И гордо царство упадает,
 Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седого
 Пророческий, громовый глас:
 «Страшитесь, персы, рока злого!
 Идет, идет царь сил на вас!
 Его и Юг и Норд трепещет;
 Он тысящами перуны мечет,
 Затмил Луну и Льва сразил!..
 Внемлите шум: се волжски волны
 Несут его, гордыни полны!
 Увы, Дербент!.. идет царь сил!»

Прорек, и хлынули реками
 У бога воды из очес;
 Вдруг море вздулося буграми,
 И влажный Каспий в них исчез.
 О, как ты Волга, ликовала!
 С каким восторгом поднимала
 Победоносного царя!
 В сию минуту пред тобою
 Казались малою рекою
 И Бельт и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
 Он только в искренных стихах
 Смиренну дань хотел оставить
 На счастливых твоих берегах.
 О, если б я внушен был Фебом,
 Ты первою б рекой под небом,
 Знатнейшей Гангеса была!
 Ты б славою своей затмила
 Величие Евфрата, Нила,
 И всю вселенну протекла.

Н.И. ГНЕДИЧ

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
 Где ваши прелести, о холмы и поля,
 Журчание ключей, цветов благоуханье?
 Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылись певцов пернатых хоры,
 Живившие леса гармонией своей?
 Зачем оставили приют их мирных дней?
 И всё уныло вокруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветер между дерев нагих,
 И, желтый лист крутя, далеко завоевает:
 Так всё проходит здесь, являясь на миг;
 Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
 И старость, и зима — гроза самой природы;
 Они, нещадные и быстрые, умчат,
 Как у весны цветы, у нас молодые годы!

Но что ж? крушитесь вы сей мрачную судьбой,
 Вы, коих низкие надежды и желанья
 Лишь пресмыкаются над брэнною землею,
 И дух ваш заключат в гробах без упования!

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
 С святой надеждою взор ясный простирает,
 С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает,
 И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
 И солнце пало ли на вечный свой закат?
 Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
 И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся; в ничтожность погруженный,
 Как всемогущий перст цветок животворит!
 Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
 На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
 Но некогда весна несменная сойдет!
 Жив бог, жива душа! И, царь земной природы,
 Воскреснет человек: у бога мертвых нет!

В.А. ЖУКОВСКИЙ

ОПУСТЕВШАЯ ДЕРЕВНЯ

О родина моя, Обурн благословенный!
Страна, где селянин, трудами утомленный,
Свой тягостный удел обильем услаждал,
Где ранний луч весны приятнее блистал,
Где лето медлило разлукою с полями!
Дубравы тихие с тенистыми главами!
О сени счастья, друзья весны моей, —
Ужель не возвращу блаженства оных дней,
Волшебных, райских дней, когда, судьбой забвенный,
Я миром почитал сей край уединенный!
О сладостный Обурн! как здесь я счастлив был!
Какие прелести во всем я находил!
Как все казалось мне всегда во цвете новом!
Рыбачья хижина с соломенным покровом,
Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
Густой, согбенный дуб с дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовниками знакомый;
И церковь на холме, и скромны сельски дома —
Все мой пленяло взор, все дух питало мой!
Когда ж, в досужный час, шумящею толпой
Все жители села под древний вяз стекались —
Какие тьмы утех очам моим являлись!
Веселый хоровод, звучащая свирель,
Сраженья, спорный бег, стрельба в далеку цель,
Проворства чудеса и силы испытанье,
Всеобщий крик и плеск победы в воздаянье,
Отважные скачки, искусство плясунов,
Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов,
Красавиц робкий вид и тайное волненье,
Старушек бдительных угрюмость, подозренье,
И шутки юношей над бедным пастухом,
Который, весь в пыли, с уродливым лицом,
Стоя в кругу, смешил своею простотою,
И живость стариков за чашей круговую —
Вот прежние твои утех, мирный край!
Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?

Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? где любовь? Исчезло все — их нет!..

О родина моя, о сладость прежних лет!
О нивы, о поля, добычи запустенья!
О виды скорбные развалин, разрушенья!
В пустыню обращен природы пышный сад!
На тучных нажитях не вижу резвых стад!
Унылость на холмах! В окрестности молчанье!
Потока быстрый бег, прозрачность и сверканье
Исчезли в густоте болотных диких трав!
Ни тропки, ни следа под сеньми дубрав!
Все тихо! все мертво! замолкли песней клики!
Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь тихий вдалеке звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают!
Но где твои сына, о край утех, блуждают?
Увы! отчуждены от родины своей!
Далеко странствуют! Их путь среди степей!
Их бедственный удел — скитаться без покров!..

Погибель той стране конечная готова,
Где злато множится и вянет цвет людей!
Презренно счастье вельможей и князей!
Их миг одни творит и миг уничтожает!
Но счастье поселян с веками возрастает;
Разрушившись, оно разрушится навек!..

Где дни, о Альбион, как сельский человек,
Под сенью твоего могущества почтенный,
Владелец нив своих, в трудах не угнетенный,
Природы гордый сын, взлелеян простотой,
Богатый здоровьем и чистою душой,
Убожества не знал, не лстылся благ стяжаньем
И был стократ блажен сокровищей незнаньем?
Дни счастья! Их нет! Корыстной рукой
Оратай отчужден от хижины родной!
Где прежде нив моря, блистая, волновались,
Где рощи и холмы стадами оглашались,
Там ныне хищников владычество одно!
Там все под грудами богатств погребено!

Там муками сует безумие страдает!
 Там роскошь посреди сокровищ издыхает!
 А вы, часы отрад, невинность, тихий сон!
 Желанья скромные! надежды без препон!
 Златое здравие, трудов благословенье!
 Беспечность! мир души! в заботах наслаждение! —
 Где вы, прелестные? Где ваш цветущий след?
 В какой далекий край направлен ваш полет?
 Ах! с вами сельских благ и доблестей не стало!..

О родина моя, где счастье процветало!
 Прошли, навек прошли твои златые дни!
 Смотрю — лишь пустыри заглохшие одни,
 Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обретаю!
 Лишь ветру, в óсоке свистящему, внимаю!
 Скитаюсь по полям — все пусто, все молчит!
 К минувшим ли часам душа моя летит?
 Ищу ли хижины рыбацкóй под рекою
 Иль дуба на холме с дерновою скамьею —
 Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
 И воспоминание сменяется тоской!..

Я в свете странник был, пещец уединенный! —
 Влача участок бед, творцом мне уделенный,
 Я сладкою себя надеждой обольщал
 Там кончить мирно век, где жизни дар приял!
 В стране моих отцов, под сенью древ знакомых,
 Исторгшись из толпы заботами гнетомых,
 Свой тусклый пламенный от траты сохранить
 И дни отшествия покоем озлатить!
 О гордость!.. Я мечтал, в сих хижинах забвенных,
 Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
 За чарой, у огня, в кругу их толковать
 О том, что в долгий век мог слышать и видеть!
 Так заяц, по полям станицей псов гонимый,
 Измученный бежит опять в лесок родимый!
 Так мнил я, переждав изгнанничества срок,
 Прийти, с остатком дней, в свой отчий уголок!
 О, дни преклонные в тени уединенья!
 Блажен, кто юных лет заботы и волненья
 Венчает в старости беспечной тишиной!..

ЦВЕТОК

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

МОТЫЛЕК

Вчера я долго веселился,
Смотря как мотылек
Мелькал на солнышке, носился
С цветочка на цветок.

И милый цвет его менялся
Всечасно предо мной,
То алой тенью отливался,
То нежной голубой.

Я вслед за ним... но он быстрее
Виляет и кружит!
И вижу, вдруг, прильнув к лилее,
Недвижимый блеснит!

Беру... и мой летун вертяной
 Дрожит в моих руках.
 Но где же блеск его румяной?
 Где краски на крылах?

Увы! коснувшись к ним перстами,
 Я стер их нежный цвет!
 И мотылек... он все с крылами.
 Но красоты уж нет!

«Так наслаждение изменяет!» —
 Вздыхнувши я сказал:
 «Пока не тронута — блистает!
 Дотронься — блеск пропал!»

ПЕСНЯ

Где фиалка, мой цветок?
 Прошлою весною
 Здесь поил ее поток
 Свежею струею?..
 Нет ее; весна прошла
 И фиалка отцвела.

Розы были там в сени
 Рощицы тенистой;
 Оживляли дол они
 Красотой душистой...
 Лето быстрое прошло,
 Лето розы унесло.

Где фиалку я видал,
 Там поток игривый
 Сердце в думу погружал
 Струйкой говорливой...
 Пламень лета был жесток;
 Истощенный, смолк поток.

Где видал я розы, там
 Рощица, бывало,

В зной приют давала нам...
 Что с приютом стало?
 Ветр осенний бушевал,
 И приютный лист опал.

Здесь нередко по утрам
 Мне певец встречался,
 И живым его струнам
 Отзыв откликался...
 Нет его; певец увял;
 С ним и отзыв замолчал.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
 Что так сладко, тихо веешь?
 Что играешь, что светлеешь?
 Очарованный поток?
 Чем опять душа полна?
 Что опять в ней пробудилось?
 Что с тобой к ней возвратилось,
 Перелетная весна?
 Я смотрю на небеса...
 Облака, летя, сияют
 И, сияя, улетают
 За далекие леса.

Иль опять от вышины
 Весть знакомая несется?
 Или снова раздается
 Милый голос старины?
 Или там, куда летит
 Птичка, странник поднебесный,
 Все еще сей неизвестный
 Край желанного сокрыт?..
 Кто ж к неведомым брегам
 Путь неведомый укажет?
 Ах! найдется ль, кто мне скажет,
 Очарованное Там?

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!..

К МЕСЯЦУ

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.

Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,

И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.

Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,

Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

ЦВЕТЫ

С приветом ласки нас встречайте!
Мы к вам идем из глубины!
Но, видя нас, не вопрошайте,
Какой страной мы рождены.

Как семя каждою весною
Цветком восходит вас пленять
Благоуханной красотою —
Не тщитесь тайны сей познать.

Мы спим во тьме уединения,
Недостижимой для очес;
Выводит нас из заточения
Одно могущество небес!

Лишь тронет солнце нас сиянием,
Нам станет тесен хладный дом;
И сладким двинуты призыванием
К веселой жизни восстаем!

Любовь как цвет — никто не знает,
Когда бывает рождена;
Глубоко в сердце ожидает
Лучей создательных она!

И только к сердцу прикоснулось
Очарованье милых глаз —
Желанье смутное проснулось
И жизнь в нем страстию зажглась.

Цветы умрут — когда сияния
С небес им солнце не прольет.
Когда любовь без упования —
Душа любвию умрет.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задержув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; там свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,

И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.

А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем немудрено,
Что разгорелось оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «Добрый сон».

И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух
За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! В том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой
Задернет алый завес свой.

Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;
Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.

Но что ж так медлит он вставать?
Все хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.

И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
И все замолкнуло в тени;

И по долинам, по горам
Все спит... Пора ко сну и нам.

НЕВЫРАЗИМОЕ

(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разнovidное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но лъзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим название дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь яркие черты —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемаемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет

(Как прилетевшее незапно дуновенье
 От луга родины, где был когда-то цвет,
 Святая молодость, где жило упование),
 Сие шепнувшее душе воспоминанье
 О милом радостном и скорбном старины,
 Сия сходящая святыня с вышины,
 Сие присутствие создателя в создание —
 Какой для них язык?.. Горé душа летит,
 Все необъятное в единый вздох теснится,
 И лишь молчание понятно говорит.

ЦВЕТ ЗАВЕТА

Мой милый цвет, былинка полевая,
 Скорей покинь приют твой луговой:
 Теперь тебя рука нашла родная;
 Доселе ты с непышной красотой
 Цвета в тиши, очей не привлекая
 И путника не радуя собой;
 Ты здесь была желанью неприметна,
 Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой вид — очарованье;
 В твоих листах вся жизнь минувших лет;
 В них милое цветет воспоминанье;
 С них веет мне давнишнего привет;
 Смотрю... и все, что мило, на свиданье
 С моей душой, к тебе, родимый цвет,
 Воздушною слетелось толпою,
 И прошлое воскресло предо мною.

И всех друзей душа моя узнала....
 Но где ж они? На миг с путей земных
 На север мой мечта вас призывала,
 Сопутников младенчества родных...
 Вас жадная рука не удержала,
 И голос ваш, пленив меня, затих.
 О, будь же вам заменой свиданья
 Мой северный цветок воспоминанья!
 Он вспомнит вам союза час священный,
 Он возвратит вам прошлы времена...

О сладкий час! о вечер незабвенный!
 Как божий рай, цвела там сторона;
 Безоблачен был запад озаренный,
 И свежая на землю тишина,
 Как ясное предчувствие, сходила;
 Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
 За песнею веселой старины
 Прекрасное, что некогда бывало
 Товарищем младенческой весны;
 Отжившее нам снова оживало;
 Минувших лет семьей окружены,
 Все лучшее мы зрели настоящим;
 И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами...
 Сии окрест волшебные места,
 Сей тихий блеск заката за горами,
 Сия небес вечерних чистота,
 Сей мир души, согласный с небесами,
 Со всем была, как таинство, слита
 Ее душа присутствием священным,
 Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ее* любовь благословляла;
 И одобрял на благо тихий глас...
 Друзья, тогда Судьба еще молчала
 О жребиях, назначенных для нас;
 Неизбранны, на дне ее фиала
 Они еще таились в оный час;
 Играли мы на тайном праге света...
 Тогда был дан вам мною *цвет завета*.

И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
 Разлучена веселая семья;
 Из области младенчества прелестной
 Разведены мы в разные края...
 Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
 О верные, далекие друзья,
 Прекрасная всех благ земных примета,
 Для нас цветет наш милый *цвет завета*.

Из северной, любовью избранной
 И промыслом указанной страны
 К вам ныне шлю мой дар обетованный;
 Да скажет он друзьям моей весны,
 Что выпал мне на часть удел желанный:
 Что младости мечты совершены;
 Что не вотще доверенность к надежде
 И что *Теперь* пленительно, как *Прежде*.

Да скажет он, что в наш союз прекрасный
 Еще один товарищ приведен...
 На путь земной из люльки безопасной
 Нам подает младую руку он;
 Его лицо невинностию ясно,
 И жизнь над ним как легкий веет сон;
 Беспечному предав его веселью,
 Судьба молчит над тихой колыбелью.

Но сладостным предчувствием теснится
 На сердце мне грядущего мечта:
 Младенчества веселый сон промчится,
 Разоблачат житейское лета,
 Огнем души сей взор воспламенится
 И мужески созреет красота;
 Дойдут к нему возвышенные вести
 О праотцах, о доблести, о чести...

О! да поймет он их знаменованье,
 И жизнь его да будет им верна!
 Да перейдет, как чистое преданье
 Прекрасных дел, в другие времена!
 Что б ни было судьбы обетованье,
 Лишь благом будь она освящена!..
 Вы ж, милые, товарища примите
 И путь его земной благословите.

А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
 Символ любви и жизни молодой,
 От севера, от запада, от юга
 Летай к друзьям желанною молвой;
 Будь голосом, приветствующим друга;
 Посол души, внимаемый душой,

О верный цвет, без слов беседуй с нами
 О том, чего не выразить словами.

ЗВЕЗДА И КОРАБЛЬ

Звезда небес плывет пучиною небесной,
 Пучиной бурных волн земной корабль плывет!
 Кто по небу ведет звезду — нам неизвестно;
 Но по морю корабль звезда небес ведет!

Взошла заря. Дыханием приятным
 Сманила сон с моих она очей;
 Из хижины за гостем благодатным
 Я восходил на верх горы моей;
 Жемчуг росы по травкам ароматным
 Уже блистал младым огнем лучей,
 И день взлетел, как гений светлокрылый!
 И жизнью все живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
 Туманный дым в долине над рекой;
 Густел, редел, тянулся, и клубился,
 И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
 И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
 Задержнулась окрестность пеленой,
 И, влажною пустыней окруженный,
 Я в облаках исчез, уединенный...

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
 Стою очарован над бездной твоей.
 Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
 Тревожною думой наполнено ты.
 Безмолвное море, лазурное море,

Открой мне глубокую тайну твою:
 Что движет твое необъятное лоно?
 Чем дышит твоя напряженная грудь?
 Иль тянет тебя из земных неволи
 Далекое светлое небо к себе?..
 Таинственной, сладостной полное жизни,
 Ты чисто в присутствии чистом его:
 Ты льешься его светозарной лазурью,
 Вечерним и утренним светом горишь,
 Ласкаешь его облака золотые
 И радостно блещешь звездами его.
 Когда же собираются темные тучи,
 Чтоб ясное небо отнять у тебя —
 Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
 Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
 И мгла исчезает, и тучи уходят,
 Но, полное прошлой тревоги своей,
 Ты долго вздымаешь испуганны волны,
 И сладостный блеск возвращенных небес
 Не вовсе тебе тишину возвращает;
 Обманчив твоей неподвижности вид:
 Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
 Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

НОЧЬ

Уже утомившийся день
 Склонился в багряные воды,
 Темнеют лазурные своды,
 Прохладная стелется тень;
 И ночь молчаливая мирно
 Пошла по дороге эфирной,
 И Геспер летит перед ней
 С прекрасной звездой своей.

Сойди, о небесная, к нам
 С волшебным твоим покрывалом,
 С целебным забвенья фиалом.
 Дай мира усталым сердцам.
 Своим миротворным явленьем,
 Своим усыпительным пеньем

Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядя в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределах бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек...

Но есть меж вами два избранные,
 Два ненадменные цветка:
 Их имена, им сердцем данные,
 К ним привлекают мотылька.
 Они без пышного сияния;
 Едва приметны красотой:
 Один есть цвет воспоминания,
 Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
 О том, чего уж в мире нет!
 О дума сердца — упование
 На лучший, неизменный свет!
 Блажен, кто вам среди губящего
 Волненья жизни сохранил
 И с вами низость настоящего
 И пренебрег и позабыл.

Звезды небес,
 Тихая ночь!
 Ваше молчанье
 Тайными чарами
 Душу покоит!
 Звезды небес!
 Тихая ночь!
 О счастье живом
 Минувших времен.
 Раз улетевшем,
 Не будем мечтать...

ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, рощи лепет,
 В небе жаворонка трепет,
 Теплый дождь, сверканье вод, —
 Вас назвавши, что прибавить?
 Чем иным тебя прославить,
 Жизнь души, весны приход?

ЖАВОРОНОК

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны;

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я.
И славит Бога песнь моя!

РОЗЫ

Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно
В пестрый венок сплетены милой рукой для меня!
Светлое, чистое девственной кисти создание, глубокий
Смысл заключается здесь в легких, воздушных чертах.
Роз разнообразных семья на одном окруженном шипами
Стебле — не вся ли тут жизнь? Корень же твердый цветок —
Крест, претворяющий чудно своей жизнедеятельной силой
Стебля терновый венец в свежий венок из цветов?
Веры хранительной стебель, цветущие почки надежды,
Цвет благовонный любви в образ один здесь слились, —
Образ великий, для нас бытия выражающий тайну;
Все, что пленяет, как цвет, все, что пронзает, как терн,
Радость и скорбь на земле знаменуют одно: их в единый
Свежий сплетает венок Промысел тайной рукой.
Розы прекрасные! в этом венке очарованном здесь вы
Будете свежи всегда: нет увяданья для вас;
Будете вечно душисты; здесь памятью сердца о милой
Вас здесь собравшей руке будет ваш жив аромат.

К.Н. БАТЮШКОВ

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон взамену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною.

Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов.
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают.
Он счастлив — я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря — пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыбарь, спешишь на брег уединенной!
Там, сети преклонив ко утлой ладие
(Вот все от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы!

Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон

С холмов и пажитей, туманом орошенных.
 О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
 В изгнание горестном утеша дней моих,
 О лира, возбуди бряцаньем струн златых
 И холмы спящие и кипарисны рощи,
 Где я, печали сын, среди глубокой ночи,
 Объятый трепетом, склонился на гранит...
 И надо мной тень Лауры пролетит!

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
 Ручей свободно за журчал,
 И яркий голос Филомелы
 Угрюмый бор очаровал:
 Все новой жизни пьет дыханье!
 Певец любви, лишь ты уныл!
 Ты смерти верной предвещанье
 В печальном сердце заключил;
 Ты бродишь слабыми стопами
 В последний раз среди полей,
 Прощаясь с ними и с лесами
 Пустынной родины твоей.
 «Простите, рощи и долины,
 Родные реки и поля!
 Весна пришла, и час кончины
 Неотразимой вижу я!
 Так! Эпидавра прорицанье
 Вещало мне: в последний раз
 Услышишь горлиц воркованье
 И гальционы тихий глас:
 Зазеленеют гибки лозы,
 Поля оденутся в цветы,
 Там первые увидишь розы,
 И с ними вдруг увянешь ты.
 Уж близок час... Цветочки милы,
 К чему так рано увядать?
 Закройте памятник унылый,
 Где прах мой будет истлевать;
 Закройте путь к нему собою

От взоров дружбы навсегда.
 Но если Делия с тоскою
 К нему приблизится, тогда
 Исполните благоуханьем
 Вокруг пустынный небосклон
 И томным листьев трепетаньем
 Мой сладко очаруйте сон!»
 В полях цветы не увядали,
 И гальционы в тихий час
 Стенанья роицы повторяли;
 А бедный юноша... погас!
 И дружба слез не уронила
 На прах любимца своего,
 И Делия не посетила
 Пустынный памятник его.
 Лишь пастырь в тихий час денницы,
 Как в поле стадо выгонял,
 Унылой песнью возмущал
 Молчанье мертвое гробницы.

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
 И золотом блистающих акаций
 Спешу восстановить алтарь и муз и граций,
 Сопутниц жизни молодой.

Спешу принесть цветы, и ульев сот янтарный,
 И нежны первенцы полей:
 Да будет сладок им сей дар любви моей
 И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
 Они с Фортуною не дружны,
 Их крепче с бедностью заботливой союз,
 И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.

Не молит славы он сияющих даров
 Увы! талант его ничтожен.

Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз — душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.

Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет.

Пускай и в седилах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

Ф.Н. ГЛИНКА

К СОЛОВЬЮ В КЛЕТКЕ

Меркнет день, лазурь темнеет,
Погасает блеск небес,
В шумном мире все немеет,
Дремлет тихо синий лес;
Встал и месяц за горою...
Ах, бывало сей порою,
Милый сын весенних дней,
Под черемхою душистой,
Где ручей журчит серебристой,
Здесь певал ты, соловей!

Сколько раз меня бывало,
Сколько раз друзей моих
Сладкогласье восхищало
Песней радостных твоих?
Замолкали все пернатые
Вмиг, коль ярко перекаты,
Треск, урчанье по зарям,
Песни звонкие, игривы,
Свисты, стоны, переливы
Растекались по кустам!..

Ах, давно ль прелестна Хлоя
Восхищалась тобой?
В час прохлады, в час покоя,
Перестав, на миг, рабой
Быть законов скучных света,
Без затей легко одета,
Без толпы рабынь, рабов,
Шла гостить одна — к природе,
И внимать, как на свободе
Громко славишь ты любовь.

Ты гремел — почто же, милый,
Вдруг замолк? и скучен стал?
Дикий свой приют унылый
Ты на клетку променял?

Клетка пышная богата,
 Будто храм или палата
 Раззолочена она!
 Тут хрусталь с водою чистой,
 Корм, песок с травой душистой,
 Свет чуть брезжит из окна.

Чем же, друг мой, недоволен?
 Отчего тебе грустить?..
 Ах! — кричишь ты. — Я неволен,
 И могу ль веселым быть?
 Я в родном кусту на ветке
 Ночь насквозь певал, но в клетке
 С горя чуть могу дышать...
 Всяк поет в счастливой доле:
 Счастье — в воле, гроб — в неволе.
 Нет, не петь мне, — умирать!
 Так, священная природа,
 Твой закон и сердца глас

Нам вещают, что свобода
 Есть вторая жизнь для нас!
 Скромный жребий в мирной доле
 Предпочтя златой неволе,
 Подружусь я с простотой, —
 Пусть сердца, пусть души низки,
 К пресмыканию, к рабству близки,
 Обольщаются мечтой...

Пусть тираны строят ковы
 И златят цепей свинец,
 И приемлют их оковы
 Раб безгласный, низкий льстец,
 Поруганье пья, как воду,
 Дар небес — свою свободу —
 Предают за дым они!
 И, лобзая тяжки длани,
 Платят век покорства дани
 И влачат без жизни дни!

Пусть земные полубоги,
 В недрах славы и честей

Громоздя себе чертоги,
 Будут в них рабы страстей!
 Для чего мне дом огромный?
 Дайте мне шалаш укромный
 Из соломы и ветвей,
 Дайте дружбу и свободу —
 Стану петь, хвалить природу,
 Как на воле соловей!

СЕЛЬСКИЙ СОН

Как сладко в уголок укромный
 Залечь, с спокойствием в душе,
 На сенокосе — в шалаше,
 Где виден, сквозь ветвей, надзвездный свод огромный
 Иль светлый океан волнистых облаков!..
 Как сладко в тишине уютной хаты,
 В садах природы пить роскошны ароматы,
 Дыханье молодых цветов!
 Вблизи — ручей, грустя от тесноты берегов,
 Как будто их раздвинуть хочет;
 Вдали — протекший гром грохочет...
 Но вот заря глядит в серебряный поток
 И утро под окно спускается украдкой,
 И веет негой ветерок...
 Как мил он мне, сей час мечты и неги сладкой!
 Я слушаю сквозь сон, чуть помня сам себя,
 Как милый сын весны, впервые полюбя,
 Протяжно, томно ноет, стонет,
 Как будто в сладкой неге тонет,
 Все тише, тише... смолк — и вдруг
 Шумит, катит, дробит и щедро сыплет трели!
 И песнь — то яркий треск, то милый глас свирели —
 Переливается, лелеет, нежит слух!..
 Весь воздух — аромат и пенье,
 И весь я свежее, живое наслажденье!..

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам сладок и приятен.

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на темный луг.
Повеял новый, теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
Катятся с гор кипящи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных твоих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густеют молодые ели,
И льется запах от берез!
И мчится тройка удалая
В Москву дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустилося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...

.....
.....

Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумьи молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

ВЕСНА

Уже душистей стали ели,
И пахнет в воздухе смолой;
Уже луга зазеленели,
И мох кудрится над скалой.

Разделись синие заливы,
И лодки ходят по реке;
Уже заколосились нивы,
И слышно стадо вдалеке...
И воздух полон тишиною,
И как им сладостно дышать!
Так сердце с жизнью неземною
Вдыхает неба благодать.

ДОЖДИ

Шумят весенние дожди,
Под ними зеленеют нивы:
Зачем же слышу я в груди
Порой тоскливые порывы?..
Творец! Пошли свой чистый дождь:
Омой с меня мой прах греховный;
И будь ты пастырь мой духовный
И к новой жизни лучший вождь!..

БУРЯ

Что небо стало без лазури,
И волны ходят по Неве,
И тени облаков мелькают по траве?
Я слышу приближенье бури,
Я здесь не знаю, что творится надо мной,
Но близ меня, в щели стенной,
Уныло ветер завывает,
И он как будто мне о чем-то вспоминает
И будит давнюю какую-то мечту.
О ветер, ветер! Ты свободен, —
Зачем же рвешься в тесноту?..
Ах! Если бы я мог, оставя суету,
И в чувствах нов и благороден,
Летать, как ветер по полям!
И только рано по зарям,
Прокравшись близ тюрьмы сторонкой,
Несчастливым узникам тихонько
О чем-то милом напевать
И горьких в сладкое забвенье погружать!..

НА ГРОМ

Гремит! И воды запестрели!
И слышен в воздухе как будто шум и крик!
И, вспыхнув молнии на стеклах закипели!
И часовой стоит, утупя в землю штык!..
Где зарождаются сии кипящие громы?
Где бурь и непогод таинственные дома?
Зачем нам тайны познавать
И, мыслями волнуясь, утомляться?
Не лучше ли, во всем встречая благодать,
Жить просто и всему по-детски удивляться!

ЛУНА

Луна прекрасная светила
В тиши лазоревых полей
И ярче золота златила
Главы подкрестные церквей.
А бедный узник за решеткой
Мечтал о божьих чудесах:
Он их читал, как почерк четкой,
И на земле и в небесах,
И в тайной книге прошлой жизни
Он с умилением их читал,
И с мыслью о святой отчизне
Сидел, терпел — и уповал!

ПОВСЕМЕСТНЫЙ СВЕТ

На своде неба голубого,
Реки в волнистом серебре,
На трубке в желтом янтаре
И на штыке у часового:
Повсюду свет луны сияет!
Так повсеместен свет иной,
Который ярко позлащает,
Железный жребий наш земной!

К ЛУНЕ

Среди безмолвия ночного
Луна так весело глядит,
И луч ее у часового
На ясном кивере горит!

Ах! Погляди ко мне в окошко
И дай мне весь о вышине,

Чтоб я, утешенный немножко,
Увидел счастье хоть во сне.

УЗНИК

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.

Но бедный юноша, ровесник
Младым, цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню,
Передаёт тоску волнам.

«Прости, мой дом, мой кров любезный,
Прости навек, моя семья;
Здесь, за решеткою железной,
Уже не свой вам больше я!

Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчальное кольцо;
Отныне здесь мое уж место,
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска;
И мне сносить такую долю
Взяла сама моя рука.

Но есть надежда в избавленьи
Своим бедам найти конец;
Но есть святое провиденье
И на Руси, ты наш отец.

О русский царь! В твоей короне
Есть драгоценнейший алмаз,
Он значит: милость есть на троне.
О русский царь, помилуй нас!»

И ночь прошла, с рассветом ясным
За ней день новый воссиял;
А бедный узник в каземате
Все ту же песню повторял.

СРАВНЕНИЕ

Как светел там янтарь луны,
Весь воздух палевым окрашен!
И низутся кругом стены
Зубцы и ряд старинных башен.
Как там и вечером тепло!
Как в тех долинах ароматно!
Легко там жить, дышать приятно,
В душе, как на небе, светло;
Все говор, отзывы и пенье.
Вот вечер, сладостный, весенний,
Страны, где жил я, как дитя,
Среди семейной, кроткой ласки,
Где так меня пленяли сказки...
Но буря жизни, ухватя
Мой челн, в безбрежное умчала:
Я слышал, подо мной урчала
И в клуб сливалась волна;
И ветры парус мой трепали...
Ах, часто чувства замирали
И стыла кровь. Скучна страна,
Куда меня замчали бури:
Увы, тут небо без лазури!
Сии бесцветные луга
Вовек не слышат пчел жужжаний,
Ни соловьиных вздыханий;
И тут, чрез мшистые брега,
Как горлик, ястребом гонимый,
Летит весна как будто мимо,
Без ясных, теплых вечеров...
Ничто здесь чувства не лелеет,
Ничто души не отогреет,
Тут нет волшебных жизни снов;

Тут юность без живых волнений,
Без песен молодость летит;
И, как надгробие, стоит,
Прижав крыло, безмолвный гений.

К ЛУГУ

Зеленый луг! Зеленый луг!
Как расстилаешься ты гладко,
Как отдыхает тут мой дух,
Как тут задумываться сладко!

Ах, если б так, ах, если б так
Постлался путь наземной жизни!
Смелей бы я сквозь вихрь и мрак
Спешил к сияющей отчизне.

Но тут скалы — и все скалы
Стоят, как призраки от века,
И с них летят, кипят валы:
Трудна дорога человека!..

Зеленый луг! Зеленый луг!
Пока цветешь, стелися гладко!
И успокой мой томный дух
И дай задуматься мне сладко!..

К ПОЧТОВОМУ КОЛОКОЛЬЧИКУ

Ах, колокольчик, колокольчик!
Когда и над моей дугой,
Над тройкой ухарской, лихой
Ты зазвенишь? Когда дорога,
Широкой лентой раскатясь,
С своими пестрыми столбами
И с живописностью кругом,
Меня, мой колесистый дом,
Мою почтовую телегу,

К краям далеким понесет?
 Когда увижу край над Волгой
 И, с гор на горы мча стрелой,
 Меня утешит песнью долгой
 Земляк — извозчик удалой?
 Когда увижу Русь святую,
 Мои дубовые леса,
 На девах ленту золотую
 И синий русский сарафан?
 Мне, сиротине на чужбине,
 Мне часто грустно по родном,
 И Русь я вижу, как в картине,
 В воспоминании одном.

ЖАТВА

Густая рожь стоит стеной!
 Леса вокруг нивы как карнизы,
 И все окинул вечер сизый
 Полупрозрачной пеленой...
 Порою слышны отголосья
 Младых косцов и сельских жниц;
 Волнами зыблются колосья
 Под пылкой ясностью зарниц;
 И жатва, дочь золотого лета,
 Небесным кормится огнем,
 И жадно пьет разливы света,
 И зреет, утопая в нем...
 Так горний пламень вдохновенья
 Горит над нивою души,
 И спеет жатва дум в тиши,
 И созревают песнопенья...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Постлалась белая, холодная постель,
 И, под стеклом, чуть живы воды!
 Сутроб высокий лег у ветхой изгороди...

В лесах одна без перемены — ель!
В господский сельский дом теснится вьюга в сени,
И забелелось высокое крыльцо,
И видны ног босых по улицам ступени,
И чаще трет ямщик полый себе лицо,
И колокол бренчит без звона,
Протяжно каркает обмоклая ворона,
И стая вдруг явилась сорок;
Везде огонь, везде дымятся трубы,
Уж для госпож в домах готовят шубы,
И тройкою сосед катит на вечерок.
Куют коней, и ладят сани,
И говорят о будущем катаньи.
Пороша!.. и следят и зайцев и лисиц,
И хвалятся борзых удалым бегом...
И, по примете, первым снегом
Умылись девушки для освеженья лиц!

П.А. КАТЕНИН

НОЧЬ

Из Гесснера

Ночь тихая! меня приятно ты застала
На камне мшистом сем, где сладко я уснул.
Румяная заря всё небо устилала,
И солнца из-за гор последний луч блеснул.

Зарделись облака вечерние, златые,
Весь запад вспылал сияющим огнем;
Вдали же темный лес и рощицы густые
Казались розовым обложены венцом.

Вечерняя звезда долину осветила,
По гнездам парами пернатые легли,
Тень длинная с горы высокой нисходила,
И медленно глаза сомкнулися мои.

Ты ль, звучный соловей, ты ль песнию игривой
Сон усладительный согнал с моих очей
Иль быстрый в роще бег дриады боязливой
От фавна резвого, гонящегося за ней?

Приятство новое душа моя вкушает,
И новую красу мой взор прельщенный зрит:
Природа вокруг меня вся тихо засыпает,
Лишь роща ветвями зеленая шумит.

Здесь месяц на луга блеск рассыпает чистый,
Густые сучья там дробят его лучи,
Тут переливом их горит ручей серебристый,
А там светло как днем сияет холм в ночи.

Куренья сладкие вечернею порою
Возносятся с цветов, сокрытых меж травы.
Мой тщетно ищет взор под тенью вас густую,
Но запах нежный ваш укажет мне, где вы.

Вдали видна гора, обросшая кустами;
Там ивы древние сплелись над водой,
Распространяя тень кудрявыми верхами,
Клонящимись к земле под листьев тяготой.

Оттоле быстрый ток в равнину истекает;
Я слышу шум его: он катится, журчит,
О камни мшистые струй влагу разбивает
И пену белую с собою в дол крутит.

Вот облако нашло: завесою прозрачной
Задернут бледный знак задумчивой луны.
Постой, блестящая! — рассей тень ночи мрачной
И освети мой путь с лазурной вышины.

Пойду на злачный холм, где виноградны лозы
И хмель виющийся сгибают темный свод,
Соплетшись, где растут с малиной дики розы
И льется сговором поток хрустальных вод.

С друзьями часто там, увенчанный цветами,
За чашей круговой я Вакха величал
И глас мой, съединив любезных с голосами,
Песнь радостную в честь бессмертному певал.

Всесильный бог вина сам холм сей посещает;
Чаш звонких серебряных здесь часто слышен стук,
И путник ужасом священным замирает,
Внимая громкий смех и плеск веселых рук.

Беседка тихая! под тень твою густую
Прими меня и сном прохладным успокой:
Пусть деву хоть во сне увижу дорогую,
И счастлив буду сей прелестною мечтой.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

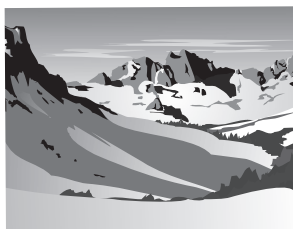
Сонет

Громада тяжкая высоких гор, покрытых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уродливая складь бесплодных камней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Ряд безобразных стен, изломанных, изрытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих падеру оравую густой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красы, с каких ты пор славна?
Творенье божье ты иль чертова проказа?
Скажи, проклятая, зачем ты создана?

Д.В. ДАВИДОВ

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЯ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
 О кто, кто из твоих сынов
 Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали,
Зарницы бегали за синею горой,
 И, окропленные росой,
 Луга и лес благоухали.

Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
 И, приклонясь к лавровому кусту,
 Дышала роза молодая.

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою.

Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое.

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ

(1816)

Дыханье вечера долину освежило,
Благоухает древ трепещущая сень,
И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.
Повсюду разлилось священное молчанье;
Почило на волнах
Игривых ветров трепетанье,
И скатерть синих вод сравнялась в берегах.
Чья кисть, соперница природы,
О Волга, рек краса, тебя изобразит?
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
С лазурной высотой твои сравнялись воды,
И пораженный взор, оцепенев, стоит
Над влажною равниной;
Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Он бродит по твоим красивым берегам:
Здесь темный ряд лесов под ризою туманов,
Гряда воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сел, лежащих по горам,
Луга, платящие дань злачную стадам,
Поля, одетые волнующимся златом, —
И взор теряется с прибрежных вершин
В разнообразии богатом
Очаровательных картин.
Но вдруг перед собой зрю новое явление:
Плывущим островам подобясь, вдали
Огромные суда в медлительном паренье
Несут по лону вод сокровища земли;
Их крылья смелые по воздуху белеют,
Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют.
Люблю в вечерний час, очарованья полн,
Прислушивать, о Волга величава!
Глас поэтический твоих священных волн;

В них отзывается России древней слава.
 Или, покинув брег, люблю гнать резвый челн
 По ропотным твоим зыбям, — и, сердцем весел,

Под шумом дружных весел,
 Забывшись, наяву один дремать в мечтах.
 Поэзии сынам твои знакомы воды!

И музы на твоих прохладных берегах,

В шумящих тростниках,

В час утренней свободы,

С цевницами в руках

Водили хороводы

Со стай нимф молодых;

И отзыв гор крутых,

И вековые своды

Встревоженных дубрав

Их песнями звучали,

И звонкий глас забав

Окрест передавали.

Державин, Нестор муз, и мудрый Карамзин,

И Дмитриев, харит счастливый обожатель,

Величья твоего певец-повествователь,

Тобой воспоены средь отческих долин.

Младое пенье их твой берег оглашало,

И слава их чиста, как вод твоих зеркало,

Когда глядится в них лазурный свод небес,

Безмолвной тишиной окован ближний лес

И резвый ветерок не шевелит струю.

Их гений мужествен, как гений вод твоих,

Когда гроза во тьме клубится над тобою

И пеною кипят громады волн седых;

Противник наглых бурь, он злобе их упорной

Смеется, опершись на брег ему покорный;

Обширен их полет, как бег обширен твой;

Как ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,

В пучину Каспия мчишь воды обновленны,

Так славные их дни, согражданам священные,

Сольются, круг сверша, с бессмертием в веках!

Но мне ли помышлять, но мне ли петь о славе?

Мой жребий: бег ручья в безвестных берегах,

Виющийся в дубраве!

Счастлив он, если мог цветы струей омыть

И ропотом приятным

Младых любовников шаги остановить,
И сердце их склонить к мечтаньям благодатным.

НАРВСКИЙ ВОДОПАД

Несись с неукротимым гневом,
Мятежной влаги властелин!
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Сердитый, дикий, величавый,
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет от упорной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали их представляет бой.

Всё разъярением, всё угрюмей
Летит, как гений непогод;
Я мыслью погружаюсь в шуме
Междоусобно-бурных вод.

Но как вокруг всё безмятежно
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало их лазури,
Вотще блестящей с вышины.

Противоречие природы,
Под грозным знаменем тревог,
В залоге вечной непогоды
Ты бытия принял залог.

Ворвавшись в сей предел спокойный,
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

МОРЕ

Как стан гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слух
Их говором необычайным,
И сладко предается дух
Мечтам, пленительным и тайным.

Так! Древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны! Красоты богиню
Я признаю за вашу дочь!
Так, верю: родилась она
Из вашей колыбели зыбкой
И пробудила мир от сна
Своею свежелою улыбкой.

Так, верю: здесь явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сафира,
В стихии светлой чистоты.
Нам чистым сердцем внушены

Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних, хотя минутой,
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны!

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни.
И вашей девственной святости
Не опозорена лазурь.
Кровь ближних не дымится в ней;
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной.

И если смертный возмутит
Весь мир преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.
Отринутый из чуждых недр,
Он поглощаем шумной бездной;
Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!

Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя ее играют долей
Владыки, веки и судьба.
Но вы всё те ж, что в день чудес,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зеркало!

Так и теперь моей мечте
Из лона зёркальной пустыни

Светлеет лик молодой богини
В прозрачно-влажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск.
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот их и плеск
Еще душе красноречивей!

Над ней, как звезды, светят сны,
Давно померкшие в тумане,
Которые так ясно ране
Горели в небе старины.
Из волн, целующих ее,
Мне веют речи дивной девы;
В них слышно прежнее бытѐе,
Как лет младенческих напевы.

Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга;
Как мировое слово друга,
Все чувства меж собой мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет:
Он пробудил в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет.

Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.
Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,
И в сладострастьѐ стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем.

Сюда, поэзии жрецы!
Сюда, существенности жертвы!
Кумиры ваши здесь не мертвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья;
И здесь, где море вам шумит,
Святыни светлая преддверья!

ЗИМНИЕ КАРИКАТУРЫ

(Отрывки из журнала зимней поездки
в степных губерниях. 1828)

1

РУССКАЯ ЛУНА

Русак, поистине сказать,
Не полуночник, не лунатик:
Не любит ночью наш флегматик
На звезды и луну зевать.

И если в лавках музыки русской
Луной торгуют наподхват,
То разве взятой напрокат
Луной немецкой иль французской.

Когда ж в каникулы зимы
Горит у нас мороз трескучий,
И месяц в небе из-за тучи,
Наверно, мерзнет, как и мы.

«Теперь-то быть в дороге славно!» —
Подхватит тут прямой русак.
Да, черта с два! Как бы не так,
Куда приятно и забавно!

Нет, воля ваша, господа!
Когда мороз дерет по коже,
Мне теплая постель дороже,
Чем ваша прыткая езда.

2

КИБИТКА

Что за медвежье набег
Сам-друг с медведем на спине?

Нет, нет, путь зимний не по мне:
Мороз, ухабы, вьюги, снега.

А подвижной сей каземат,
А подвижная эта пытка.
Которую зовут: кибитка,
А избрал нам зимний ад.

Неволя, духота и холод;
Нос зябнет, а в ногах тоска,
То подтолкнет тебя в бока,
То головой стучишь, как молот.

И всё, что небо обрекло
На сон вещественных смерти,
Движеньем облакают черти
Страдальцу горькому назло.

Подушки, отдыха приюты,
Неугомонною возней
Скользят, вертятся под тобой,
Как будто в них бесенок лютый,

Иль шерстью с зверя царства тьмы
Набил их адский пересмешник,
И, разорвав свой саван, грешник
Дал ведьмам наволки взаим.

И в шапке дьявол колобродит:
То лоб теснит, то с лба ползет,
То голова в нее уйдет,
То с головы она уходит.

Что в платье шов, от уж рубец,
В оковах словно руки, ноги,
Их снаряжая для дороги,
Твой камердинер был кузнец.

Дремота липнет ли к реснице,
Твой сон — горячки бред шальной:
То обопрется домовой
На грудь железной рукавицей;

То хочешь ты без крыл лететь,
 То падаешь в пучину с моста,
 То вдруг невиданного роста
 Идет здороваться медведь;

То новый враг перед страдальцем:
 С тетрадью толстой римфодул
 Стихами в петлю затянул,
 Схватя за петлю мощным пальцем.

3

МЕТЕЛЬ

День светит; вдруг не видно зги,
 Вдруг ветер налетел размахом,
 Степь поднялася мокрым прахом
 И завивается в круги.

Снег сверху бьет, снег прыщет снизу,
 Нет воздуха, небес, земли;
 На землю облака сошли,
 На день насунув ночи ризу.

Штурм сухопутный: тьма и страх!
 Компас не в помощь, ни кормило:
 Чутье заглохло и застыло
 И в ямщике и в лошадях.

Тут выскочит проказник леший,
 Ему раздолье в кутерьме:
 То огонек блеснет во тьме,
 То перейдет дорогу пеший,

Там колокольчик где-то бряк,
 Тут добрый человек аукнет,
 То кто-нибудь в ворота стукнет,
 То слышен лай дворных собак.

Пойдешь вперед, поищешь сбоку,
 Всё глушь, всё снег, да *мерзлый пар*.

И божий мир стал снежный шар,
Где как ни шаришь, всё без проку.

Тут к лошадям косматый враг
Кувыркнется с поклоном в ноги,
И в полночь самую с дороги
Кибитка набок — и в овраг.

Ночлег и тихий и с простором:
Тут тараканам не залезть,
И разве волк ночным дозором
Придет проведать: кто тут есть?

4

УХАБЫ, ОБОЗЫ

Какой враждебный дух, дух зла, дух разрушенья,
Какой свирепый ураган
Стоячей качкою, волнами без движенья
Изрыл сей снежный океан?

Кибитка-ладия шатается, ныряет:
То вглубь ударится со скользкой крутизны,
То дыбом на хребет замерзнувшей волны
Ее насильственно кидает.

Хозяйство, урожай, плоды земных работ,
В народном бюджете вы светлые итоги,
Вы капитал земли стремите в оборот,
Но жаль, что портите вы зимние дороги.

На креслах у огня, не хуже чем Дюпень,
Движенья сил земных я радуюсь избытку;
Но рад я проклинать, как попаду в кибитку,
Труды, промышленность и пользы деревень.

Обозы, на Руси быть *зимним судоходством*¹
Вас русский бог обрек, — и милость велика:

¹Подражание князю Потемкину, который называл жидов судоходством Польши.

Помещики от вас и с деньгой и с дородством,
Но в проезжающих болят от вас бока.

Покажется декабрь — и тысяча обозов
Из пристаней степных пойдут за барышом,
И путь, уравненный от снега и морозов,
Начнут коверкать непутем;

Несут к столицам ненасытным
Что целый год росло, а люди в день съедят:
Богатства русские под видом первобытным
Гречихи, ржи, овса и мерзлых поросят,

И сельских прихотей запас разнообразный,
Ко внукам бабушек гостинцы из села,
И городским властям невинные соблазны:
Соленые грибы, наливки, пастила.

Как муравьи, они копышатся роями,
Как муравьям, им счета не свести;
Как змии длинные, во всю длину пути
Перегибаются ленивыми хребтами.

То разрывают снег пронзительным ребром,
И застывает след, прорезанный глубоко;
То разгребают снег хвостом,
Который с бока в бок волочится широко.

Уж хлебосольная Москва
Ждет сухопутные флотилии,
В гостеприимном изобилии
Ее повыбились права.

Всю душу передав заботливому взору,
К окну, раз десять в день, подходит бригадир,
Глядит и думает: придет ли помощь в пору?
Задаст ли с честью он свой именинный пир?

С умильной радостью, с слезой мягкосердечья
Уж исчисляет он гостей почетных съезд,
И сколько блюд и сколько звезд
Украсят пир его в глазах Замоскворечья.

Уж предначертан план, как дастся сытный бой,
 Чтоб быть ему гостей и дня того достойным;
 Уж в тесной зале стол большой
 Рисуется пред ним покоем беспокойным.

Простор локтям! — изрек французской кухни суд,
 Но нам он не указ, благодарим покорно!
 Друг друга поприжав, нам будет всем просторно;
 Ведь люди в тесноте живут.

И хриплым голосом, и брюхом на виду
 Рожденный быть вождем в служительских фалангах,
 Дворецкий с важностью в лице и на ходу
 Разносит кушанья по табели о рангах.

Дверь настезь: с торжеством, как витязь на щитах,
 Толпой рабов осетр выносятся картинно;
 За ним, салфеткою спеленутую чинно,
 Несут вдову Кликю, согретую в руках.

Молю, в желанный срок да не придет обоз,
 И за мои бока молю я мщенья! Мщенья!
 А если и придет, да волей providенья
 День именин твоих днем будет горьких слез.

Испорченный судьбой, кухмистром и дворецким,
 Будь пир твой в стыд тебе, гостям твоим во вред:
 Будь гость, краса и честь пирам замоскворецким,
 Отозван на другой обед!

Но если он тебя прибытьем удостоит,
 Пусть не покажется ему твоя хлеб-соль
 И что-нибудь нечаянно расстроит
 Устроенный ему за месяц рокамболь.

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Колокольчик однозвучный,
 Крик протяжный ямщика,
 Зимней степи сумрак скучный,

Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, —
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застоек глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо

И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? И отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;

Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля!

Тени легкие, мелькая,
В светом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной
Гаснут звезды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем

Упоительная ночь!
 Ночь немая,
 Голубая,
 Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
 Грудь таинственно полна.
 Чу! Волшебной песни звуки
 Вылетают из окна.
 Пой, красавица певица!
 Пой, залетный соловей,
 Сладкозвучная царица
 Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
 Сладострастьем
 Упоительная ночь!
 Ночь немая,
 Голубая,
 Неба северного дочь!

СТЕПЬЮ

(Июнь 1849)

Бесконечная Россия
 Словно вечность на земле!
 Едешь, едешь, едешь, едешь,
 Дни и версты нипочем;
 Тонут время и пространство
 В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
 Поперек и вдоль лежит,
 Словно огненное море
 Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
 Не пахнет на душный день

С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола.
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногий
Смотрит, верный домосед, —
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.

Шагом, с важностью спокойной
Тыщат тяжести волю;
Пыль метет метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племен —
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времен.

Пусто всё, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют празднo,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретой
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь!
Всё вы — матушка Россия,
Какова она ни есть.

МАСЛЕНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Здравствуй, в белом сарафане!
Из серебряной парчи!
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свежей прелестью лица
Пробуждаешь к чувствам новым
Усыпленные сердца.

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру,
Нет приличного приема,
И народ не на юру.

Чем твою ты милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеь им, немцам этим,
Поздороваться с тобой.

Не напрасно дедов слово
Затвердил народный ум:
«Что для русского здорово,
То для немца карачун!»

Нам не страшен снег суровый,
С снегом — батюшка-мороз,
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.

Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масленицы бойкой
Закипит широкий пир,
И блинами и настойкой
Закутит крещеный мир.

В честь тебе и ей Россия,
Православных предков дочь,
Строит горы ледяные
И гуляет день и ночь.

Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.

Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Вожжи ловко сжал в руках;

В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом,
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словом.

Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит,
Дочка рядом в душегрейке
Словно маков цвет горит.

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
А мороз, лаская, щиплет
Нежный бархатец ланит.

И белее и румяней
Дева блещет красотой,

Как алеет на поляне
Снег под утренней зарей.

Мчатся вихрем, без помехи
По полям и по рекам,
Звонко щелкают орехи
На веселие зубкам.

Пряник, мой однофамилец,
Также тут не позабыт,
А наш пленник, наш кормилец
Сердце любо веселит.

Разгулялись город, села,
Загулялись стар и млад, —
Всем зима родная гостья,
Каждый масленице рад.

Нет конца веселым кликам,
Песням, удали, пирам.
Где тут немцам-горемыкам
Вторить вам, богатырям?

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход.
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.

Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкою пивной,
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное вино!

Как шепнет оно в догадку
Ретивому на ушко, —
Не поет, ей-ей, так сладко
Хоть бы вдовушка Кликко!

Выпьет чарку-чародейку
Забубенный наш земляк:
Жизнь копейка! — Смерть-злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец — дока для всего,
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но, по нашему покрою,
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец — воля ваша! — плох.

ВЕНЕЦИЯ

Город чудный, чресполосный —
Суша, море по клочкам, —
Безлошадный, бесколесный,
Город — рознь всем городам!
Пешеходу для прогулки
Сотни мостиков сочтешь;
Переулки, закоулки, —
В их мытарствах пропадешь.

Вместо улиц — коридоры,
Где народ валит гуськом,
Здания — мраморные горы,
Изваянные резцом.
Здесь — прозрачные дороги,
И в их почве голубой
Отражаются чертоги,
Строя город под водой.

Экипажи — точно гробы,
 Кучера — одни гребцы.
 Рядом — грязные трущобы
 И роскошные дворцы.
 Нищеты, великолепья
 Изумительная смесь;
 Злато, мрамор и отрепья:
 Падшей славы скорбь и спесь!

Здесь живое население
 Меди, мрамора, картин,
 И прошло их поколение
 Сквозь грозу и мрак годин.
 Живо здесь бессмертьем славы
 Племя светлых сограждан:
 Сансовино величавый,
 Тинторетто, Тициан,

Жиордано, Порденоне,
 Гвидо-Рени, Веронез, —
 Мир, зачавшийся в их лоне,
 При австрийцах не исчез.
 Торжествуя над веками
 И над злобною враждой,
 Он цветет еще пред нами
 Всемогущей красотой.

Здесь лишь статуи да бюсты
 Жизнь домашнюю ведут;
 Люди — их жилища пусты —
 Все на площади живут.
 Эта площадь — их казино,
 Вечный раут круглый год:
 Убрал залу Сансовино,
 Крыша ей — небесный свод.

Здесь с факином правнук дожа,
 Здесь красавиц рой блеснит,
 Взглядом нежа и тревожа
 Двор подвластных волокит.
 Вот аббат в мантилье черной,
 В нем минувший быт и век;

Словно вышел из уборной
Принчепессы — имярек.

В круглой шляпке, с водоноском
Черноглазая краса;
Из-под шляпки черным лоском
Блещет ручная коса.
Здесь разносчиков ватага,
Разной дряни торгаши,
И что шаг — то побродяга,
Промышляющий гроши.

Тенор здесь хрипит рулады,
Там скрипит скрипач слепой
Так, что все оглохнуть рады,
Только б дать ушам покой.
Кофе пьют, едят *сорбет*
И, свою балуя лень,
Юга счастливые дети
Так проводят праздный день.

Здесь, как в пестром маскараде,
Разноцветный караван;
Весь восток в своем наряде:
Грек — накинув долиман,
Турок — феску нахлобуча,
И средь лиц из разных стран
Голубей привольных куча,
А тем паче англичан.

Все они несут под мышкой
Целый пук карандашей,
Телескоп с дорожной книжкой,
Проверяя всё по ней.
Дай им волю — и в Сан-Марко
Впишут, не жалея стен,
Святотатственно и марко
Длинный ряд своих имен.

Если ж при ночном светиле
Окуется серебром
Базилика, Кампаниле

И дворец, почивший сном,
И крылатый лев заблещет,
И спросонья, при луне,
Он крылами затрепещет,
Мчась в воздушной вышине,

И весь этот край лагунный,
Весь волшебный этот мир
Облечется ночью лунной
В злато, жемчуг и сафир;
Пред картиной этой чудной
Цепенеют глаз и ум —
И, тревоги многолюдной
Позабыв поток и шум,

Ты душой уединишься!
Весь ты зренье и любовь,
Ты глядишь и заглядишься,
И глядеть всё хочешь вновь,
И, всем прочим не в обиду, —
Красоту столиц земных,
Златовласую Киприду,
Дочь потоков голубых,

Приласкаешь, приголубишь
Мыслью, чувством и мечтой,
И Венецию полюбишь
Без ума и всей душой.
Но одно здесь спорит резко
С красотой здешних мест:
Наложил лихой тедеско
На Венецию арест.

Здесь, где дожей память славит
Вековая молва,
Тут пятой Горшковский давит
Цепью скованного льва;
Он и скованный сатрапу
Страшен. Всё в испуге ждет:
Не подымет ли он лапу?
Гривой грозно ль не тряхнет?

РЯБИНА

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречей случайной;
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,
И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Все пережил я пред тобою,
Все перечувствовал я вновь —
И радость пополам с тоскою,
И сердца слезы, и любовь.

Одна в своем убранстве алом,
Средь обезлиственных дерев,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шеи черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною — Русь родная:
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок веселый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали:

«Ты рябинушка, ты кудрявая,
В зеленом саду пред избой цветы,
Ты кудрявая, моложавая,
Белоснежный пух — кудри-цвет твои.

Убери себя алой бусой,
Ярких ягодок загорись красой;
Заплету я их с темно-русою,
С темно-русою заплету косой.

И на улицу, на широкую
Выду радостно на закате дня,
Там мой суженый черноокою,
Черноокою сторожит меня».

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою;
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И средь спесивых винных лоз
Не впрок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или по здешнему — *шале*,

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя, —
Плохая ключница, не цедит
Они наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятия не имеет,
Как благодетельный твой сок

Крепит желудок, сердце греет,
Вдыхая сладостный хмелек.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своем,
Как роза средь безлюдной степи,
Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Так, я один в чужбине дальной
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой.

Ночью выпал снег. Здорово ль,
Мой любезнейший земляк?
Были б санки да рысак —
То-то нагуляться вдоволь!

Но в пастушеском Веке
Не дается сон затейный,
И тоскуешь по Литейной,
По застывшей льдом Неве.

БЕРЕЗА

Средь избранных деревьев — береза
Не поэтически глядит;
Но в ней — душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Милей всех песней сладкозвучных —
 От близких радостная весть,
 Хоть пара строк собственноручных,
 Где сердцу много что прочесть.

Почтовый фактор — на чужбине
 Нам всем приятель дорогой;
 В лесу он прósек, ключ — в пустыне,
 Нам проводник в стране чужой.

Из нас кто мог бы хладнокровно
 Завидеть русское клеймо?
 Нам здесь и ты, береза, словно
 От милой матери письмо.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ САД ЗИМОЮ

1

С улыбкой оледенелой
 Сошла небес суровых дочь,
 И над землей серебристо-белой
 Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротой чудной
 Сапфир, рубин и бирюза
 Сливались с тенью изумрудной,
 Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
 Везде сменил наряд цветной,
 Окован сад броней алмазной
 Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой,
 Куда внезапно смерть вошла,
 Задернуты завесой белой
 С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объята сном
И озеро с волной зеркальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной
В своем серебряном дворце.

2

Но и природы опочившей
Люблю я сон и тишину:
Есть прелесть в ней, и пережившей
Свою прекрасную весну.

Есть жизнь и в сей немой картине,
И живописен самый мрак:
Деревьям почерневшим иней
Дал чудный образ, чудный лак.

Обрызгал их холодным блеском
Своих граненых хрусталей,
Он вьется ярким арабеском
Вдоль обезлиственных ветвей.

Твой Бенвенуто, о Россия,
Наш доморощенный мороз
Вплетает звезды ледяные
В венки пушисто-снежных роз.

Кует он дивные изделия
Зиме, зазнобушке своей,
И наряжает в ожерелья
Он шею, мрамора белей.

3

Когда наступит вечер длинный,
Объятый таинством немым,

Иду один я в сад пустынный
Бродить с раздумием своим.

И много призрачных видений
И фантастических картин
Мелькают, вынырнув из тени
Иль соскочив с лесных вершин.

Они сшибаются друг с другом
И, налетев со всех сторон,
То нежат лаской, то испугом
Тревожат мысль чуткий сон.

А между тем во тьме безбрежной
Оцепенело всё кругом,
В волшебном царстве ночи снежной,
В саду, обросшем серебром.

Но в этой тишине глубокой,
Питающей дремоту дум,
Местами слышен одинокой
Переливающийся шум.

Под холодной снежной пеленою
Тень жизни внутренней слышна,
И, с камней падая, с волною
Перекликается волна.

Ни движенья нет, ни шуму
В этом царстве тишины;
Поэтическую думу
Здесь лелеют жизни сны.

Дни и ночь беззаботны,
И прозрачны ночь и день.
Всё — как призрак мимолетный,
Молча всё скользит, как тень.

Но в роскошной неге юга
Всюду чуешь скрытый гнев;
И сердито друг на друга
Дуются орел и лев.

Не дошло еще до драки:
Тишина перед грозой;
Но по небу ходят мраки
Над напуганной землей.

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь роишь тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Луга и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,
И день за днем всегда однообразный:
Я жить устал — я прозябать хочу.

Как свеж, как изумрудно мрачен
В тени густых своих садов,
И как блестящ, и как прозрачен
Водоточивый Петергоф.

Как дружно эти водометы
Шумят среди столетних древ,
Днем и в часы ночной дремоты
Не умолкает их напев.

Изгибистым, разнообразным
В причудливой игре своей,
Они кипят дождем алмазным
Под блеском солнечных лучей.

Лучи скользят по влаге зыбкой,
 Луч преломляется с лучом.
 И водомет под этой сшибкой
 Вдруг вспыхнет радужным огнем.

Как из хрустальных ульев пчелы,
 От сна подъятые весной,
 И здесь, блестящий и веселый,
 Жужжа, кружится брызгов рой.

Они отважно и красиво
 То, прянув, рвутся в небеса,
 То опускаются игриво,
 И прыщет с них кругом роса.

Когда ж сиянья лунной ночи
 Сады и воздух осребрят
 И неба золотые очи
 На землю ласково глядят,

Когда и воздух не струится,
 И море тихо улеглось,
 И всё загадочно таится,
 И в мраке видно всё насквозь, —

Какой поэзией восточной
 Проникнут, дышит и поет
 Сей край Альгамбры полуночной.
 Сей край волшебства и красот.

Ночь разливает сны и чары,
 И полон этих чудных снов
 Преданьями своими старый
 И вечно юный Петергоф.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА

Графине М.Б. Перовской

Ждет тройка у крыльца; порывом
 Коней умчит нас быстрый бег.

Смотрите — месячным отливом
Озолотился первый снег.

Кругом серебряные сосны;
Здесь северной Армиды сад:
Роскошно с ветви плодоносной
Висит алмазный виноград;

Вдоль по деревьям арабеском
Змеятся нити хрустала;
Серебряным, прозрачным блеском
Сияют воздух и земля.

И небо синее над нами —
Звездами утканый шатер,
И в поле искрится звездами
Зимой разостланный ковер.

Он, словно из лебяжьей ткани,
Пушист и светит белизной;
Скользя, как челн волшебный, сани
Несутся с плавной быстротой.

Всё так таинственно, так чудно;
Глядишь — не верится глазам.
Вчерашний мир спит беспробудно,
И новый мир открылся нам.

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещет в светозарной тьме;
Есть прелесть в сей красе суровой,
Есть прелесть в молодой зиме,

Есть обаянье, грусть и нега,
Поэзия и чувств обман;
Степь бесконечная и снега
Необозримый океан.

Вот леший — скоморох мохнатый,
Кикимор пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты,
Все из литого серебра.

Русалок рой среброкудрявый.
Проснувшись в сей полночный час,
С деревьев резво и лукаво
Стряхает иней свой на нас.

Тихие равнины
Ель, ветла, береза,
Северной картины
Облачная даль.

Серенькое море,
Серенькое небо,
Чуется в вас горе,
Но и прелесть есть.

Праздничным нарядом
Воздух, волны, горы,
Расцветая садом,
Облачает юг.

Вечным воскресеньем
Там глядит природа,
Вечным упоеньем
Нежится душа.

Будничные дети
Будничной природы,
Редко знаем эти
Праздничные дни.

День-деньской нам труден,
Жизнь не без лишений,
Темен кров наш, скуден
Наш родной очаг,

Но любовь и ласки
Матери, хоть бедной,

Детям — те же ласки,
Та же всё любовь.

В рубище убогом
Мать — любви сыновней
Пред людьми и богом
Та же друг и мать.

Чем она убоже,
Тем для сердца сына
Быть должна дороже,
Быть должна святей.

Грех за то злословить
Нашу мать-природу,
Что нам изготовить
Пиршеств не могла.

Здесь родных могилы;
Здесьними цветами
Прах их, сердцу милый,
Усыпаем мы.

Не с родного ль поля
Нежно мать цветами
Украшала, холя
Нашу колыбель?

Всё, что сердцу мило,
Чем оно страдало,
Чем живет и жило,
Здесь вся жизнь его.

Струны есть живые
В этой тихой песне,
Что поет Россия
В сумраке своем.

Те родные струны
Умиляют душу
И в наш возраст юный,
И в тени годов;

Им с любовью внемлю,
Им я вторю, глядя
На родную землю,
На родную мать.

Опять я слышу этот шум,
Который сладостно тревожил
Покой моих ленивых дум,
С которым я так много прожил
Бессонных, памятных ночей,
И слушал я, как плачет море,
Чтоб словно выплакать всё горе
Из глубины груди своей.

Не выразит язык земной
Твоих рыдающих созвучий,
Когда, о море, в тьме ночной
Раздастся голос твой могучий!
Кругом всё тихо! Ветр уснул
На возвышеньях Аюдага;
Ни человеческого шага,
Ни слов людских не слышен гул.

Дневной свой подвиг соверша,
Земля почилa после боя;
Но бурная твоя душа
Одна не ведает покоя.
Тревожась внутренней тоской,
Томясь неведомым недугом,
Как пораженное испугом,
Вдруг вздрогнув, ты подѣмлешь вой.

Таинствен мрак в ночной глуши,
Но посреди ее молчанья
Еще таинственный души
Твоей, о море, прорицанья!
Ты что-то хочешь рассказать
Про таинства природы вечной

И там волною скоротечной
Глубокий смысл их передать.

Мы внемлем чудный твой рассказ,
Но разуметь его не можем;
С тебя мы не спускаем глаз
И над твоим тревожным ложем
Стоим, вперя жадный слух, —
И чуем мы, благоговея,
Как мимо нас, незримо вея,
Несется бездны бурный дух!..

ОСЕНЬ 1874 ГОДА

(Гамбург. Октябрь)

Кокетничает осень с нами!
Красавица на западе своем
Последней ласкою, последними дарами
Приманивает нас нежнее с каждым днем.

И вот я, волокита старый,
Люблю ухаживать за ней
И жадно допивать, за каплей каплю, чары
Прельстительной волшебницы моей.

Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда,
И бархат, и парча, и золотая струя,
И яхонт, и янтарь, и гроздь винограда,
Которыми она обвешала себя.

И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
Еще душистее цветы ее венка,
И в светлом зареве прекрасного заката
Сил угасающих и неги и тоска.

ЦВЕТОК

Зачем не увядаем мы,
Когда час смерти наступает,

Как с приближением зимы
Цветок спокойно умирает?

К нему природы благ закон,
Ему природа — мать родная:
Еще благоухает он,
Еще красив и увядая.

Его иссохшие листки
Еще хранят свой запах нежный,
Он дар нам памятной руки
В день слез разлуки безнадежной.

Его мы свято бережем
В заветной книге дум сердечных,
Как весть, как песню о былом,
О днях, так грустно скоротечных.

Для нас он памятник живой,
Хотя он жизнью уж не дышит,
Не вспрыснут утренней росой
И в полночь соловья не слышит.

Как с другом, с ним мы говорим
О прошлом, нам родном и общем,
И молча вместе с ним грустим
О счастье, уж давно усопшем.

Цветку не тяжек смертный час:
Сегодня нас он блеском манит,
А завтра нам в последний раз
Он улыбнется и завянет.

А нас и корчит, и томит
Болезнь пред роковой могилой,
Нам диким пугалом грозит
Успенья гений белокрылый.

Мертвящий холод в грудь проник,
Жизнь одичала в мутном взоре,
Обезображен светлый лик,
Друзьям и ближним в страх и горе.

А там нас в тесный гроб кладут,
Опустят в мраки подземелья
И сытной пищи предадут
Червям на праздник новоселья.

В предсмертных муках и в борьбе,
Неумолимой, беспощадной,
Как позавидую тебе,
Цветок мой милый, ненаглядный!

Будь ласковой рукой храним,
Загробным будь моим преданьем,
И в память мне друзьям моим
Еще повея благоуханьем.

Уж падают желтые листья
Уж воздух остыл и свежей,
На землю спускается вечер
Все раньше, с днем каждым темней.

Прощайте, прекрасного лета
Цветущие яркие дни!
Как были они благодатны,
Как быстро промчались они!

Так с жизнью прощается старость,
И молча поникнув челом,
При вянущих мыслях и чувствах
Горюет о лете своем.

Прощайте вы, радости жизни,
Надежды, желанья, мечты,
Вы, бодрые, светлые думы,
Вы, нивы житейской цветы!

И старец с печальной улыбкой
Глядит на сходящую тень,
Приветствуя желтые листья
И близкий последний свой день.

А.С. ПУШКИН

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,

На скат тригорского холма,
 Поклонник дружеской свободы,
 Веселья, граций и ума.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений;
 О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
 Воспоминание, рисуй передо мной
 Волшебные места, где я живу душой,
 Леса, где я любил, где чувство развивалось,
 Где с первой юностью младенчество сливалось
 И где, взлелеянный природой и мечтой,
 Я знал поэзию, веселость и покой.
 Веди, ведя меня под липовые сени,
 Всегда любезные моей свободной лени,
 На берег озера, на тихий скат холмов!..
 Да вновь увижу я ковры густых лугов,
 И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
 И злачных берегов знакомую картину,
 И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
 Станицу гордую спокойных лебедей.

— — —

Другой пускай поет героев и войну,
 Я скромно возлюбил живую тишину,
 И, чуждый призраку блистательному славы,
 Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
 Отныне посвятил безвестный музы друг
 И песни мирные и сладостный досуг.

Погасло дневное светило;
 На море синее вечерний пал туман.
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Я вижу берег отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края;

С волненьем и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаньем упоенный...
 И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
 По грозной прихоти обманчивых морей,
 Но только не к берегам печальным
 Туманной родины моей,
 Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость,
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новых впечатлений,
 Я вас бежал, отечески края;
 Я вас бежал, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперстницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, изменницы молодые,
 Подруги тайные моей весны златая,
 И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
 Глубоких ран любви, ничто не излечило...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан...
 Редеем облаков летучая гряда.
 Звезда печальная, вечерняя звезда!
 Твой луч осеребрил увядшие равнины,
 И дремлющий залив, и черных скал вершины.
 Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
 Он думы разбудил, уснувшие во мне:
 Я помню твой восход, знакомое светило,
 Над мирною страной, где всё для сердца мило,

Где стройны тополы в долинах вознеслись,
 Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
 И сладостно шумят полуденные волны.
 Там некогда в горах, сердечной думы полный,
 Над морем я влачил задумчивую лень,
 Когда на хижины сходила ночи тень —
 И дева юная во мгле тебя искала
 И именем своим подругам называла.

Кто, волны, вас остановил,
 Кто оковал ваш бег могучий,
 Кто в пруд безмолвный и дремучий
 Поток мятежный обратил?
 Чей жезл волшебный поразил
 Во мне надежду, скорбь и радость
 И душу бурную и младость
 Дремотой лени усыпил?
 Взыграйте, ветры, взройте воды,
 Разружьте гибельный оплот.
 Где ты, гроза — символ свободы?
 Промчись поверх невольных вод.

Завидую тебе, питомец моря смелый,
 Под сенью парусов и в бурях поседелый!
 Спокойной пристани давно ли ты достиг —
 Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
 И вновь тебя зовут заманчивые волны.
 Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.
 Для неба дального, для отдаленных стран
 Оставим берега Европы обветшалой;
 Ищу стихий других, земли жилищ усталый;
 Приветствую тебя, свободный океан.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умислом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен.
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Ночной зефир
Струит эфир
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.

— — —
Отдайте мне метель и выюгу
И зимний долгий мрак ночей.

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет;
Там редко падают снега,

Безоблачно там солнце блещет
 На опаленные луга;
 Дубрав не видно — степь нагая
 Над морем стелется одна.

Еще дуют холодные ветры
 И наносят утренни морозы,
 Только что на проталинах весенних
 Показались ранние цветочки,
 Как из чудного царства воскового,
 Из душистой келейки медовой
 Вылетала первая пчелка,
 Полетела по ранним цветочкам
 О красной весне поразведать,
 Скоро ль будет гостья дорогая,
 Скоро ли луга позеленеют,
 Скоро ль у кудрявой у березы
 Распустятся клейкие листочки,
 Зацветет черемуха душиста.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
 Забытый в книге вижу я;
 И вот уже мечтою странной
 Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
 И долго ль цвел? и сорван кем,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Иль одинокого гулянья
 В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
 И нынче где их уголок?
 Или уже они увяли,
 Как сей неведомый цветок?

Как быстро в поле, вдруг открытом,
 Подкован вновь, мой конь бежит!
 Как звонко под его копытом
 Земля промерзлая звучит!
 Полезен русскому здоровью
 Наш укрепительный мороз:
 Ланиты, ярче внешних роз,
 Играют холодом и кровью.

— — —

Печальный лес и дол завялый,
 Проглянет день — и уж темно,
 И, будто путник запоздалый,
 Стучится буря к нам в окно...

ДОН

Блеща средь полей широких,
 Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
 От сынов твоих далеких
 Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
 Реки знают тихий Дон;
 От Аракса и Эвфрата
 Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
 Чуя родину свою,
 Пьют уже донские кони
 Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
 Для наездников лихих
 Сок кипучий, искрометный
 Виноградников твоих.

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
 Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нет? и можно ли постель
 Покинуть для седла, иль лучше до обеда
 Возиться с старыми журналами соседа?
 Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
 И рысью по полю при первом свете дня;
 Арапники в руках, собаки вслед за нами;
 Глядим на бледный снег прилежными глазами,
 Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
 Двух зайцев протравив, являемся домой.
 Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
 Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
 По капле, медленно глотаю скуки яд.
 Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сажу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной:
 Стих вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, с лирою я прекращаю спор,
 Иду в гостиную; там слышу разговор
 О близких выборах, о сахарном заводе;
 Хозяйка хмурится в подобие погоде,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червонного гадаёт короля.
 Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
 Но если под вечер в печальное селенье,
 Когда за шашками сажу я в уголке,

Приедет издали в кибитке иль возке
 Нежданная семья: старушка, две девицы
 (Две белокурые, две стройные сестрицы), —
 Как оживляется глухая сторона!
 Как жизнь, о боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потом слов несколько, потом и разговоры,
 А там и дружный смех, и песни вечерком,
 И вальсы резвые, и шепот за столом,
 И взоры томные, и ветреные речи,
 На узкой лестнице замедленные встречи;
 И дева в сумерки выходит на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
 Но бури севера не вредны русской розе.
 Как жарко поцелуй пылает на морозе!
 Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
 Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
 Пора, красавица, проснись!
 Открой сомкнуты негой взоры
 Навстречу северной Авроры,
 Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
 На мутном небе мгла носилась;
 Луна, как бледное пятно,
 Сквозь тучи мрачные желтела,
 И ты печальная сидела —
 А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
 Великолепными коврами,
 Блестя на солнце, снег лежит;
 Прозрачный лес один чернеет,
 И ель сквозь иней зеленеет,
 И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
 Озарена. Веселым треском
 Трещит затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велеть ли в санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И навестим поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
 Стою над снегами у края стремнины:
 Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
 Парит неподвижно со мной наравне.
 Отселе я вижу потоков рожденье
 И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
 Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
 Под ними утесов нагие громады;
 Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
 А там уже рощи, зеленые сени,
 Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
 И ползают овцы по значным стремнинам,
 И пастырь нисходит к веселым долинам,
 Где мчится Арагва в тенистых берегах,
 И нищий наездник таится в ущелье,
 Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
 Завидевший пищу из клетки железной;
 И бьется о берег в вражде бесполезной

И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец,
Где ныне пчится лишь Эол,
Небес жилец.

ОСЕНЬ

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезд поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен.
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губы,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,

И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривой, он всадника несет,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый дол и трескается лед.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?

.....

.....

В поле чистом серебритя
 Снег волнистый и рябой,
 Светит месяц, тройка мчитя
 По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
 На дороге, в тьме ночной
 Сладки мне родные звуки
 Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадко
 Буду слушать голос твой,
 Месяц ясный светит холодно,
 Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
 Что же не светло горишь?»

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тень,
 Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегла,
 И молния грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный гром
 И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освежилась, и буря промчалась,
 И ветер, лаская листочки древес,
 Тебя с успокоенных гонит небес.

...Вновь я посетил
 Тот уголок земли, где я провел
 Изгнанником два года незаметных.
 Уж десять лет ушло с тех пор — и много
 Переменилось в жизни для меня,
 И сам, покорный общему закону,
 Переменился я — но здесь опять
 Минувшее меня объемлет живо,
 И, кажется, вечер еще бродил
 Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
 Где жил я с бедной нянею моей.
 Уже старушки нет — уж за стеною
 Не слышу я шагов ее тяжелых,
 Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
 Я сживал недвижим — и глядел
 На озеро, вспоминая с грустью
 Иные берега, иные волны...
 Меж нив золотых и нажитей зеленых
 Оно синевя стелется широко;
 Через его неведомые воды
 Плывет рыбак и тянет за собою
 Убогий невод. По берегам отлогим
 Рассеяны деревни — там за ними
 Скривилась мельница, насилиу крылья
 Ворочая при ветре...

На границе
 Владений дедовских, на месте том,
 Где в гору подумается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
 Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я и пред собою
 Увидел их опять. Они всё тут же,
 Всё тот же их знакомый уху шорох —
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда всё было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зеленая семья, кусты теснятся
 Под сенью их как дети. А вдали
 Стоит один угрюмый их товарищ,
 Как старый холостяк, и вокруг него по-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! не я
 Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветливый шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Веселых и приятных мыслей полон,
 Пройдет он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомнит.

Когда за городом, задумчив, я брожу
 И на публичное кладбище захожу,
 Решетки, столбики, нарядные гробницы,
 Под коими гниют все мертвецы столицы,
 В болоте кое-как стесненные рядком,
 Как гости жадные за нищенским столом,
 Купцов, чиновников усопших мавзолей.
 Дешевого резца нелепые затеи,
 Над ними надписи и в прозе и в стихах
 О добродетелях, о службе и чинах;
 По старом рогаче вдовицы плач амурный;
 Ворами со столбов отвинченные урны,
 Могилы склизкие, которы также тут
 Завеючи жильцов к себе на утро ждут, —
 Такие смутные мне мысли всё наводит,
 Что злое на меня уныние находит.
 Хоть плюнуть да бежать...

Но как же люблю мне

Осеннюю порой, в вечерней тишине,
 В деревне посещать кладбище родовое,
 Где дремлют мертвые в торжественном покое.
 Там неукрашенным могилам есть простор;
 К ним ночью темною не лезет бледный вор;
 Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
 Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
 На место праздных урн и мелких пирамид,
 Безносых гениев, растрепанных харит
 Стоит широко дуб над важными гробами,
 Колебясь и шумя...

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чирик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

(ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

XL

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

XLI

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчиною голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трежит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждет уж рифмы *розы*;
 На, вот возьми ее скорей!)
 Опрятней модного паркета
 Блистает речка, льдом одета.
 Мальчишек радостный народ
 Коньками звучно режет лед;
 На красных лапках гусь тяжелый,
 Задумав плыть по лону вод,
 Ступает бережно на лед,
 Скользит и падает; веселый
 Мелькает, вьется первый снег,
 Звездами падая на брег.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

В тот год осенняя погода
 Стояла долго на дворе,
 Зимы ждала, ждала природа.
 Снег выпал только в январе
 На третье в ночь. Проснувшись рано,
 В окно увидела Татьяна
 Поутру побелевший двор,
 Куртины, кровли и забор,
 На стеклах легкие узоры,
 Деревья в зимнем серебре,
 Сорок веселых на дворе
 И мягко устланные горы
 Зимы блистательным ковром.
 Все ярко, все бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
 На дровнях обновляет путь;
 Его лошадка, снег почуя,
 Плетется рысью как-нибудь;
 Бразды пушистые взрывая,
 Летит кибитка удалая;
 Ямщик сидит на облучке
 В тулупе, в красном кушаке.

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блещит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?..

А.А. ДЕЛЬВИГ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночь на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милый.

Е.А. БАРАТЫНСКИЙ

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодой ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
 Перед тобой
 Мелькающих в одеждах разноцветных,
 Глядишь порой,
 Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
 С душой твоей
 Что в пору ту? скажи: живая радость,
 Тоска ли в ней?

Страдаю я? Из-за дубравы дальней
 Взойдет заря,
 Мир озарит, души моей печальной
 Не озаря.
 Будь новый день любимцу счастья в сладость!
 Душе моей
 Противен он! что прежде было в радость,
 То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
 Мне долгий взор?
 Обманчив он! знаком с его отравой
 Я с давних пор.
 Обманчив он! его живая сладость
 В душе моей
 Страшна теперь! что прежде было в радость,
 То в муку ей.

Люблю деревню я и лето:
 И говор вод, и тень дубров,
 И благовоние цветов;
 Какой душе не мило это?
 Быть так, прощаю комаров!
 Но признаюсь — пустыни житель,
 Покой пустынный в ней любя,
 Комар двуногий, гость-мучитель,
 Нет, не прощаю я тебя!

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
На взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очей.
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

На звук цевницы голосистой,
Толпой забав окружена,
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистый,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах трубят рога,
Опять зефиры налетели
На обновленные луга.

Над урной мшистою наяда
Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает иней с кудрей
И, разломав оковы хлада,
Заговорил ее ручей.

Восторги дух мой пробудили!
Звучат и блещут небеса;
Певцов пернатых голоса,
Пастушьи песни огласили
Долины, горы и леса.

Лишь ты, увядающая Климена,
Лишь ты, в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измена
Еще судьбе не прощена!

Унынье в грудь к тебе теснится,
Не видишь ты красоты лугов.
О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!

О мысль! тебе удел цветка:
 Он свежий манит мотылька,
 Прельщает пчелку золотую,
 К нему с любовью мошка льнет,
 И стрекоза его поет;
 Утратил прелесть молодую
 И чередой своей поблек —
 Где пчелка, мошка, мотылек?
 Забыт он роем их летучим,
 И никому в нем нужды нет;
 А тут зерном своим падучим
 Он зарождает новый цвет.

НА СМЕРТЬ ГЁТЕ

Предстала, и старец великий смежил
 Орлиные очи в покое;
 Почил безмятежно, зане¹ совершил
 В пределе земном всё земное!
 Над дивной могилой не плачь, не жалей,
 Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
 Под солнцем живых без привета;
 На всё отозвался он сердцем своим,
 Что просит у сердца ответа;
 Крылатою мыслью он мир облетел,
 В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
 Искусств вдохновенных создания,
 Преданья, заветы минувших веков,
 Цветущих времен упования.
 Мечтою по воле проникнуть он мог
 И в нищую хату, и в царский чертог.

¹Зане — потому что, так как. — Ред.

С природой одною он жизнью дышал;
 Ручья разумел лепетанье,
 И говор древесных листов понимал,
 И чувствовал трав прозябанье;
 Была ему звездная книга ясна,
 И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
 И ежели жизнью земною
 Творец ограничил летучий наш век
 И нас за могильной доскою,
 За миром явлений, не ждет ничего:
 Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
 Он, здешней вполне отдышавший
 И в звучных, глубоких отзывах сполна
 Всё дольное долу отдавший,
 К предвечному легкой душой возлетит,
 И в небе земное его не смутит.

Где сладкий шепот
 Моих лесов?
 Поток ропот,
 Цветы лугов?
 Деревья голы;
 Ковер зимы
 Покрыв холмы,
 Луга и доли.
 Под ледяной
 Своей корой
 Ручей немеет;
 Всё цеменеет,
 Лишь ветер злой,
 Бушуя, воеет
 И небо кроет
 Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновение
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет;
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, по моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нуды! счастлив, кто на нем
Забвенью мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел луг своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира.

Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает Он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

Н.М. ЯЗЫКОВ

ЗИМА ПРИШЛА

Как рада де́вица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какой радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг жива и весела
Бежит к своей подруге бальной
И говорит ей триумфально:
«Зима пришла! зима пришла!»

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелье поляны
Зима роскошно серебрит;
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило:
И льется дождь, и ветер шумит,
Но выпал снег, прощай, терпенье!
Его охота ожила,
И говорит он в восхищенье:
«Зима пришла! зима пришла!»

Казны служитель не безвинный
Как рая зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала,
И он кричит, восторгом пьяный:
«Зима пришла! зима пришла!»

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка?
Он взглянет на землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела —
В поэте радость оживает
И, вдохновенный, восклицает:
«Зима пришла! зима пришла!»

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные берега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обрелись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветах радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блески золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося берега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искриться ночное
В его кристале голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубравах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемя сети из воды,
Рыбак живет веселым словом
Своих товарищей труды;
Или, путем дутообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленье пропадет.

ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалось, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина

Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны роции и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампы не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Через груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснее золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрее, быстрее,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над берегом и холмами,

Две башни и стена с высокими зубцами —
 Остатки подвигов могучей старины —
 Как снег белеются, луной озарены;
 Далеко, голых скал чрез каменные ступени
 Сошли на свежий луг пробитые их тени,
 И тёмны, как молва давно минувших дней,
 Лежат пред новыми жилищами людей.
 Вон ряд обломков! Там на вышины крутые
 Отчаянно толпы избежали боевые,
 И гибли!.. Радостный приют моё мечты,
 Чернокудрявая красавица, где ты?
 Приди; на этот холм, ветвями осененный,
 Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
 Поведаю тебе сказанья старины
 Про гордых витязей свободы и войны;
 И сладостны, как шум таинственный дубравы,
 Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
 Польются... Ясная улыбка оживит
 Твои уста и жар на пурпуре ланит,
 Светло заискрятся божественные очи;
 Приди!.. Но я один; спокойно царство ночи;
 Высоко шар луны серебряной встает;
 Безмолвен гордый лес; чуть льются зыби вод.

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
 День и ночь шумит оно;
 В роковом его просторе
 Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
 Парус мой направил я;
 Полетит на скользки волны
 Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
 Крепнет ветер, зыбь черней, —
 Будет буря: мы поспорим
 И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена, —
То стеклянная стена
О скальи раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от берега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал

Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена, —
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной:
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши!
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум,
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи, —
Покинем шум сует, товарищи мои!
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!

Туда, где небеса просторней голубые
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды,
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

УТРО

Пурпурóво-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и холмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!
Чу! скрипят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбацкого весла.
Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомила она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпурово-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол — и царство тишины,
Однообразие в глуши уединенья;

Градские суеты, градские наслажденья
 Здесь редко видятся и слышатся: порой
 Пройдет с курантами потешник площадной,
 Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
 Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
 И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
 Ведя полдюжины голодных обезьян,
 Тоска несносная! Но есть одна отрада:
 Между густых ветвей общественного сада
 Мелькает легкая, летучая, как тень,
 Красавица. — Светла и весела, как день,
 Она живительно бодрит и поднимает
 Мой падающий дух, она воспламеняет
 Во мне желание писать стихи ей в честь.
 Стихи любовные. Еще отрада есть:
 Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
 И, чу! поет она; серебряные трели,
 Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
 Манят, зовут меня волшебю в мир иной,
 В мои былые дни, — и нега в грудь мне льется,
 И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
 Над морем и скрыли блистательный день.
 И в синюю бездну спустилась глубоко
 И в ней улеглася тяжелая тень;
 Но бездна морская уже негодует,
 Ей хочется света, и ропщет она,
 И скоро, могучая, встанет, грозна,
 Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
 Полки она строит из водных громад,
 И вал-великан, головою качая,
 Становится в ряд, и ряды говорят;
 И вот, свои смуглые лица нахмуря
 И белые гребни колебля, они

Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокошет и ревет,
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

МОРСКОЕ КУПАНИЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижная громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила,
И выше сама поднялась, и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне вострепелась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно — резва, удала.

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
 Прибрежные сады лимонов и олив
 Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный, —
 И скоро божий день, веселый и прекрасный,
 С огнистым пурпуром и золотом уйдет
 Из чистого стекла необозримых вод.

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
 Что выше окружных, подоблачных гор,
 Душе там отрадно и вольно, а взору
 Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижимое море громадных
 Гранитных, ледяных и снежных вершин,
 Отважные беги стремнин водопадных,
 Расселины гор; логовища лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
 И светлые холмы, поляны, леса,
 И грады, и села внизу под тобою;
 А выше тебя — лишь одни небеса!

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
 Лежу, — ни облачка в небесной синеве!
 Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
 Прохладной сладостной и негой животворной
 Струится в грудь мою, — и полон я весной!
 И вот певец ее летает надо мной,
 И звуки надо мной веселые летают!
 И чувство дивное те звуки напевают
 Мне на душу; даюсь невольно забвению
 Волшебному, глаза невольно закрываю:

Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами.
Но и ее уж нет! О! я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

И.И. КОЗЛОВ

РОМАНС

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и млела душой.

Той рощи зеленой мне век не забыть!
Места наслажденья, как вас не любить!
Но с летом уж скоро и радость пройдет,
И душу невольно раздумье берет:
«Ах! в роще зеленой, у быстрых ключей,
Все так ли, как прежде, поет соловей?
И алые розы осенней порой
Цветут ли все так же над светлой струей?»

Нет, розы увяли, мутнее струя,
И в роще не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, там розы цвели,
Их часто срывали, венками плели;
Блеск нежных листочков хотя помрачен,
В росе ароматной их дух сохранен,
И воздух свежится душистой росой;
Весна миновала — а веет весной.

Так памятью можно в минувшем нам жить
И чувств упоенья в душе сохранить;
Там веет отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьмет:
Пусть младость увянет, но сердце цветет.
И сладко мне помнить, как пел соловей,
И розы, и рощу у быстрых ключей!

К АЛЬПАМ

Оплот неприступный гранитных хребтов.
В державном величьи с рожденья веков,
Неровные груды разбросанных гор,
Так дерзко под небом дивящие взор,
Приюты морозов и снежных громад,
Где буря грохочет, ревет водопад;
Крутые стремнины, где римский орел
Дивился, как Смелый по безднам прошел,
Вершины ужасной священной красы,
Примите меня вы за лоно грозы,
Высоко, далеко, в том мраке густом,
Где в тайной беседе душа с божеством!

ДУБ

Краса родной горы, с тенистыми ветвями,
И крепок и высок являлся юный дуб;
Зеленые кусты с душистыми цветами
Кругом его растут.

Игривый ручеек отрадной свежей влагой,
Струясь близ него, приветливо шумел,
И мощный сын дубрав с какою-то отвагой
Через поле вдаль смотрел.

И, младостью цветя, грозы он не боялся —
От гроз живей весна, меж туч ясней лазурь —
Сверканьем молнии и громом любовался,
Дышал под свистом бурь.

Любили юноши и сельские девицы
Под тень его ходить; и сладко там певал
Полночный соловей, и алый блеск денницы
Их в неге заставлял.

И, видя вокруг себя во всем красу природы,
Он думал, что ему она не изменит,

И дерзостно мечтал, что ветер непогоды
К нему не долетит.

Но вдруг небесный свод оделся черной тучей,
И ливнем хлынул дождь, и буйный ураган,
Клубясь, налетел, взвивая прах летучий,
И дол покрыл туман.

Зеленые кусты с душистыми цветами
Он с корнем вырывал, и светлый ручеек
Закидан был землей, камнями и пнями, —
Исчез отрадный ток.

Гром грянул, молния дуб крепкий опалила;
Дуб треснул, но грозой он не был сокрушен:
Еще осталась в нем стесненной жизни сила,
Хоть вянуть обречен.

Отрадной влаги нет, и нет земли родимой,
Где буйно вырос он, красуясь меж долин;
На голой уж горе теперь, судьбой гонимый,
Остался он один.

Увы, надежды нет, и стрелы роковые
Бедой отравлены, всё рушат и мертвят;
Одни лишь небеса, как прежде голубые,
Над гибнущим блещут.

И начал сохнуть дуб; но, к долу не склоненный,
Он, ветви вознося, казал их облакам,
Как будто бы своей вершиной опаленной
Стремился к небесам.

ПЕСНЯ

Солнце красное, о прекрасное,
Что ты тратишь блеск в глубине лесов?
Месяц, дум святых полунощный друг,
Что играешь ты над пучиною?
Ах! уж нет того, чем душа цвела,
Миновало всё — всё тоска взяла!

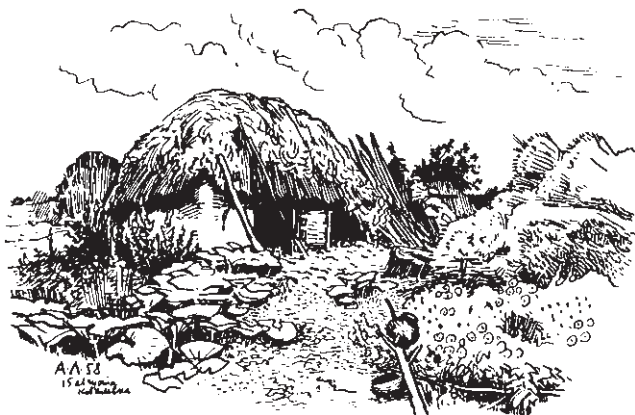
Ветры буйные — морю синему,
 Росы свежие — полевым цветам,
 Горе тайное — сердцу бедному!

Песни слышу я удалых жнецов,
 Невеселые, всё унывные;
 Пляски вижу я молодых красот, —
 Со слезой в очах улыбаются.
 И у всех у нас что-то дух крушит
 И тоска свинцом на сердцах лежит.

Ветры буйные — морю синему,
 Росы свежие — полевым цветам,
 Горе тайное — сердцу бедному!

Загорелась вдруг в небе звездочка, —
 Тихо веет нам весть родимая.
 Вот в той звездочке — радость светлая:
 Неизвестное там узнаётся;
 Но святой красы в небесах полна,
 Между волн во тме здесь дрожит она.

Ветры буйные — морю синему,
 Росы свежие — полевым цветам,
 Горе тайное — сердцу бедному!

А.А. КРЫЛОВ

ВЕСНА

Как узник в радости, покинув мрак темницы,
Встречает солнца луч златой,
Так я, освобождаясь из скучных стен столицы,
Любуюсь юною весной!

Она живет мой глас и с лиры молчаливой
Свежает тихо сладкий сон, —
И звук в немых струнах, как ветерок игривый,
Весны дыханьем пробужден!

Светлей горит заря на облаке румянном
Перед весенним, ясным днем,
И диких скал верхи, обвитые туманом,
Сияют радужным огнем!

С лазоревых небес густые скрылись тучи;
Стада бегут с весельем в луг;
А там уже волы чрез пни и терн колючий
Влекут по ниве ржавый плуг.

Ручей журчит — и лед, в волнах его сверкая,
Вдали скрывается от глаз;
И в зеркале воды пастушка молодая
Свой образ видит в первый раз.

Но роза нежная расцвести еще не смеет
Среди обтаявших снегов,
И утренний мороз на мураве белеет,
И в роще слышен шум ветров.

Природа, мнится мне, обнявшись с весною,
Бойтся, что опять взойдет
Зима на льдистый трон и хладною рукою
Венок с чела ее сорвет.

Так дева робкая томится ожиданьем:
Глаза красавицы в слезах,

Но вот уже видна с отрадным упованием
Улыбка на ее устах!

Всё скоро оживет: глас горлицы унылой
Настроит вновь любви тоска,
И юноша пойдет искать подруге милой
В долине первого цветка.

Древа покроют холм гостеприимной тенью,
Где я от зноя отдохну, —
Но там найду ль приют мечтам и наслажденью
И возвращу ль свою весну?..

О юность дней моих! Постой из состраданья!
С тобой я радостью дышал
И, житель счастливый в стране очарованья,
С весною вместе воскресал!

Теперь, от милых мне мечтаний пробужденный,
Жалею, что проснулся я,
И с гимном радостным природы оживленной
Вновь не сольется песнь моя!

В.И. ТУМАНСКИЙ**МАЙ**

Повеял май! шумят и блещут воды,
На солнце лист трепещет и блестит,
Цветут луга, пестреют огороды,
Но светлый май меня не веселит.

Пусть тот весны очарованье славит,
Чью душу кроткую, как тихий мир полей,
До поздних лет младенчески забавит
И первый лист, и первый соловей.

Но я, томясь в душе мятежной
Однообразием и жизни, и забав,
Безумный, я б желал, чтоб снова вихорь снежный
Затмил красу потоков и дубрав.

Не говорите мне: всему чреда на свете,
Иные думы на уме:
Я в дни снегов грущу о теплом лете,
В весенний день тоскую по зиме.

Так пылкий юноша, изведав страсти муку
И сердцем полюбить испытывая вновь,
В своей любви находит грусть и скуку,
А разлюбив, опять зовет любовь.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Пора покинуть терем древний,
Пора мне воспевать луга,
Свободу, светлые деревни
И Черной речки берега.

Прости, обманчивая радость
Высоких мраморных палат:
Сих мест уединенных сладость
Душе пленительней стократ.

Здесь неизменные забавы!
Здесь мило слушать, как порой
Словоохотные дубравы
С болтливой шепчутся волной.

Здесь мило, предаваясь лени,
Следить по влаге у берегов
Берез трепещущие сени
И цепи легких облаков.

Но вот со свода голубого
Скатилось солнце; день погас;
Утихло всё, и без покрова
Нисходит вечер в поздний час.

Умолкли сельские певички;
Ко мне летят издалика
Лишь стоны перелетной птицы
Иль гул призывный рыбака.

О речка! много оживила
Ты милых снов в водах твоих,
Когда без весел и ветрила
Я тихо плыл по воле их.

В душе возобновлялись думы,
В устах теснились мольбы;
Разоблачался вид угрюмый
Давно разгневанной Судьбы.

Я вспоминал мои обеты,
Надежды, слезы и любовь,
И милой давние приветы,
Как прежде, волновали кровь.

Она повсюду мне являлась...
Быть может, здесь, в полдневный зной,
Она небрежно наклонялась
И воду черпала рукой.

Быть может, образ незабвенной
Напечатлелся на водах —

И мне сиял он неизменно
В моих изменчивых мечтах.

Катись, катись волною сонной,
О речка тихая моя,
И добродушно, благосклонно
Ласкай любви моей края.

С дубравным шумом непрерывно
Сливай свой говорливый ток,
Как с песнью девы заунывной
Вдали сливается рожок.

Когда ж ты грусть ее пробудишь,
Не скрой мне ласковых речей —
И, речка Черная, ты будешь
Светлее зеркальных морей.

МЫСЛЬ О ЮГЕ

Я взлелеял югом, югом,
Ясным небом избалован;
К югу, югу верной думой,
Словно цепью, я прикован.

Посмотри: там волны моря
Бьются, плещут, голубые,
Все осыпанные блеском,
Как надежды молодые!

Посмотри: там пирамида —
Тополь в виноградных лозах;
Вкруг фонтана вьются розы,
И балкон алеет в розах!

Посмотри: там черны очи,
Черны очи с долгим взором,
С огнедышащей любовью,
С огнедышащим укором!

Там гармония, сиянье,
Благовонье, наслажденье;

Север гордый! север гордый!
 Что ж ты даешь мне в утешенье?

МЫСЛЬ О СЕВЕРЕ

— Морозная ночь! полнолунная ночь!
 Блеск неба и снега вокруг! —
 «Певец! Простодушных друзей не морочь,
 А юг твой, а песни про юг?»
 — Мой демон, молчи! вещей струн не порочь:
 Мысль сердца, как птица, вольна.
 Морозная ночь! полнолунная ночь!
 Как весело: снег и луна!

Любуйся: уж дым не ложится на дол,
 Над кровлей не вьется венцом,
 Он бел и легок; как пророка глагол,
 Он к небу восходит столбом.
 Любуйся: вдоль улиц в решетчатый свод
 Не льется ручей дождевой;
 Там, словно серебро до боярских ворот,
 Разостлан ковер снеговой.

На воздух, на воздух! Из хат, из палат
 Детей своих кличет мороз.
 Вот он, наш кормилец! Как щеки горят —
 Весенних румянее роз!
 Какая отвага и удаль в очах!
 Льдяная нагайка в руке,
 И прынул он в сани, и мчится в санях
 На бурном гнедом рысаке.

О родина! в снежных сугробах играй
 Назло полуночной судьбе.
 Без роскоши солнца, без неги твой край,
 Народ твой с природой в борьбе;
 Но крепость и волю дарует борьба,
 Но дух возвышает она.
 Морозная ночь! полнолунная ночь!
 Ты сил богатырских полна!

Ф.И. ТУМАНСКИЙ

РОДИНА

Есть на земле безвестный уголок,
Уединенный, неприметный:
Знакомый луг, знакомый лес, поток,
И в них дух добрый и приветный.
Он издавна живет в том уголке,
Летает птичкой по дубравам,
Шумит в бору, купается в реке
И улыбается забавам.
Сберется ль в луг красавиц хоровод —
Он между ними невидимкой,
И под вечер он в сумраке поет
Любовь с пастушеской волынкой.
Я не видал его в стране родной,
Но с ним почувствовал разлуку,
Когда, в очах с прощальной слезой,
Я посох странника взял в руку.
Он вокруг меня в унынии шептал:
«Куда? не я ль тебя взлелеял?»
Он за рубеж отчизны провожал
И грустью на меня повеял.
Казалось мне, покинут детства друг,
Который вместе рос со мною.
Недаром же с тобой разлуку, добрый дух,
Зовут по Родине тоскою!

П.А. ПЛЕТНЕВ

РОДИНА

Есть любимый сердца край:
Память с ним не разлучится:
Бездны моря преплывай —
Он везде невольно снится.

Помнишь хижин скромных ряд,
С холма к берегу идущий,
Где стоит знакомый сад
И журчит ручей бегущий.

Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива
И цветет среди полей
Зеленеющая нива.

На лугах, в тени кустов,
Стадо вольное играет;
Мнится, ветер с тех лугов
Запах милый напевает.

Лиц приветливых черты,
Слуху сладостные речи
Узнаешь в забвеньи ты
Без привета и без встречи.

Возвращаешь давних дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь с ней
Обольстительницу-младость.

Долго ль мне в мечте одной
Зреть тебя, страна родная,
И бесплодной жить тоской,
К небу руки простирая?

Хоть бы раз глаза возвесть
Дал мне рок на кров домашний

И с родными рядом сесть
За некупленные брашны!

НОЧЬ

Задумчивая ночь, сменив мятежный день,
На всё набросила таинственную тень.
Как опустелая, забвенная громада,
Весь город предо мной. С высот над ним лампада,
Без блеска, без лучей, унылая висит
И только для небес недремлющих горит.
Их беспредельные, лазурные равнины
Во тме освещены. Люблю твои картины,
Мерцанье звезд твоих, поэзии страна,
Когда в полночный час меж них стоит луна!
С какою жаждою, насытив ими очи,
Впиваю в душу я покой священной ночи!
Весь мир души моей, создание мечты,
Исполнен в этот миг небесной красоты:
Туда в забвении несусь, покинув землю,
И здесь я не живу, не вижу и не внемлю.

МОРЕ

Воспоминание, один друг верный мне,
Разнообразит дни в печальной стороне.
Бесцветной пеленой покрылись неба своды
И мертвы красоты окованной природы,
А взор мой в этот миг, пленяясь и горя,
Объемлет с жадностью привольные моря,
А слух мой ловит гул и плеск волны мятежной —
Музыку вечную обители прибрежной.

В.Н. ГРИГОРЬЕВ

БЕРЕГА ВОЛХОВА

(Посвящено Алексею Романовичу Томилову)

День упал в глубь лесов;
 В долине вечер воцарялся,
 И меж высоких берегов
 Спокойно Волхов разливался.
 Над ним нависнувши стеной,
 Твердыни праздные¹ дремали,
 Вблизи синел курган крутой,
 И тени на водах лежали.

Воспоминанья прошлых дней
 На сих местах в моей душе теснились:
 Так — здесь толпы богатырей
 С прищельцами за кров родимых бились;
 Правдивым мщеньем кипела русских грудь,
 Свободу жизни ограждая, —
 И часто Волхова багровел светлый путь,
 Враждебных трупы увлекая.
 Быть может, богатырь на камне сем острил
 Свой меч, притупленный щитами;
 Иль, обессиленный, склонясь над ним, просил
 Он у небес победы над врагами.
 Теперь всё смолкло здесь! Лишь в бурю вран кричит,

Гнездяся в башне позабытой;
 На ржавых верях дверь дряхлая скрипит,
 И свищет ветер в стене разбитой.
 Иль время иногда рушительной рукой
 С вершины камни обрывает, —
 И Волхов с шумом поглощает
 Потомков древности святой.

¹Рюрикова крепость.

Так старец, ослабев от бед,
 Теряет ветхие седины,
 И алчной вечности пучины
 Уносят их минутный след!..

О Волхов! берегов твоих
 Не оглашает днесь ни голос грозной битвы,
 Ни тяжкий стон последняя молитвы,
 Ни вопли дев с полей родных.
 К тебе певец идет с довольною душой:
 Он любит с башни зреть, задумчивости полный,
 Как ты волнуешься серебристою струей,
 Колебя рыбаей разбросанные челны;
 И перед ним цветущее село
 Склоняется над тихими водами,
 Любуясь в их светлое стекло;
 Здесь берег обнялся зелеными лугами,
 Там он стеной песчаную обвис,
 И ели древние над ним шатром сплелись!

Мне не забыть тех томных впечатлений,
 Питавших мыслью мою при Волховских струях.
 Картинные берега, я помню вас в мечтах,
 Как помнят призраки веселых сновидений!..

ЗАМЕРЗШИЙ ВИНОГРАД

Что сохнешь ты и листья опустил,
 Мой виноград, униженный кистями?
 Знать, и тебя на гибель застудил
 Холодный ветер, промчавшийся полями.

Друзья твои глядят с немой тоской
 На твой приют: уж стены запустели,
 Где ты вился зеленою лозой,
 Где в пурпуре твои плоды созрели.

Жизнь пылкая угаснула в стеблях,
 Свернулся лист, безвременно иссохший;

Взойдет заря — и пропадет твой прах,
Как след людской среди пустынь загложших,

Ах, как и ты, умрет молодой певец!
В цепях тоски его душа хладеет,
И недалеко безрадостный конец:
Как в зной роса, в нем жизнь уже скудеет.

К НОЧИ

Приди скорей, подруга снов!
Напой меня тоски забвеньем
И обмани мою любовь
Веселым, долгим сновиденьем!
Когда же звуки милых слов
Проникнут душу умилением, —
Не вдруг снимай с меня покров,
Помедли тяжким пробуждением...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В СТЕПИ

Холодный вихрь крутит снегами;
И степь, как жертва непогод,
Своими тощими боками
Поддерживает неба свод,
Блестящий яркими звездами.
Мороз невидимо трещит,
И полумесяц раскаленный
На пламенном столбе стоит,
Светя над миром утомленным,
И степь бескровна, мнится мне.
Как тяжело в пустынной доле!
Туда, мечты, ко звездной вышине!
Покиньте жизни нашей поле!
На нем, как степью, вихорь бед
Следы веселья завоевает;

И, как назло, надежды свет
 Путь бесприютный озаряет;
 Как звезды, радости блещут
 Над странником — он к ним стремится,
 А на душу земного хлад
 Тяжелой цепью ложится!

ГРОЗА

Был знойный тяжкий день. Как лавой, обдавало
 Палящей воздуха струей,
 И солнце с вышины докучливо сияло
 Над истомленною землей.
 Пустыней путник шел. Он влады жертва горя;
 Окрест его ни тени, ни ручья,
 Лишь, как назло, вдали чернеет лес и моря
 Синеются зыбучие края.
 Томимый жаждою, он страждет, молит бога
 Смочить гортань его хоть каплею воды;
 «Но внемлет ли богач мольбе убогой?»
 На небе вечный мир, а на земле беды!» —
 Так путник возроптал в безумии своем...

Нежданный грядет вразумления час!
 Как девицы грудь перед близким свиданьем
 Колеблется трепетным, скрытным дыханьем,
 Хлябь моря блестящей волной поднялась.
 Из мрачные бездны встает великан:
 Он солнце затмил — и главой с небесами,
 Пятой упираясь в седой Океан,
 Из мощных длани метать стал громами.
 В глубь леса вонзились молний лучи, —
 И дуб преклонился челом горделивым!
 Казалось, ангелов гневных мечи
 Смиряли сынов мирозданья кичливых.
 Звучала земля, как хвалебный кимвал,
 Как будто обитель любви, а не злобы;
 Казалось, глаголу небес отвечал
 Раскаянья стон из земных утробы.

И путник, с смятенной, покорной душой
Склонившись ко праху, лежал как убитый;
Лишь грудь подымалась теплой мольбой,
Лишь чистою слезою блестели ланиты.
Свершив покаянье, он к небу воззрел,
Но там уж светлело! глагол вразумленья
Молчал, — и по тучам свинцовым аел
Трехцветной дугою завет примиренья!
Как манной, земля напилалась дождем,
По воздуху веяло свежей прохладой, —
И путник шел снова далеким путем,
Как бы обновленный небесной отрадой.

П.Г. ОБОДОВСКИЙ

УТРО¹

Мглистое небо слилось с Океаном,
Скалы подернуты синим туманом,
Месяц мелькает в густых облаках
Тихо и плавно, как лебедь в волнах.

Дремлют поляны, волнуются ивы,
Древняя роща во мраке шумит.
Ветр-пробудитель крылом прихотливым
Лип ароматных верхи шевелит.

Вот прояснились зарею поляны, —
Жизнь разлилась по росистым цветам.
Сплыли со скал голубые туманы,
Розовый свет пробежал по скалам.

Вот на румянном краю небосклона,
Слитого с гладкой поверхностью вод,
Выплыло солнце из влажного лона.
Тих, животворен светила восход.

О благодетельный зодчий вселенной!
Виден ты нам из величья чудес.
Ты разостлал над землей пробужденной
Рдяное утро, как пышный навес.

Боже! ты солнца незапным сияньем
Наших очей не хотел ослепить, —
Сон пробуждая денницы мерцаньем,
Слабые вежды помог растворить.

Солнцу подобно из тьмы Вифлеема
Жизни светило взнеслось над землей
Нас провести к вертограду эдема,
Дух окропляя небесной росой.

¹С берега Финского залива.

Алой деннице на праге Востока
Дивных пророков подобен восход.
Все, разгоняя туманы порока,
К сретенью бога будили народ.

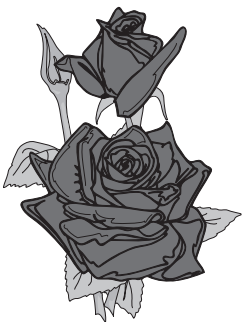
Солнцу подобно горит над вселенной
Веры светильник, владыкой возжженный,
Свет разливая на наши сердца,
Путь озаряет к селеньям отца.

М.Н. ЗАГОРСКИЙ

Он сходит в сад. Прелестный край
Его восторгом наполняет:
Он в восхищении считает
Себя перенесенным в рай.
Там лето пламенное купно
С прелестной царствует весной,
И, мнится, для зимы седой
То место вовсе неприступно.
Там рощи кедров, пальм, дубов,
Лимонных, миртовых дерев.
И золотых акаций сени
На мягкий луг кидают тени.
С веселым шумом вдоль лугов
Потоки резвые сверкают —
То скаты бархатных холмов
Струей ленивой обмывают,
То вдруг уходят в тень дубов,
То вновь из мрака выбегают
И льются в чистый водоем,
Где рыбы редкие стадаются
И чешую серебрятся.
Шумя серебряным столпом,
Встают в картинах водометы,
Пред солнцем выгнувшись серпом,
Прекрасной радугою блещут
И, рассыпая дождем,
Алмазы, перлы долу мещут
И рдеют пурпурным огнем.
На долах, на холмах, под тенью
Беседки светлые стоят
И к мирному отдохновенью
Своею пышностью манят;
Отражена во влаге ясной,
Дерновых островов гряда
Сияет зеленью прекрасной
На гладком серебре пруда,

Как ряд камней изумрудных;
Хор птиц неведомых и чудных,
То в синеве небес кружась,
То в темной зелени таясь,
Пространство пенем оглашают,
И с ними страстный соловей,
Певец любви и красных дней,
Свою мелодию сливает;
Душистый вешний ветерок,
Как дух бесплотный, повеваает:
То тронет спящий ручеек
И зарябит хрустальный ток
То шепчет в зелени дубравы
Или, слетевши на лужок,
Лобзает розы величавы
Или смиренный василек.
Но более всего дивило,
Что сад был так расположен,
Что вовсе неприметно было —
Искусство ли его садило
Или природой создан он.

П.П. ШКЛЯРЕВСКИЙ

ФИАЛКА

Где гибкий орешник сплетается с ивой,
Фиалка под сенью ветвей
Цветет, помрачая красою стыдливой
Цветы и садов и полей.

Как нежно листочков лазурных блистанье
Под каплей жемчужной росы;
Но видел я очи: нежней их сиянье
Сквозь чистую перлу слезы!

Едва загорелось дневное светило —
И высохла в листьях роса, —
Не долей блестела в очах моей милой
Разлуки печальной слеза.

А.Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

АКЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вплывя в пространный круг сухого океана,
Повозкой, как ладьей, я зыблюсь меж цветов
В волнах шумящих нив, в безбрежности лугов,
Минуя острова багряные бурьяна.

Уж смерклось, впереди ни тропки, ни кургана;
Ищу на небе звезд, вожатаев пловцов:
Там блещет облако — то Днестр меж берегов,
Там вспыхнула заря — то фарос Акермана.

Как тихо! подождем! мне слышится вдали,
Чуть зримы соколу как выются журавли,
Как легкий мотылек на травке колыхнется,
Как скользкой грудью змей касается земли:
Пределов чужд, в Литву мой жадный слух несется...
Но едем далее, никто не отзовется.

М.Д. ДЕЛАРЮ

РОЗА

Мой друг! погляди,
Как роза молодая
Грустит, увядая
На нежной груди...
«Таинственной силой,
Цветок! оживи
И снова живи
Для радости милой,
Для сладкой любви!»
Но роза не внемлет...
На звуки мои
Главы не подымлет
И с нею дремлет
На лоне любви.
«О юноша! — мнится,
Сквозь легкого сна
Мне веет она. —
Пусть рок мой свершится!
Но я не грущу:
Я дуюю страстной
У лона прекрасной
Могила ищу!»

НОЧЬ

Склонясь в пучину спящих вод,
Потухнул ясный день,
И на сапфирный неба свод
Легла ночная тень.

Возжженны в лоне темноты,
 Как очи божества,
 Взирают звезды с высоты
 На бездну естества.
 И мир и тишина вокруг,
 Как будто в мгле ночной
 Провеял тихий ангел вдруг
 Невидимой стезей.

И вот за ним сквозь облаков
 На землю с вышины
 Виется сонм ночных духов
 В мерцании луны.

Вот ниспустились — и летят
 Вдоль нивы золотой
 И злаки томные поят
 Живительной росой.

И я гляжу — и сладко мне,
 Питаюсь думой той,
 Что там, в надзвездной стороне
 Есть Промысл над землей;

Что в свете дня, во мгле ночей
 Хранимы им вовек
 И дольний прах, и злак полей,
 И червь, и человек!

ВОКЛЮЗСКИЙ ИСТОЧНИК

Сонет

(Е.А.К — ф)

На берегу, Воклюзою кропимом,
 От бурь мирских Петрарка отдыхал;
 Забывши Рим и сам забытый Римом,
 Он уж одной любовью дышал.

Здесь, в тайном сне, Лауры идеал
Мелькнул пред ним бесплотным херувимом,
И с уст певца, в размере, им любимом,
Роскошный стих понесся, зазвучал.
И сладость дум, и звуков сочетанье
Воклюзский ток далече разносил
И навсегда с своим журчаньем слил.

Пришелец, вняв Воклюзы лепетанье,
Досель еще, задумчив и уныл,
В нем слышит грусть, любовь и упованье.

Е.П. ЗАЙЦЕВСКИЙ

ВЕСНА

Весна! живи и луг, и лес!
Сними с полей зимы уборы,
Одень в сиянье свод небес
И в зелень сумрачные горы!
Ручей, уснувший в берегах,
Буди живительным дыханьем,
Веди наяд луны с мерцаньем
Плескаться в зеркальных струях!
Зови любовников счастливых
Под кровы девственных аллей:
Пусть их пленяет соловей
И шум потоков говорливых!
Леса! Раскиньте сень свою!
Цветы полей — благоухайте!
И негой томною питайте
Лень прихотливую мою!
Пошлите сердцу — упоенье,
Заботам тягостным — покой,
Любви — жар юности живой,
Сну — тень и лире — вдохновенье!

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Под звездным сводом южной ночи
Волнуйся, море, предо мной!
Увеселяй и слух и очи
Твоей пустынной красотой!
Музыкой твоего движенья
Тревожь поэта гордый ум,
Буди восторга песнопенья
И силу тайных сердца дум.

Как узнику в окно темницы
Дыханье ветра, луч денницы;
Как в дальней стороне чужой
Речей приветных звук родной;
Как в час вечерний милой девы
Любви веселые напевы;

Как лира Пушкина, как тень
Прохладной рощи в знойный день;
Как глас торжественный свободы
Над угнетенною страной —
Отрадны мне твой шум ночной,
Твои лазуревые воды,
И тишина и непогоды
Твоей стихии вековой!

С душой, растерзанной изменой,
Гляжу на зеркало твое;
Кропи холодной, горькой пеной
И вежды, и чело мое!
Гони часы угрюмой муки,
Часы бездействия и скуки,
Омой следы печальных дней,
Неправосудно данных роком,
И раны скорби и страстей
На сердце хладном, одиноком.

Люблю у тихих вод Тавриды
Приюты скал и тень лесов
И поэтические виды
Кавказа грозных берегов.
Люблю вас, Франгестана девы!
Ваш чистый нрав и красоту,
И дикой вольности напевы,
И дикой жизни простоту!
Люблю вечерние картины:
В звездах горящий Океан
И облеченные в туман
Скалы, заливы и долины.
Люблю твой нежный свет, луна,
Когда для неги сладострастной
На кров гаремов безопасный
Сойдут и ночь и тишина.

Когда Морфей, смыкая вежды,
Хранит молодых пловцов покой,
Заснувших тихим сном надежды
У края бездны роковой...

Н.С. ТЕПЛОВА

ОСЕНЬ

Уныло воет ветер ночной,
Заглохнул бор, поляны пожелтели,
И не слышать ни песен, ни свирели
В долине темной и пустой.

Кристалльные потоки замерзают,
Их, скована, безмолвствует тоска,
И в небе дымном облака
Туманною грядюю пробегают.

Где вы, певцы небесной высоты?
Уже вас нет, вы сладкий гимн отпели;
Цветущие дубравы опустели,
Последние с них падают листья.

И обнаженные, колеблясь, деревья
Таинственный высказывают ропот,
И сердцу слышится их шепот,
До слуха чуткого касаются слова.

Я не грущу с природой мрачной, холодной,
Всё, всё теперь в созвучии со мной —
Всё образ жизни безотрадной
И безнадежности земной!..

ВЕСНА

Как надмогильный цвет печалит и пленяет,
Так предо мной теперь цветущая весна:
Вотще цветет она, вотще благоухает, —
Ни прежних чувств, ни дум не пробудит она.

Вотще так радостно дубравы зеленеют;
Вотще поэзия задумчивых лесов;
Ужели вновь они былой восторг навеют
 И рой надежд и светлых снов?
Нет! тленен внешний мир, и тишина лесная,
И белых ландышей пленительный расцвет, —
Здесь на мгновение их прелесть неземная
 И их обманчивый привет.
Они заветно нам для чувства открывают
Нездешних радостей таинственный покров,
 И что в них сердце понимает —
 Тому ни звуков нет, ни слов...

С.Е. РАИЧ

ВЕЧЕР

Роскошно солнце заходило,
Пылал огнем лазурный свод...
Помедли, ясное светило!
Помедли!.. Но оно сокрыло
Лице свое в зеркале вод.

Люблю в час вечера весною
Смотреть на синеву небес,
Когда всё смолкнет над рекою,
Лишь слышен соловей порою
И дышит ароматом лес.

Но грусть мне сердце вдруг стесняет,
Когда исчезнет свет от глаз:
Как будто дружба изменяет,
Как будто радость отлетает,
Как будто в мире всё на час!

ЖАВОРОНОК

Светит солнце, воздух тонок,
Разыгралась весна,
Вьется в небе жаворонок —
Грудь восторгами полна!

Житель мира — мира чуждый,
Затерявшийся вдали, —
Он забыл, ему нет нужды,
Что творится на земли.

Он как будто и не знает,
Что не век цвести весне,
И беспечно распевает
В поднебесной стороне...

Нет весны, не стало лета...
Что ж? Из грустной стороны
Он в другие страны света
Полетел искать весны.

И опять под твердью чистой,
На свободе, без забот,
Жаворонок голосистый
Песни радости поет.

Не поэта ль дух высокий,
Разорвавший с миром связь,
В край небес спешит далекий,
В жаворонке возродясь?

Жаворонок беззаботный,
Как поэт, всегда поет
И с земли, как дух бесплотный,
К небу правит свой полет.

Природа по себе мертва.
Вне сферы высшего влиянья
Безжизненны ее созданья:
Она — зеркало божества,
Скрижаль для букв Его завета;
Ни самобытного в ней света,
Ни самобытной жизни нет.
Она заемлет жизнь и свет
У сфер, не зримых бrenным оком.
Воображение — дитя,
Но если, крыла распустья,
В своем парении высоком
Оно проникнет в глубь небес
И там — в святилище чудес —
У самого истока жизни,
За гранью мертвенной отчизны,

Упившись жизнью, творит
По дивным образцам небесным,
Всегда высоким и прелестным,
И даст своим созданиям вид
Полуземной, полунебесный,
И душу свыше призовет
И эту душу перельет
В свой образец полутелесный,
Полудуховный, — и он пройдет
Из века в век, из рода в род,
На мир печальный навекая
Таинственную радость рая.

М.А. ДМИТРИЕВ

ВЕСНА

Светлее солнца луч играет над прудом,
Луг зеленеющий смеется,
Кругами ласточка летает над гнездом,
Воркует горлица и жаворонок вьется!..
Всё... счастье и любовь!
Лишь мне нет счастья и любви!
Я молод, но весна моей не греет крови:
Моя весна не придет вновь!
Не для меня красы природы,
И свежий аромат цветов,
И вдохновение свободы,
И вдохновение стихов!..
Мне боле нравится густая тень лесов,
Кремнистые стези, пещеры дикой своды,
Осенней ночи мрак, стихий нестройный бой, —
Лишь в них я внемлю глас понятный и живой!
Не мне в их мятеже почувствовать смятенье:
Любви, молодой любви моей
Я видел с жизнью последнее боренье,
Я видел, как тускнел свет милых мне очей,
И научился видеть тленье!
С тех пор не трепещу следов уничтоженья,
Дивлюсь желаниям людей,
Надежды их не понимаю,
Не радуюсь весне в холодности своей
И не жалея провожаю!..

Д.П. ОЗНОБИШИН

ОКА

Стонет, воеет и клокочет
Шумноволная Ока!
Знать, под льдом проснувшись, хочет
Поглядеть на облака.

Развернуться на свободе,
Солнце в лоно заманить
И на ясной на погоде
Струи светлые развить.

Чу! как шумно, грозно бьется!
Но могучей лед трещит,
Сребропенный вдаль несется,
Как в боях разбитый щит.

Брег дрожит, испуга полный!..
Но, светла и широка,
Горделиво плещет волны
Полногрудая Ока.

В солнце струи золотые,
Словно локоны, блестят,
Словно очи голубые,
Небом полные, горят.

И роскошна как денница,
И белее серебра...
Не вверяйся! Чаровница —
Волги юная сестра!

Пылко свежими устами
Зацелует, обольнет,
Хохоча, зальет волнами
И в пучину унесет.

Вопль и крик твой — всё напрасно.
Дай красавице Оке,

Дай возлечь ей, сладострастной,
На зыбучем на песке,

И тогда отважно, смело,
Как орел, любуйся ей!
Развевай свой парус белый!
Шли станицы кораблей!

Будет вся тебе покорна,
Как голубица кротка,
И заснет, шепча у челна,
Тихоструйная Ока.

ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Зима бежит. Не слышен вьюги вой,
Метель не вьется по дороге,
И шумно панцирь ледяной
Дробит Ока, волнуясь в тревоге.

В ущельях гор серебряным ковром
Лежат нетронутые снега,
И коршун в небе голубом
Кругоплывет — предвестник теплой неги.

Между деревьев безлиственно-нагих
Младая верба — вся в уборе —
Весну встречает, как жених,
Улыбкой светлою во взоре.

Еще два дня... Проснется жизнь везде,
На божий свет былинка взглянет,
И ласточка в родном гнезде
И щебетать, и виться станет.

Всех радует привет весны!..
Лишь я, печальный и угрюмый,
Былые вспоминаю сны,
Мои несбывшиеся думы.

Но что другим в тоске моей?
Кому понять чужие слезы!
Спеши ж, весна! Пой в роще, соловей!
Цветите, пламенные розы!

ПЯТИГОРСК

Пустынный край! Здесь Дивного рука
Переворот таинственный свершала:
Грядями гор взнеслась за облака
И на Эльбрус порфирой света пала.

Здесь каждый шаг — живые письма,
Всё говорит о том, что прежде было.
И воздух жжет, и пар клубит волна,
И в недрах гор кипит огней горнило...

А.Н. МУРАВЬЕВ

ТАВРИДА

Земли улыбка, радость неба,
Рай Черноморских берегов,
Где луч благотворящий Феба
Льет изобилие плодов,
Где вместе с розою весенней
Румянец осени горит,
Тебе — край светлых впечатлений,
Таврида, — песнь моя гремит!

Природа на твои долины
Обильных не щадит даров,
Ты выплываешь из пучины
Под покрывалом облаков,
Как в полдень нимфа молодая
Выходит из седых валов,
Рукой стыдливой облекая
Красу в завистливый покров.

Кто впечатление живое
В горящих выразит речах,
Когда в нас чувство неземное
Горит, как солнце в небесах,
Когда невольно все желанья
Слились в один немой восторг
И самые воспоминанья
Сей миг из сердца нам исторг!

Ах! чувства сладкого отраду
Я сердцем пламенным вкушал,
Когда в тени олив прохладу
Под небом крымским я впивал,
Когда я черпал жизни сладость
В гармонии небес, земли

И очарованному радость
Природы прелести несли!

Передо мной шумели волны
И заливали небосклон.
И я, отрадной думы полный,
Следил неизмеримость волн —
Они сливались с небесами.
Так наша жизнь бежит от нас
И упивается годами,
Доколе с небом не слилась!

ТРИЛУННЫЙ (Д.Ю. СТРУЙСКИЙ)

НЕВЕ

Оживлена весенними лучами,
Ты зимнюю кольчугу сорвала
И в океан свободными волнами
Ледяные трофеи понесла.

Так в быстрый миг святого вдохновенья
Моя душа, отринув светский быт,
Из душевных бездн печального сомненья
В нетленный мир бессмертия парит!

ВОДОПАД

Громада волн летучая, живая,
С каким-то рьяным торжеством
С недвижных скал в пучину ниспадая,
Ты разлилась кипучим серебром!
Вокруг тебя безмолвен лес сосновый,
И степь песчаная молчит.
Один твой гул торжественно громовый
Как царь в сей пúстыне царит.
Вот гимн! Я здесь не даром очарован,
Здесь целый мир священных дым.
Мой взор к горам клубящимся прикован,
Я разгадал их наглый шум...
Им негде погулять в порфире серебристой,
Они задушены темницею кремнистой,
Но близок тяжкий взрыв... уж лицемерный вал
Подрыл свою тюрьму, лобзая ноги скал.

Л.А. ЯКУБОВИЧ

ЗИМА

Смотрю на снежные пустыни:
Лежит как в саване земля;
То смерти вид, символ святыни,
Символ другого бытия.

Не всё с собой возьмет могила,
Не всё зима мертвит в полях:
Проснется жизненная сила,
Проснутся мертвые в гробах.

МОЛНИЯ

Зачем с небесной высоты,
Из горнего жилья,
На лоне бури мчишься ты,
Громовая струя...
По небу реешь и браздишь
Стуцённые облака,
И, долу падая, разишь
Жилище бедняка?
Зачем, пронзая душу мне,
Ее терзаешь ты,
Подобно Зевсовой стреле,
Поэзия мечты...
Не озаряешь жизни путь, —
Как молния летишь,
Сверкаешь, падаешь на грудь
И сердце пепелишь?

ВОДОПАД

Вон там, где вечно по уступам
Гремит и блещет водопад
И где подобно мерзлым трупам
Граниты синие стоят, —
Оцепенев, окрестность дремлет.
Лишь зверь, припавши на скале,
Паденью вод нагорных внемлет,
Глядясь в их зыбком хрустале.

Как водопад, кипит и рвется
Могучий мыслию поэт:
Толпа на звук не отзовется,
На чувство чувств у черни нет.
Лишь друг природы просвещенный
Среди лесов своих, в глуши,
Вполне оценит труд священный,
Огонь божественный души.

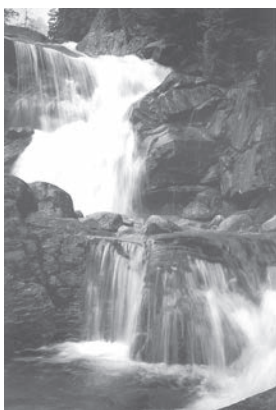
СКАЛЫ

На высоте угрюмых скал,
В объятьях матери-природы,
Я жизнь возобновил, я радости сыскал,
Я позабыл утраченные годы!

Здесь всё свежо: и персть, и тварь, и я!
И жизнь, как девственник, полна любовной силы;
Эмблема вечности, здесь ползает змия,
Как мысль, приволен здесь орел ширококрылый!

КАВКАЗ

Приют недоступный могучих орлов,
Державных и грозных гранитных хребтов, —
Всемирная крепость надоблачных гор
Дивит и чарует наездника взор.
Где громы грохочут, шумит водопад
И молния реет в ущельях громад, —
Душе моей любо: ей впору чертог —
Престол где громовый воздвиг себе бог!
Там мысли привольно по небу летать,
Весь ужас, всю прелесть грозы созерцать!
Туда бы, покинув заботливый мир,
Желал я умчаться, как птица в эфир.

А.И. ПОДОЛИНСКИЙ

ПРИРОДА

Цветет она розой, летит мотыльком,
В дубровах, в долинах поет соловьем,
Могучей пятою колеблет гранит
И брызгами в пропасть с утеса летит,
Из снов развивает блестящую цепь,
Дыханьем волнует песчаную степь,
Сливает свой голос с напевом духов
И радугой блещет в дыму облаков.
Над бездной воздушной чертог создает,
И мысль человека и сердце зовет,
Но видима всюду, но всюду слышна,
Лишь изредка манит и кличет она:
Кто ж близко подходит, познаьем томим,
Волшебница бездну разверзнет под ним!

УТРО НА ЕНИСЕЕ

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце всходит за горою,
Неси меня, неси скорей!

Как будто синий океан
Клубит под бурными ветрами,
Так над твоими островами
Клубится утренний туман.

Он подымался на утес,
Он заслонил его вершину,
Но ветер освежил долину
И в даль небес его унес!

Я видел: сквозь зеленый лес
Мелькали горы голубые,
И розы облаков младые,
И золотой пожар небес.

Гордись, река! Я трепетал
Перед надводными скалами:
Я жил тогда, когда мечтами
В стране возвышенной летал!

О Енисей! Увижу ль вновь
Твои пленительные волны,
И буду ли, восторга полный,
Тут петь творца, тебя, любовь?

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце светит над горою
И цель близка... неси скорей!

Н.В. КУКОЛЬНИК

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет.
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

Холмистые дали как волны
Над морем тумана встают,
И силы, и свежести полны,
Пришельца в объятия зовут!

За óтрогом — лес в отдаленьи,
За нивою — зеркало вод;
Овраги, потоки, камня —
Всё мимо, всё дальше, вперед!

В трущобе, сердито беснуясь,
Холодный грохочет ручей,

Туманы ложатся, волнуясь,
А в роще гремит соловей.

Как серны, привычные кони
На черных висят крутизнах
Иль стрелятся с жаром погони
По утлым тропинкам в горах.

И смотрит Юпитер приветно
На наш врассыпную поход,
И ждет нас на сон безответный,
Нас Веспер на сходку зовет.

Аврора проснулась, умылась,
Румяным потоком легла,
И Токсова даль озарилась,
И Фебом сменилась мгла.

Венчанный возница пускает
Своих лучезарных коней,
И, кудри откинув, сияет
В парадной ливрее своей.

И обдал он золотом озера,
Кустарники, доли, леса...
Мы Фебу воскликнули: «Фора!
Брависсимо! vivat, ура!»

Е. БЕРНЕТ (А.К. ЖУКОВСКИЙ)

К чему тебе земное украшеньё!
На небесах — желанья предмет.
Денницы носишь лик, её отпечатленьё,
Ее лучи и цвет.

Дни бытия — дни скорби и изгнания;
Людьми забыт, а то отдалено,
Что крепко так и вечно в день создания
С душой сопряжено.

Нет сил склонить к земле ни взоров, ни желаний,
Нет крыл взлететь к манящим небесам,
Нет звуков высказать палящее страданье,
Нет образа мечтам!

Цвет солнца, бедный цвет, судьба твоя — терпенье!
Неузнанный, поблек, увял один;
Земля дала тебе за муки в награжденье
Крапиву и полынь.

И будет мученик всегдашний в мире этом,
Кто небо обожал!
Кто красотой бессмертной, вечным светом
Несытый дух пленял!

Как полк великанов, проходят скалы,
Леса и селенья мелькают, как сны;
В пространство рекою бежит путь далекий.

Всё ново, и чуждо, и дико очам.
Зачем же привел меня к этим местам,
О путь незнакомый, о путь одинокий!

Надежд исполнение, минувшего сон,
Как два твои края, сокрыл небосклон,
О путь мой безвестный, о путь мой печальный!

Заменит ли сердцу шум радостных встреч
Покинутых слезы, оставленных речь,
О путь, мой разлучник, о путь мой прощальный!

И скоро ли с песней назад побредем,
И скоро ль увидим родительский дом,
О путь бесконечный, о путь необъятный!

Или ты ведешь нас тропой роковой
В страну без исхода, на вечный покой,
О путь мой последний, о путь безвозвратный?

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуиюные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей
Толпяся волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея.
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
Стремление всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизньню обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:

Душа убита, радость над душой;
 Хоть слезы льет из пламенных очей,
 Но помнит всё о красоте своей.

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
 Вокруг лесистых гор туман ночной;
 Еще у ног Кавказа тишина;
 Молчит табун, река журчит одна.
 Вот на скале новорожденный луч
 Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч.
 И розовый по речке и шатрам
 Разлился блеск и светит там и там:
 Так девушки купаясь в тени,
 Когда увидят юношу они,
 Краснеют все, к земле склоняют взор:
 Но как бежать, коль близок милый вор!

Все тихо — полная луна
 Блестит меж ветел над прудом,
 И возле берега волна
 С холодным резвится лучом.

Прекрасны вы, поля земли родной,
 Еще прекрасней ваши непогоды;
 Зима сходна в ней с первою зимой,
 Как с первыми людьми ее народы!..
 Туман здесь одевает неба своды!
 И степь раскинулась лиловой пеленой,
 И так она свежа, и так родня с душой,
 Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
 Но этот снег летучий серебристый
 И для страны порочной — слишком чистый
 Не веселит мне сердца никогда.
 Его одеждой холодной, неизменной
 Сокрыта от очей могильная гряда
 И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

Когда волнуется желтеющая нива
 И свежий лес шумит при звуке ветерка,
 И прячется в саду малиновая слива
 Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой
 Румяным вечером иль утра в час златой,
 Из-под куста мне ландыш серебристый
 Приветливо качает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
 И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
 Лепечет мне таинственную сагу
 Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
 Тогда расходятся морщины на челе, —
 И счастье я могу постигнуть на земле,
 И в небесах я вижу Бога...

Спеша на север из далека,
 Из теплых и чужих сторон,
 Тебе, Казбек, о страж востока,
 Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем,

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудо!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

С.П. ШЕВЫРЕВ

ГЛАГОЛ ПРИРОДЫ

Гром грянул! — внемлешь ли глаголу
Природы гневной — сын земли?
Се! духи и горе и долу
Ее вещанья разнесли!
Она язык свой отрешает,
Грозами тесный полнит слух
И человека вопрошает:
Не спит ли в нем бессмертный дух?

Мой дух — не спи! — на зов природы
Ответ торжественный воспой,
Что ты, небесный страж свободы,
Не дремлешь праздный и немой. —
И с благозвучными грозами
Земные песни согласи
И вместе с горными духами
Ее глаголы разнеси.

Проснитесь, негой усыпленны!
В великий испытанья миг.
О горе! вас глагол вселенны
В дремоте ленистой застиг.
Вы вняли, вы затрепетали,
Страшитесь — не на суд ли вас?
Какой бы вы ответ сказали,
Когда б пробил вам грозный час.

Мой дух! там он сидит за тучей!
Завесу неба раздери
И прямо с верою могучей
К престолу славы воспарь.
И в огневую багряницу
Облекшись — ангелом сияй
И громоносную десницу
У милосердного лобзай.

НОЧЬ

Как ночь прекрасна и чиста,
Как чувства тихи, светлы, ясны!
Их не коснется суета,
Ни пламень неги сладострастный!

Они свободны как эфир;
Они, как эти звезды, стройны, —
Как в лоне бога спящий мир,
И величавы и спокойны.

Единый хор их слышу я,
Когда все спит в странах окрестных!
Полна, полна душа моя
Каких-то звуков неизвестных.

И все, что ясно зрится в день,
Что может выразиться словом,
Слилося в сумрачную тень,
Облечено мечты покровом.

Неясно созерцает взор,
Но все душою дозреваешь:
Так часто сердцем понимаешь
Немого друга разговор.

СТАНСЫ

Когда безмолвствуешь, природа,
И дремлет шумный твой язык,
Тогда душе моей свобода,
Я слышу в ней призывный клик.

Живее сердца наслажденья,
И мысль возвышенна, светла:
Как будто в мир преображенья
Душа из тела перешла.

Ее обнял восторг спокойный —
 И песни вольные живеи
 Текут рекою звучной, стройной
 В святом безмолвии ночей.

Когда же мрачного покрова
 Ты сбросишь девственную тень,
 И загремит живое слово,
 И яркий загорится день —

Тогда заботы докучают,
 И гонит труд души покой,
 И песни сердца умолкают,
 Когда я слышу голос твой.

ОКА

Много рек течет прекрасных
 В царстве Руси молодой,
 Голубых, золотых и ясных,
 С небом спорящих красой.
 Но теперь хвалу простую
 Про одну сложу реку:
 Голубую, разлившую,
 Многоводную Оку.
 В нраве русского раздолья
 Избигается она:
 Городам дарит приволья
 Непоспешная волна.
 Лению чудной тешит взоры;
 Щедро воды разлила;
 Даром кинула озера —
 Будто небу зеркала,
 Рыбакам готовит ловли,
 Мчит тяжелые суда;
 Цепью золотой торговли
 Вяжет Руси города:
 Муром, Нижний стали братья!
 Но до Волги дотекла:
 Скромно волны повела, —

И упала к ней в объятия,
Чтоб до моря донесла.

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Прекрасный день в лазури беспредельной
Раскинулся и радует меня,
И небо всё слилось в яхонт цельной
Оправою светилу дня.

Горящее всемирными лучами,
Как бога глаз, на небе зажжено,
Над нашими тревожными главами
Спокойно плавает оно.

Земля цветет невестою румяной,
И взор, живым веселием горя,
С ее одежды, радугую тканой,
Пьет жадно краски бытия.

Но от земли, от розы пурпуровой,
От чистых рек серебряной волны,
От синих гор, от зелени шелковой
Стремленья чуткого полны, —

Бегут глаза, алкая там предмета,
Где носится светящее оно —
И что же там? — Единой капли света
Вкусить им в солнце не дано

Оно — одно горит в небесной чаше!
Земля моя, — мой лес и океан!
Оно одно, глаза мои, не ваше, —
И свет его на вас туман!

Смиритесь в отваге беспредельной,
И робкие, вы падайте на дол:
Прекрасный день, и неба яхонт цельный,
И солнце тайны мне символ.

И духом я смиряясь умолкаю!
Объемля им создання естества.
Как мотылек на свечке, исчезаю
В горящей тайне божества.

На реках блистает летом
Наше тело белизной:
Дивный образ, солнца светом
Весь облитый и живой!
Краше нет в созданных тела
Этой мягкой белизны:
Красота не пожалела
Линий правильной волны.
Зелень леса, снег лилеи,
Белый пух гусиной шеи
Пурпур розы, облака,
Небо, море и река, —
Всё уступит краске этой,
Солнца пламенем согретой.
Сам творец со всех цветов
Снял ее любовной дланью
И любимому созданию
Краше всех соткал покров.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДОЧКА

Звезды тускло замерцали,
Забелел вдали восток,
Струйки ярче заплескали,
И проснулся ручеек.

Вот одна, сияя светом
Звезд померкшего следа,
К солнцу с утренним приветом
Вышла яркая звезда.

И за всех, на небе ясном,
Одинокая горит,
И в содружестве прекрасном
С нею месяц говорит:

«Что, красавица Востока,
Так прелестна и светла,
В синеве небес высоко,
Перед утром ты взошла?»

Скоро в утреннем блистанье
Загорятся небеса:
Лишь на миг твое сиянье,
Лишь на миг твоя краса!» —

«Месяц! радости — мгновенья, —
Меркнув, молвила звезда. —
Моего ты наслажденья
Не изведal никогда.

Что за сладость в час рассвета
Встретить солнце в небесах
И, упившись морем света,
Потонуть в его лучах!» —

Провела перстом Аврора,
Край востока заалел:
Звездочка погасла скоро,
Месяц только побледнел.

ЖАВОРОНОК

Ах, мой жаворонок чудесный!
Как ты радуешь меня,
Колокольчик мой небесный,
В чистом воздухе звеня!

Веселясь на резвой воле,
В небесах когда поешь,
Словно весточку оттоле
Мне ты радостную шлешь.

СПЕЦИЯ

Бесконечность моря,
Бесконечность неба,
Две великих мысли
Божия создания
Здесь всегда присущи
Взору человека
И ведут беседу
С мыслию его.

Горы словно цепи
Налегли на землю;
Как магнит могучий,
Вольную стихию
Втягивают в недра,
Но ей в них неймется,
И живая рвется
Вдаль и на простор.

Спорят как титаны
Горы с небесами,
Головы и гребни
Кверху поднимая,
Облака у неба
Сразу отрывая,
Но лазурь восходит
Вольная от них.

Бесконечность моря,
Бесконечность неба,
Две великих мысли
Божия создания
Здесь всегда присущи
Взору человека
И ведут беседу
С мыслию его.

А.С. ХОМЯКОВ

ЗАРЯ

В воздушных высотах, меж ночью и днем,
Тебя поставил Бог, как вечную границу,
Тебя облек Он пурпурным огнем,
Тебе он дал в сопутницы денницу.

Когда ты в небе голубом
Сияешь, тихо догорая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебе подобны мы:
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

Сумрак вечерний тихо взошел,
Месяц двурогой звезды повел
В лазурном просторе:
Время покоя, любви, тишины,
Воздух и небо сиянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берег далек,
Как очарован спит мой челнок,
Упали ветрила.
Небо, как море, лежит надо мной,
Море, как небо блестит синевой,
В бездне небесной и бездне морской
Все те же светила.

О, чтобы в душу вошла тишина!
О, чтобы реже смущалась она
Земными мечтами!

Лучше, чем в лоне лазурных морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вечное небо гляделось бы в ней
Со всеми звездами!

ТРУЖЕНИК

По жестким глыбам сорной нивы,
С утра, до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.

Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлен, я утомлен...

Пора на отдых. О, дубравы!
О, тишина полей и вод!
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!

Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!..
«Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди, —
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!

Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты:
Сгибайся ж, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!» —

Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом,
А Ты безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!

Иду свершать, в труде и поте,
Удел, назначенный Тобой.
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.

Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

Ф.И. ТЮТЧЕВ

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,

Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Безпамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —

И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной, —
И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,

Порывистый, холодный ветер порою,
 Ущерб, изнеможение — и на всем
 Та кроткая улыбка увяданья,
 Что в существе разумном мы зовем
 Божественной стыдливостью страданья.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
 А воды уж весной шумят —
 Бегут и будят сонный брег,
 Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
 «Весна идет, весна идет!
 Мы молодой Весны гонцы,
 Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
 И тихих, теплых, майских дней
 Румяный, светлый хоровод
 Толпится весело за ней.

О чем ты воешь, ветер ночной?
 О чем так сетуешь безумно?..
 Что значит странный голос твой,
 То глухо жалобный, то шумно?
 Понятным сердцу языком
 Твердишь о непонятной муке —
 И роешь и взрываешь в нем
 Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
 Про древний хаос, про родимый!
 Как жадно мир души ночной
 Внимает повести любимой!

Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли резвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.

Что пред тобой утеха рая,
 Пора любви, пора весны,
 Цветущее блаженство мая,
 Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
 Весенний, теплый воздух пить,
 На небе чистом и высоком
 Порою облака следить;
 Бродить без дела и без цели
 И ненароком, на лету,
 Набрести на свежий дух синели
 Или на светлую мечту...

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
 Объятый негой ночи голубой,
 Сквозь яблони, цветами убеленной,
 Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день создания,
 В бездонном небе звездный сонм горит,
 Музыки дальней слышны восклицанья,
 Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
 Изнемогло движение, труд уснул...
 Над спящим градом, как в вершинах леса,
 Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
 Иль смертных дум, освобожденных сном,
 Мир бестелесный, слышный, но незримый,
 Теперь роится в хаосе ночном?..

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
 Иль их садовник приклеил?
 Иль зреет плод в родимом чреве
 Игрою внешних, чуждых сил?..

.....

Они не видят и не слышат,
 Живут в сем мире, как впотьмах,
 Для них и солнцы, зная, не дышат
 И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
 Весна в груди их не цвела,
 При них леса не говорили
 И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
 Волнуя реки и леса,
 В ночи не совещалась с ними
 В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
 Органа жизнь глухонемой!
 Увы, души в нем не встревожит
 И голос матери самой!

Еще земли печален вид,
 А воздух уж весною дышит,
 И мертвый в поле стебель колышет,
 И елей ветви шевелит.

Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.

Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,

В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И уносит их поток.
Над волной темнолазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...

Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветки шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилося весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,

Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набегит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет, —
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, пойманных родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулась тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж вострепнулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так и будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

А.В. КОЛЬЦОВ

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом, бурей,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилась —
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождем

На земную грудь
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта;

На поля, сады
На зеленые
Люди сельские
Не посмотрятся...

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из закрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать...

Чем свет по полю
Все разъехались
И пошли гулять
Друг за дружкой,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти до́ земли,

Словно божий гость,
На все стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет-лоснится,
Золотой волной
Разбегается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени...

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клеток домовой
Сор метлою посмёл
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях, сиротой,
Хлеб нескошен стоит,
Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Греет солнышко —
Да осенью:
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,
Поутру трава
Там сохнула.

И всё пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно,

Что, их слушая,
Кровь стынула,
По душе лилась
Боль смертная.

Так прошла моя
Вся молодость, —
Без любви-души,
Без радости.

В.Г. БЕНЕДИКТОВ

УТЕС

Отвсюду объятый равниною моря,
Утес гордо высится, — мрачен, суров,
Незыблем стоит он, в могуществе спора
С приboями волн и с напором веков.
Валы только лижут могучего пяты,
От времени только бразды вдоль чела,
Мох серый ползет на широкие скаты,
Седая вершина — престол для орла.

Как в плащ, исполин весь во мглу завернулся,
Поник, будто в думах, косматой главой;
Бесстрашно над морем всем станом нагнулся
И грозно нависнул над бездной морской.
Вы ждете — падет он, не ждите паденья!
Наклонно он стал, чтобы сверху взирать
На слабые волны с усмешкой презренья
И смертного взоры отвагой пугать.

Он хладен, но жар в нем закован природный:
Во дни чудодейства зиждительных сил
Он силой огня — сын огня первородный —
Из сердца земли мощно выдвинут был!
Взлетел и застыл он твердыней гранита.
Ему не живителен солнечный луч,
Для нег его грудь вековая закрыта,
И дик и угрюм он, — зато он могуч!

Зато он неистовой радостью блещет,
Как ветры помчатся в разгульный свой путь,
Когда в него море бурунами хлещет
И прыгает жадно гиганту на грудь.
Вот молнии пламя над ним засверкало.
Перун свой удар ему в темя нанес —
Что ж? — огненный змей изломил свое жало,
И весь невредимый хохочет утес.

РАДУГА

За тучами солнце — не видно его!
Но там оно капли нашло дождевые,
Вонзило в них стрелы огня своего, —
И по небу ленты пошли огневые.

Дуга разноцветная гордо взошла,
Полнеба изгибом своим обхватила,
К зениту державно свой верх занесла,
А в синее море концы погрузила.

Люблю эту гостью я зреть в вышине;
Лишь только она в небесах развернется,
Протекшего сон вдруг припомнится мне,
Запрыгает сердце, душа встрепенется.

Дни прошлые были повиты тоской,
За тучами крылося счастья светило,
Я плакал, грустил, — но в тоске предо мной
Всё так многоцветно, так радужно было.

Как в каплях, летящих из мглы облаков,
Рисуется пламя блестящего Феба,
В слезах преломляясь, блистала любовь
Цветными огнями сердечного неба.

ПРИРОДА

Повсюду прелести, повсюду блещут краски!
Для всех природы длань исполнена даров.
Зачем же, к красоте бесчувственно-суров,
Ты жаждешь тайн ее неистойвой огласки?

Смотри на дивную, пей девственные ласки,
Но целомудренно храни ее покров!
Насильственно не рви божественных узлов,
Не мысли отпахнуть застенчивой повязки!

Доступен ли тебе ее иероглиф?
 Небесные лучи волшебнo преломив,
 Раскрыла ли его обманчивая призма?
 Есть сердце у тебя — пади, благоговей,
 И бойся исказить догадкою твоей
 Запретные красы святого мистицизма!

КОМЕТА

Взгляни на небеса: там стройность вековая.
 Как упоительна созвездий тишина!
 Как жизнь текущих сфер гармонии полна, —
 И как расчетиста их пляска круговая!

Но посмотри! мне них неправильно гуляя,
 Комета вольная — системам не верна;
 Ударами грозит и буйствует она,
 Блистательным хвостом полнеба застилая.

Зря гостью светлую в знакомых небесах,
 Мудрец любитcя игрой в ее лучах,
 Но робко путь ее и близость расчисляет.

Так пылкая мечта — наперстница богов —
 Среди медлительных, обкованных умов
 Сверкая носится, и тешит, и пугает.

ГРОЗА

В тяжелом воздухе соткалась мгла густая,
 Взмахнул крылами ветер, зубчатой бороздой
 Просеклась молния, завывла хлябь морская,
 Лес ошетинился, расселся дуб седой.

Как хохот сатаны несется, замирая,
 Громов глухой раскат, — и снова над землей
 Небесный пляшет огонь, по ребрам туч мелькая,
 И грозно вдруг сверкнет изломанной чертой.

Смутилась чернь земли и мчится под затворы...
Бегите! этот блеск лишь для очей орла...
Творенья робкие, спешите в ваши норы!

Кто ж там — на гребне скал? Стопа его смела,
Открыта грудь его, стремятся к небу взоры,
И молния — венец вокруг его чела!

ЦВЕТОК

— Как дивно выткан он из красок, из эфира!
Откуда милый гость? Не с неба ль брошен он?
Златистою каймой он пышно обведен,
На нем лазурь небес, на нем зари порфира.

— Нет, это сын земли — сей гость земного пира, —
Луг — родина ему, из праха он рожден.
— Так, верно, чудный перл был в землю посажен,
Чтоб произвести его на украшение мира?

— О нет, чтоб вознестись увенчанной главой,
Из черного зерна он должен был родиться
И корень вить в грязи, во мраке, под землей.

Так семя горести во грудь певцу ложится
И, в сердце водрузив тяжелый корень свой,
Цветущей песнию из уст его стремится.

ГОРНЫЕ ВЫСИ

Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы создания,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!

Здесь с грустной цепи тяготенья
 Земная масса сорвалась
 И, как в порыве вдохновенья,
 С кипящей думой отторженья
 В отчизну молний унеслась;
 Рванулась выше... но открыла
 Немую вечность впереди.
 Чело от ужаса застыло,
 А пламя спряталось в груди,
 И вот, на тучах отдыхая,
 Висит громада вековая,
 Чужая долу и звездам.
 Она с высот, где гром рокошет,
 В мир дольный ринуться не хочет,
 Не может прыгнуть к небесам.

О горы — первые ступени
 К широкой, вольной стороне!
 С челом открытым на колени
 Пред вами пасть отрадно мне.
 Как праха сын, клонюсь главою
 Я к вашим каменным пятам
 С какой-то робостью, — а там,
 Как сын небес, пройду пятою
 По вашим бурным головам!

РЕКИ

Игриво поверхность земли рассекая,
 Волнуясь и пенясь, кипя и сверкая,
 Хрустальные реки текут в океан,
 Бегут, ниспадают по склону земному
 В бездонную пасть к великану седому,
 И их поглощает седой великан.

О, как разнообразен их бег своенравной!
 Та мчится угрюмо под тенью дубравной,
 А эта — широкой жемчужной стеной
 Отважно упала с гранитной вершины
 И стелется легкой, веселой волной,

Как светлая лента, по персям долины.
 Здесь дикий поток, весь — лишь пена и прах,
 Дрожит и вздувает хребет серебристый,
 Упорствует в схватке с оградой кремнистой
 И мучится, сжатый в крутых берегах.
 Там — речка без битвы напрасной и трудной
 Преграды обходит покорной дугой,
 И чистого поля ковер изумрудный,
 Резвясь, огибает алмазной каймой,
 И дальше — спокойно струею безмолвной
 Втекла в многоводный, могучий поток,
 Взыграл многоводный, в строптивые волны
 Взял милые капли и в море повлек.

Так катятся реки, и в дольном теченье
 Не общий удел им природою дан,
 Но *там* их смыкает одно назначение,
 Но *там* их приемлет один океан!

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Легкий сумрак. Сень акаций,
 Берег моря, плеск волны
 И с лазурной вышины
 Свет лампы муз и граций —
 Упоительной луны.

Там, чернея над заливом,
 Мачт подъемятся леса;
 На земле ж — земли краса —
 Тополь ростом горделивым
 Измеряет небеса.

Горячей дыханья девы,
 Меж землей и небом сжат,
 Сладкий воздух; в нем дрожат
 Итальянские напевы,
 В нем трепещет аромат.

А луна? Луна здесь греет,
 Хочет солнцем быть луна;

Соблазнительно пышна,
Грудь томит и чары деет
Блеском сладостным она.

Злая ночь златого юга!
Блещешь лютой ты красой.
Ты сменила холод мой
Жаром страшного недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнив сон заветный,
Ищет вновь — кого-нибудь...
Тщетно! Не о ком вздохнуть!
И любовью беспредметной
Высоко взметалась грудь.

Прочь, томительная нега!
Там — целебный север мой
Возвратит душе больной
В лоне вьюг, на глыбах снега
Силу мысли и покой.

МОРОЗ

Чу! С двора стучится в ставни, —
Узнаю богатыря.
Здравствуй, друг, знакомец давний!
Здравствуй, чадо декабря!
Дым из труб ползет лениво,
Снег под полозом визжит;
Солнце бледное спесиво
Сквозь туман на мир глядит.

Я люблю сей благодатный
Острый холод зимних дней.
Сани мчатся. Кучер статный,
Окрылив молодых коней,
Бодр и красен; кровь играет,
И, окладисто-горда,
Серебрится и сверкает
В снежных искрах борода.

Кони полны рьяной прыти,
 Дым в ноздрях, в ногах — метель!
 А она-то? — Посмотрите:
 Как мила теперь Адель!
 Сколько блеску хлад ей придал!
 Други! Это уж не тот
 Бледный, мраморный ваш идол, —
 В этом лике жизнь цветет;
 Членов трепетом и дрожью
 Обличен заветный жар,
 И из уст, дышавших ложью,
 Бьет теперь чистейший пар,
 Грудь в движении волнистом,
 Неги полное плечо,
 Кроясь в соболе пушистом,
 Шевелится горячо
 Летней, яркою денницей
 Пышно искрятся глаза,
 И по шелковой реснице
 Брызжет первая слеза!

Кто ж сей мрамор на досуге
 Оживил? — Таков вопрос.
 Это он — не льститесь, други, —
 Это он — седой мороз!
 Жадно лилии он щиплет
 И в лицо взамен их сыплет
 Пламя свежих, алых роз.
 Лишь его гигантской мочи
 Эти гибельные очи
 Удалось пронять до слез!

ТУЧА

Темна и громадна, грозна и могуча,
 По небу несется широкая туча.
 Взгляните: как ветер ей кудри клубит,
 Ей перси лелеет и, полный усилья,
 Приняв ее тяжесть на мягкие крылья,
 Ее по пространству воздушному мчит.

Ничто не смущает высокого хода;
 Кругом беспредельный простор и свобода,
 Картина вселенной пред нею полна;
 Пред нею открыты эфирные бездны,
 И рать херувимов, и полчища звездны,
 И что же? — Взгляните на тучу: черна,

Сурова, угрюма, с нахмуренным ликом,
 На мир она смотрит в молчании диком,
 И душно, и грустно ей в небе родном,
 И вид ее гневный исполнен угрозы;
 В свинцовых глазах ее замкнуты слезы,
 Меж ребрами пламя, под мышцами гром.

Страдальца-поэта удел ей назначен:
 Высок ее путь, и свободен, и мрачен;
 До срочного мига всё тихо кругом...
 Но вот — встрепенулись дозревшие силы:
 Браздами просеклись огнистые жилы,
 И в крупных аккордах рассыпался гром.

И после минувшей, утихнувшей бури
 Живее сиянье бездонной лазури,
 Свежее дубравы зеленая сень,
 Душистей дыханье и роз и ясинов, —
 И, радугою гордо с плеча перекинув,
 Нагнулся на запад ликующий день.

А туча, изринув и громы и пламя,
 Уходит в лоскутьях, как ветхое знамя,
 Как эти святые хоругви войны,
 Избитые в схватке последнего боя,
 Как жалкое рубище мужа-героя,
 Изгнанника светлой родной стороны.

И вот, остальным разрешаясь ударом,
 Подъежится туча рдеющим паром,
 Прозрачна, чуть зрима для слабых очей,
 И, к небу прильнув золотистым туманом,
 Она исчезает в отливе багряном
 При матовом свете закатных лучей.

К.С. АКСАКОВ

ВОДОПАД

Спадает с высокой горы водопад,
Сребристые струи кипят и гремят,
И гул раздается по лесу далеко;
Приветны студёные волны потока.
Но, жаждой томяся в полдневны часы,
О путник, страшись их коварной красы,
Страшись отдохнуть под древесною тенью,
Забыться, объятый роскошною сенью.
Страшись испить очарованных вод:
Струя их не хладом по жилам пройдет,
Но огненной, бурно кипящей волной —
И призрак восстанет из мглы пред тобой,
И ты устремишься за призраком в путь,
И люди безумцем тебя назовут.

Скоро зимний ляжет путь,
Снег поля покроет,
Резво кони побегут
По большой дороге.

Колокольчик зазвенит,
Версты замелькают,
И дорога побежит
Под кибиткой нашей.

Ну, ямщик, ступай скорей!
Ну, неситесь, кони!
Шибче, шибче бег коней,
Весело на сердце.

Скоро зимний ляжет путь,
Снег поля покроет,

Резко кони побегут
По большой дороге.

ВЕСНА

Краснеет лес, темнеют степи,
Весенний ветер потянул...
И тают ледяные цепи,
Везде движение и гул.

Отрадно мягок воздух; птица
Напев тревожный свой ведет;
Надеждою сияют лица:
Зима прошла, весна идет.

Весна идет! Но власть не скоро
Зима свою уступит ей,
И силой грозного отпора
Не раз смутит сердца людей.

Вдруг ветер с севера завоет,
Метель с морозом налетит,
И снова землю снег покроет...
Опять зимы суровый вид!

Но этот снег не страшен, — даром
Что вид зимы с собой несет.
«То новый снег идет за старым», —
Премудро говорит народ.

Не устрашат нас ни морозы,
Ни снег весеннею порой.
Простим бессильные угрозы
Зиме, идущей на покой!

И.П. КЛЮШНИКОВ

ПОЛОВОДЬЕ

Я люблю с простонародьем
Позевать на божий мир;
Я плебей — и половодье
Для меня богатый пир.

Прихожу — река сверкает,
Подступая к берегам.
Распахнулась — и гуляет
На раздольи по полям.

И шумит волной сердито,
И поет, и говорит, —
А над ней, огнем облитой,
Небо светлое стоит.

Чуть заметной синевою
Даль сливает их края.
Не уйти ли мне? — Тоскою
Грудь стеснилась моя.

Что за глупость? — в вихре света
Не встречался ль я с тобой?
Не смущала ль ты поэта
Гармонический покой?

Помню, знаю... Так гуляем
Мы, бывало, в старину,
Так привольно мы встречаем
Нашу красную весну.

Разливалась наша младость,
Как весенняя вода,
С шумом, с пеной, нам на радость
Мчались светлые года.

И промчались!.. и отрада
С берегом на них глядеть!

Юность! радость!.. Вижу — надо
Вам элегию пропеть:

«Юность! сладкие обманы
И воздушные мечты,
Как весенние туманы,
За собой уносишь ты!»

Не махнуть ли, как бывало?
Не поплыть ли мне за ней?
Не сорвать ли покрывало
С беглой радости моей?..

И сорвал... и смело в очи
Ей гляжу с моей тоской —
И стою до поздней ночи
Над разлившейся рекой!

Всё здесь благо! Час волненья,
Час раздумья — и в тиши
Сладострастные виденья
Успокоенной души.

ЖАВОРОНОК

В небе солнышко играет,
Высоко в его лучах
Птичка божия летает,
Рассыпаясь в голосах,

Я в немой тоске ей внемлю,
Сжала сердце мне печаль, —
Вот спускается на землю
И летит с подружкой вдаль!

Вот исчезла!.. Чу! — далеко
Слышен голос молодой! —
И поник я одиноко
Горемычной головой!

Н.П. ОГАРЕВ

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Ты пришло уже, небо туманное,
Ты рассыпалось мелким дождем,
Ты повеяло холодом, сыростью
В опечаленном крае моем.
Улетели куда-то все пташечки;
Лишь ворона, на голом суку
Сидя, жалобно каркает, каркает —
И наводит на сердце тоску.
Как же сердцу-то грустно и холодно!
Как же сжалось, бедняжка, в груди!
А ему бы все вдаль, словно ласточке,
В теплый край бы хотелось идти...
Не бывать тебе, сердце печальное,
В этих светлых и теплых краях,
Тебя сгубят под серыми тучами
И схоронят в холодных снегах.

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Еще ночь над землей тяготеет,
И все спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь вострепнулся,
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,
Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

ПРОЩАНИЕ С КРАЕМ, ОТКУДА Я НЕ УЕЗЖАЛ

Прощай, прощай, моя Россия!
 Еще недолго — и уж я
 Перелечу в страны чужие,
 В иные, светлые края.
 Благодарю за день рожденья,
 За ширь степей и за зиму,
 За сердцу сладкие мгновенья,
 За горький опыт, за тюрьму,
 За благородные желанья,
 За равнодушие людей,
 За грусть души, за жажду знания,
 И за любовь, и за друзей —
 За все блаженство, все страданья;
 Я все люблю, все святы мне
 Твой, мой край, воспоминанья
 В далекой будут стороне.
 И о тебе не раз вздохну я,
 Вернусь — и с теплою слезой
 На небо серое взгляну я,
 На степь под снежной пеленой...

ПОЛДЕНЬ

Полуднем жарким ухожу я
 На отдых праздный в темный лес
 И там ложусь, и все гляжу я
 Между вершин на даль небес.
 И бесконечно тонут взоры
 В их отдаленье голубом;
 А лес шумит себе кругом,
 И в нем ведутся разговоры:
 Щебечет птица, жук жужжит,
 И лист засохший шелестит,
 На хворост падая случайно, —
 И звуки все так полны тайной...
 В то время странным чувством мне
 Всю душу сладостно объемлет;
 Теряясь в синей вышине,

Она лесному гулу внемлет
И в забытии каком-то дремлет.

ОСЕНЬ

Когда осеннею порою
Холодным воздухом пахнет,
И тучи серой пеленою
Угрюмо в небе разовьет,
И тускло станет днем печальным,
И стелется туман кругом, —
Люблю я ехать лесом дальним,
Шаг за шагом, на коне верхом, —
А конь шумит, по листьям сбитым
Ступая кованым копытом.

Люблю я слушать ветра свист,
Следить его опустошенья,
Смотреть, как рвется желтый лист,
И слушать шум его паденья.
Тогда лишь ворон средь лесов
Живет в безмолвьи одиноком;
Услыша с дуба звук шагов,
Глядит кругом он зорким оком,
Махает крыльями и вдруг
В глуши скрывает свой испуг.

Все так печально, так уныло,
Все так прощается со мной
И говорит, что уж отжило...
Воспоминанье той порой
Весну мне прежнюю рисует,
Мечта несется к старине,
И сердце любит и тоскует,
И грустно так бывает мне,
И воскресают из забвенья
Былые люди и виденья.

Гуляю я в великом Божьем мире
 И жадно впечатления ловлю,
 И все они волнуют грудь мою,
 И струны откликаются на лире.
 Взойдет ли день, засветит ли луна,
 Иль птица в роще темной встрепетается,
 Или промчится с ропотом волна, —
 Мне весело и хорошо поется.

Я слушаю, уходят взоры вдаль,
 И вдруг в душе встает воспоминанье,
 И воскресает прежняя печаль,
 И ноет сердце, полное страданья.
 Взойдет ли день, засветит ли луна,
 Иль птица в роще темной встрепетается,
 Или промчится с ропотом волна, —
 И грустно мне и хорошо поется.

ВЕСНА

Еще лежит, белеясь средь полей,
 Последний снег и постепенно тает,
 И в полдень яркий солнце вызывает
 Понежиться в тепле своих лучей.
 Весною пахнет. Тело лень объемлет,
 И голова и кружится и дремлет.
 Люблю я этот переход: живешь,
 Как накануне праздника, и ждешь,
 Как колокол пробудит гул далекий,
 Народ пойдет по улице широкой,
 И будет радость общая — и крик
 И песни не умолкнут ни на миг.

И жду я праздника: вот снег сольется,
 Проглянет травка нежным стебельком,
 И ласточка, щебеча, принесется
 В гнездо, свитое над моим окном
 Давным-давно... Я птичку каждый год

Встречаю; спрашиваю: где летала?
Кто любовался ей? какой народ?
Не в стороне ль прекрасной побывала,
Где небо ясно, вечная весна,
Где море плещет, искрясь и синяя,
И лавров гордых тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!..

И жду я праздника. На ветке гибкой
Лист задрожит, и будет шумен лес,
Запахнет ландыш у корней древес;
И будет утро с светлою улыбкой
Вставать прохладно, будет жарок день
И ясен вечер; и ночная тень
Когда наляжет, будет месяц томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Над озером прозрачный пар взойдет,
И соловей до утра пропоет.

И я пойду на берег одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью песнь услышу издалика,
И время вспомню я другой весны...
Наполнит душу смутное томленье,
И встанут вновь забытые виденья.

Небо да море. Волна за волной
Плещет в разгульном стремленьи
Звучно и вольно, и чужд им покой, —
Вечно немолчно движенье.
Кажется, море бездонно глубоко.
Взоры над морем уходят далеко.

Быстро корабль мой несется стрелой,
Парус вздувается белый;
Вот и навстречу корабль нам другой
Ветру противится смело.
Добрый же путь вам к родимому краю!
Кланяйтесь дома, а я уезжаю.

Тускло сквозь сереньких тучек
Месяц глядит с небес,
Тянется возле дороги
Длинный еловый лес.

Снег навалился на ветви,
Мрак в глубине лесной;
Кони мои приустиали,
Дремлет ямщик седой.

Помню, давно я здесь ехал
В светлой ночной тиши,
Ехал я к близким мне людям,
Пел соловей в глуши.

ВЕСНОЮ

Брожу я по лесу тропкою каменистой:
Трепещут и блестят в ветвистой вышине
Зеленые листы под влагою росистой,
И сосен молодых дух свежий и смолистый
В весеннем воздухе отрадно веет мне;
Пчела жужжит, и ранний луч денницы
Встречают песнями ликующие птицы.

Схожу я к берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю — внизу река клокочет и шумит,
За нею озимей спокойные равнины
С их юной зеленью... Все нежные картины!
И сколько счастливый, и сколько ясный вид,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую в себе раздолье молодое.

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги —
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!

Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свежает с шепотом пожелклые листы.
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Та память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое и прошлые мечты.

И.С. ТУРГЕНЕВ

ОСЕНЬ

Как грустный взгляд, люблю я осень.
В туманный, тихий день хожу
Я часто в лес и там сижу —
На небо белое гляжу
Да на верхушки темных сосен.
Люблю, кусая кислый лист,
С улыбкой развалясь ленивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятлов тонкий свист.
Трава завяла вся... холодный,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какие
Меня мечты не посетят?
А сосны гнутся, как живые,
И так задумчиво шумят...
И, словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер налетит
И в сучьях спутанных и темных
Нетерпеливо прошумит.

ЦВЕТОК

Тебе случилось — в роще темной,
В траве весенней, молодой
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один — в стране чужой).

Он ждал тебя — в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

И ты срываешь стебель зыбкий.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.

И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом — всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он выросал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
К соседству сердца твоего.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей,
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой,
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.
Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь, обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

ГРОЗА ПРОМЧАЛАСЬ

Гроза промчалась низко над землею...
Я вышел в сад; затихло всё кругом
Вершины лип облиты мягкой мглою,
Обагрены живительным дождем.

А влажный ветер на листья тихо дышит...
В тени густой летает тяжкий жук;
И, как лицо заснувших томно пышет,
Пахучим паром пышет темный луг.

Какая ночь! Большие, золотые
Зажглися звезды... воздух свеж и чист;
Стекают с веток капли дождевые,
Как будто тихо плачет каждый лист.

Зарница вспыхнет... Поздний и далекий
Примчится гром — и слабо прогремит...
Как сталь блестит, темнея, пруд широкий,
А вот и дом передо мной стоит.

И при луне таинственные тени
 На нем лежит недвижно... вот и дверь;
 Вот и крыльцо — знакомые ступени...
 А ты... где ты? что делаешь теперь?

Упрямые, разгневанные боги,
 Не правда ли, смягчились? и среди
 Семьи твоей забыла ты тревоги,
 Спокойная на любящей груди?

Иль и теперь горит душа больная?
 Иль отдохнуть ты не могла нигде?
 И всё живешь, всем сердцем изнывая,
 В давно пустом и брошенном гнезде?

К***

Через поля к холмам тенистым
 Промчался ливень... Небо вдруг
 Светлеет... Блеском водянистым
 Блестит зеленый, ровный луг.
 Гроза прошла... Как небо ясно!
 Как воздух звучен и душист,
 Как отдыхает сладострастно
 На каждой ветке каждый лист!
 Оглашено вечерним звоном
 Раздолье мирное полей...
 Пойдем гулять в лесу зеленом,
 Пойдем, сестра души моей,
 Пойдем, о ты, мой друг единый,
 Любовь последняя моя,
 Пойдем излучистой долиной
 В немые, светлые поля.
 И там, где жатва золотая
 Легла волнистой полосой,
 Когда заря взойдет, пылая,
 Над успокоенной землей, —
 Позволь сидеть мне молчаливо
 У ног возлюбленных твоих...

Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих...

Брожу над озером... Туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.

Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина...
И дышит холодом и ленью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днем, —
Когда же ты заснешь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном?

А.Н. ПЛЕЩЕЕВ

ВЕЧНА

Und Freud' und Wonne
 Aus jeder Brust!
 O Erd', o Sonne!
 O Clück, o Lust!¹

Геме

В старый сад выхожу я, росинки
 Как алмазы на листьях горят;
 И цветы мне головкой кивают,
 Разливая кругом аромат.

Всё влечет, веселит мои взоры:
 Золотая пчела на цветке,
 Разноцветные бабочки крылья
 И прыжки воробья на песке.

Как ярка эта зелень деревьев!
 Купол неба так чист и глубок!
 И брожу я, восторгом объятый,
 И слеза застилает зрачок.

За оградой садовой чернеет
 Полоса взбороненной земли,
 И покрытые соснами горы
 Поднимаются к небу вдали.

Как любовью и радостью дышит
 Вся природа под вешним лучом,
 И душа благодарная чует
 Здесь присутствие бога во всем!

¹И радость и блаженство в каждой груди!

О земля, о солнце!

О счастье, о веселье! (нем.). — *Ред.*

Снова крепнут дремавшие силы;
 Новой жизни приходит пора,
 И становится всё так возможным,
 Что мечтою казалось вчера!

Как прекрасна весна! Миллионы
 Ей навстречу звучат голосов,
 И в моем воскресающем сердце
 Ей привет вдохновенный готов!

ЗИМНЕЕ КАТАНЬЕ

Зимней ночью при луне
 Я душе твоей раскрою
 Все, что ясно будет мне.
Фет

Посмотри, на небе звезды,
 Снег блистает серебром,
 Едем, друг мой... ночью зимней
 Мчаться весело вдвоем.

Полетит как птица тройка,
 Колокольчик зазвенит,
 И раскинется пред нами
 Бесконечной степи вид.

Все, что сердце днем тревожит:
 И забот докучных рой,
 И судьбы насмешки злые —
 Все забудем мы с тобой.

И пускай перенесемся,
 Обаяния полны,
 В мир волшебных пестрых сказок
 Нашей доброй старины.

Будем думать, что в хрустальный
Ты дворец заключена,
Что тебя я похищаю
От седого колдуна...

Что мечом моим булатным
Сторож твой — косматый зверь —
Поражен, и мы с тобою
Птицы вольные теперь.

Право, этот мир чудесный
Лучше старого в сто крат:
Лучше козни чародеев,
Чем житейский наш разлад.

Едем! ждут за воротами
Сани, крытые ковром;
В небе месяц, в небе звезды,
Снег блистает серебром!

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых — тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей

Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,
Я сажусь в раздумье тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Всё, что истины пророки
Обещают нам вдали,
Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай!
Ты, мой садик! и почаще
На меня их навей.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

И мне когда-то было мило
Светило бледное ночей;
Так много грез оно будило
В душе неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влаге дремлющей реки,
Душа рвалась к неясной дали,
Полна неведомой тоски.

И было томное сиянье
Путеводителем моим,
Когда спешил я на свиданье,
Кипя восторгом молодым.

Прошли неясные стремленья
И поэтические сны!
Теперь иные впечатленья
Во мне луной порождены.

Досадно мне, что так бесстрастно,
С недостижимых высот,
Глядит она на мир несчастный,
Где лжи и зла повсюду гнет,

Где столько слабых и гонимых,
Изнемогающих от битв,
Где льется столько слез незримых
И скорбных слышится молитв!

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;

Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дожидаться
Света и тепла!

ОБЛАКА

Вот и гроза прошла, и небо просветлело;
Приветно солнышко на божий мир глядит,
Вся степь, как раннею весной, зазеленела;
И воздух свеж и чист, и птичка в нем звенит.

И на сердце давно так ясно не бывало;
В нем тихой радостью сменилась тоска:
Всё, чем оно томилось и страдало,
Как будто унесли с собою облака.

Но отчего ж порой, боязнью тайной мучим,
Всё устремляю вдаль я свой несмелый взгляд
И думаю, следя за облаком летучим,
Что старую печаль несет оно назад?

ВЕСНА

Песни жаворонков снова
Зазвенели в вышине.
«Гостя милая, здорово!» —
Говорят они весне.

Уж теплее солнце греет,
Стали краше небеса...
Скоро всё зазеленеет —
Степи, рощи и леса.

Позабудет бедный горе,
Расцветет душой старик...
В каждом сердце, в каждом взоре
Радость вспыхнет хоть на миг.

Выйдет пахарь на дорогу,
Взглянет весело вокруг;
Помолясь усердно богу,
Бодро примется за плуг.

С кротким сердцем, с верой сильной
Весь отдастся от трудам —
И пошлет господь обильный
Урожай его полям!

Природа-мать! к тебе иду
С своей глубокою тоскою;
К тебе усталой головою
На лоно с плачем припаду.

Твоих лесов немолчный шум
И нив златистых колыханье,
Лазурь небес и вод журчанье
Разгонят мрак гнетущих дум.

Пусть говорят, что ты к людской
Тоске и скорби безучастна,
Что исцеления напрасно
Ждать от тебя душе больной.

Нет, я не верю! с нами ты
Живешь одною жизнью полной;
Или зачем же ропщут волны
И грустно шепчутся листья?

Зачем же с неба хор светил
Земле так ласково сияет
И слезы чистые роняет
Роса на свежий дерн могил?

На все ответ в тебе найдет
Тот, кто с любовью бесконечной
К тебе и гнет тоски сердечной
И радость светлую несет.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученного сына,
Чтобы хотя на миг единый
Сошла мне в душу благодать!

Чтобы с тебя я мог стряхнуть
И лжи и лени оковы
И с сердцем чистым, с силой новой
Опять пустился бодро в путь...

Да окрылит дух падший мой
Восторг могучими крылами;
Да буду мыслью и делами
Я верен истине одной!

ОТЧИЗНА

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то в дни моей умчавшей весны,
Манил меня чужбины берег дальный...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует все блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня неожиданно посетила...
И многое, чем душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
Но в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно-величавый;

Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы;

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! не пленишь ничем ты чуждый взор...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

ИЗ ЛЕТНИХ ПЕСЕН

1

Запах розы и жасмина,
Трепет листьев, блеск луны...
Из открытых окон льется
Песня южной стороны...

И томят и нежат душу
Эта ночь и песня мне;
Что затихло, что заснуло —
Снова будят в ней оне.

И неожиданно встрепенулась
Вереница давних грез;
А казалось, что навеки
Эти грезы рок унес;

И что всё, чем в молодые
Дни душа была полна,
Поглотила невовратно
Жизни мутная волна!

Но опять потухший пламень
Загорается в крови,
И опять раскрылось сердце
Для восторга и любви!

Пахнут розы и жасмины,
Серебримые луной...
И поет, поет о счастье
Чей-то голос молодой!..

2

И вот шатер свой голубой
Опять раскинула весна;
Окроплены луга росой,
И серебристой полосой
Бросает свет на них луна.

Светла, как детский взор, река,
И ветви ив склонились к ней
Под гнетом легким ветерка;
И прилетел издалека
С звенящей трелью соловей...

Прекрасны вы, дары весны;
И горе бедным и больным,
Чьи очи горьких слез полны...
Такие ночи созданы
Для тех, кто счастлив и любим!

3

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избышки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,

Наше сердце ноет от тоски и горя,
 Что не видят взоры ни берез плакучих,
 Ни избушек этих сереньких, как тучи;
 Что же в них так сердцу дорого и мило?
 И какая манит тайная к ним сила?

ВЕСНА

Опять весной в окно мое пахнуло,
 И дышится отрадней и вольней...
 В груди тоска гнетущая заснула,
 Рой светлых дум идет на смену ей.

Сошли снега... Оковы ледяные
 Не тяготят сверкающей волны...
 И плуга ждут далекие, немые
 Поля моей родимой стороны.

О, как бы мне из этих комнат душных
 Скорей туда хотелось — на простор,
 Где нету фраз трескучих и бездушных,
 Где не гремит витий продажных хор.

В поля! в поля! знакомая природа
 К себе красой стыдливою манит...
 В поля! там песнь воскресшего народа
 Свободная и мощная звучит.

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
 В окно повеяло весною...
 Засвищут скоро соловьи,
 И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
 Теплей и ярче солнце стало,

Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

Теплый день весенний.
Солнышко блестит,
Птичка, заливаясь,
В поле всех манит

Улицы, бульвары
Запрудил народ,
Пестрыми толпами
За город идет.

Праздничные лица
Радостно глядят;
Редко, редко встретишь
Невеселый взгляд.

Славно всем живется,
Так легко, что нет
У толпы нарядной
Ни забот, ни бед.

Только мне с тоскою
Справиться невмочь,
Как ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Где б я ни был — всюду
Шепчет мне она:
«А твоя навеки
Отцвела весна!»

Зашумит ли в роще
Яркая листва,
Мне и в этом шуме
Слышатся слова:

«Нечего от жизни
Ждать тебе. Твой путь
Пройден, — не пора ли
Навсегда уснуть?»

И когда сойдешь ты
В землю — над тобой
Зеленеть мы будем
Каждою весной!»

Е.П. РОСТОПЧИНА

ДВОЙНЫЕ РАМЫ

Ich aber lieb' euch all':
Rose, Schmetterling, Sonnenstrahl,
Abendstern und Nachtigall!

*H. Heine*¹

Примета скучных зимних дней,
Снегов, морозов предвещанье,
Двойные рамы здесь!.. Скорей
Пошлю я лету взор прощанья!

Теперь в окно издалека
Не слышу шум реки ленивой,
Лесные звуки, песнь рожка
И листьев шорох торопливый.

Двойные рамы вложены!..
И одиночества страданья
Еще живей средь тишины
Ненарушимого молчанья.

Отныне слеп и глух наш дом,
Нет с жизнью внешней сообщенья...
Он загражден — как будто в нем
Кто дал обет уединенья.

Под мертвой тяжестью зимы,
Без воздуха, в глуши печальной
Мне веет сыростью тюрьмы,
Затвором кельи погребальной.

И как здесь мрачно, как темно!..
Хоть солнце в небе загорится,

¹Но я люблю вас всех: розу, бабочку, солнечный луч, вечернюю звезду и соловья! *Г. Гейне* (нем.). — *Ред.*

Сквозь стекла тусклые оно
Ко мне лучом не заронится.

Хоть улыбнется ясный день,
Гость мимолетный, запоздалый,
Он не рассеет мглу и тень
В моей светлице одичалой.

Ни щебетанье воробья,
Ни песни иволги пустынной
Достичь не могут до меня,
Чтоб сократить мне вечер длинный.

Со всей природою разрыв
Мне на полгода уготован,
И только дум моих порыв
Не замедлён и не окован.

В МАЙСКОЕ УТРО

Скорей гардины поднимите,
Впустите солнышко ко мне,
Окошко настезь отворите
Навстречу утру и весне!

Он прилетел, наш гость желанный,
Он улыбнулся, светлый май!
Всей жизнью нам, благоуханный,
Твори, и грей, и воскрешай!

Пора!.. Смотри, в природе целой
Всё ждет тебя, зовет к тебе...
Изнемогла и помертвела
Она со стужею в борьбе.

В уничтожающих объятях
Всеразрушающей зимы,
В напрасном ропоте, в проклятьях
Изнемогаем тоже мы.

Ты, голос ласточке дающий,
Подснежнику дающий цвет, —
Дух божий, жизни дух могущий, —
Ты не забудешь нас, о нет!..

Дающий всякому дыханью
Что нужно естеству его, —
Внуши разумному созданию,
Что для него нужней всего.

Расширь на смелое стремленье
Крыло незримое души
И в битве жизненной терпенье
И силу воли нам внуши!

Е.П. ГРЕБЕНКА

СТЕПЬ

М. Дан. Селецкой

Я был в степи. Кругом, как море, широко
Земля раскинулась, от взора убегая.
Всё тихо, всё мертво, всё степь да степь нагая,
Да небо над землей безбрежно высоко.
Хоть ветер бы дохнул, пустыню оживляя!
И грустно стало мне в пустынной тишине;
Тоска сдавила грудь... Вдруг песня надо мною!
Я радостно гляжу: в лазурной вышине
Певице божия промчалась над землею,
И — смолкло всё опять. Но песню эту я
До гроба сохраню в душе моей, друзья!

Опять передо мной знакомые поля,
И села мирные с цветущими садами,
И речки тихие, и песни соловья,
И степи вольные, покрытые цветами.

Все так же, как в былые дни,
Безбрежно тянутся зеленые поляны,
И степью голою несутся табуны,
И одинокие стоят курганы.

Везде звучит Украины язык,
И песня родины так сладостно-уныла...
Со мной опять все то, к чему я так привык,
Что сердце так тепло из детства полюбило.

М.А. СТАХОВИЧ

ОСЕНЬ

Опять обнажены широкие поля!
Желтеет озимей щетинистое жниво,
Рыхла становится двоёная земля,
И лёгко пашется засеянная нива.

Давно ли солнце жгло и летний день горел,
Гречиха, белая как кипень, побурела,
Овес завесистый как жемчуг забелел
И рожь, высокая, поникнувши, шумела.

Звуча прошла коса, досужие серпы
С зари и до зари колосья пожинали,
Ряды ложились, вязались снопы,
И копны, как стада, несметные стояли.

И говором вся степь была оживлена;
Работа дружная и шумная кипела.
И песня косарей, раскатиста, звучна,
Далёко по заре лилася и звенела.

Теперь замолкло всё. Снопы в скирдах лежат,
Опять на целый год мы сыты и богаты.
И на току цепи и ладят, и стучат,
И веское зерно дождем летит с лопаты.

В селе на улицах собирается народ,
Досужий селянин управился с полями,
И снова он живет без дум и без забот,
Огородив гумно высокими валами.

Теперь пора! Густой уж стелется туман,
Давно желанный день, ненастный, наступает.
Лист падает шумя и на простор полян
Зверей испуганных из леса выгоняет.

Сонливый заяц лег беспечно в озимях.
Теперь пора, друзья! Донских коней седлайте,

И гончих и борзых на сворах, на смычках
Ведите стаями и в поле выезжайте.

Теперь-то мы пройдем и вдоль, и поперек
Овраги и бугры, и доли, и равнины,
Услышим звонкий лай, ловцов ревуций рог.
И, стоя на краю зияющей стремнины,

Мы будем зверя ждать. Вот ближе всё звучит
Гоньба согласная ватаги меж кустами,
И, уши наострив, ученый пес дрожит...
Но заяц сверкнул и покатила полями.

«Ух-ух!» Теперь к нему! Он вышел на простор!
И стая пестрая равниной поскакала!
Победа! И пойдет обычный разговор:
Чья свора угнала и чья его поймала.

И так проходит день. Далеко от домов
Осенний вечер нас на поле настигает.
На западе пожар зарниц и облаков
Багровым полымем полнеба обнимает.

Туман как серый волк над жнивьями лежит!
Дымится сизый пар, трепещет глушь седая,
И зелень яркая, озимая, блестит,
Морозу крепкого и снега ожидая.

Люблю я этот час погаснувшего дня!
Привал; верховый конь сменяется телегой;
И, поле кончивши, отрадно для меня
Добраться наконец желанного ночлега,

Намаявшись в полях в охотой день-деньской,
К соседу завернуть и сесть у самовара,
Где легкий спор идет за чашей круговой
И весело звучит старинная гитара.

Отрадно тут пожить от шума вдалеке,
Обычай прадедов и простоту усвоя,
И наблюдать в тиши, в безвестном уголке,
Довольство русского домашнего покоя.

Ю.В. ЖАДОВСКАЯ

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА

Как хорошо! В безмерной высоте
Летят рядами облака, чернея...
И свежий ветер дует мне в лицо,
Перед окном цветы мои качая;
Вдали гремит, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется...
Как хорошо! Перед величием бури
Души моей тревога утихает.

ВЕЧЕР

Повсюду тишина: природа засыпает
И звезды в высоте так сладостно горят!
Заря на западе далеком потухает,
По небу облачка едва-едва скользят.
О, пусть душа моя больная насладится
 Такою же отрадной тишиной!
 Пусть чувство в ней святое загорится
 Вечернею блестящею звездой!
Но отчего я так тоскую и страдаю?
Кто, кто печаль мою поймет и усладит?
Я ничего теперь не жду, не вспоминаю;
Так что ж в моей душе?.. Вокруг меня всё спит;
Ни в чем ответа нет... лишь огненной чертою
Звезда падучая блеснула предо мною.

НИВА

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру —
Словно в синем море —

Волны так и ходят,
Ходят на просторе,
Над тобою с песней
Жаворонок вьется,
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую!..

ТУЧА

Ты на край небосклона далекий
Посмотри — там собирается туча,
То предвестница бури жестокой,
И грозна, и темна, и могуча.

Набежит, пролетит! — беспощадно
Разрушенье прольет на пути;
Много жертв унесет она жадно,
Многим силы ее не уйти.

Пронесется бедою бывалой,
Смоет хижины бедных людей,
Вырвет с корнем деревьев немало,
Потрясет и дворцы богачей...
Но зато, что останется цело
После этой грозы роковой,
Может жить и покойно, и смело,
Наслаждаясь благой тишиной,

И очищенным воздухом вволю
Обновленную грудью дышать, —
И во всем божьем мире на долю
По желанью себе выбирать...

И.С. АКСАКОВ

НОЧЬ

Спустилась ночь в убранстве звездном,
И, дольних чуждые страстей,
Как бы зажглись по синим безднам
Тьмы зорких, мыслящих очей.
Мир опочил. Едва колышет
Листы ветвей; кругом дрема
И сон...

Лишь ночь не спит сама,
Живет и мощно, мерно дышит,
И чутко землю сторожит,
Всё вещим таинством объемлет,
И всё невидимое зрит,
Неизглаголанному внемлет!
Беззвучный хор во мгле ведет...
И внятна сердцу песнь ночная,
И мнится — с горних тех высот
Зияет правда неземная!..

Среди цветов поры осенней,
Видавших вьюгу и мороз,
Вдруг распустился цвет весенний —
Одна из ранних алых роз.
Пахнуло вдруг дыханьем мая,
Блеснуло солнцем вешних дней,
И мнилось — гостя дорогая
Мне принесла, благоухая,
Привет из юности моей!..

Люблю я зимний, красный день:
Он гонит прочь покой и негу;
Люблю глядеть, когда по девственному снегу,
По ярко-белому, слегка ложится тень!

Смотри, как на краю дороги, здесь, на правом,
 Нас отражает солнца свет,
 И наша тень, в размере величавом,
 С повозкой, с ямщиком за нами скачет вслед.
 Деревья снежною опушены одеждой,
 И синева прозрачна и ясна,
 И воздух чист, — и грудь надеждой
 И чувством юных сил полна!
 По ровному пути несешься; вместо крылий
 Полозья гладкие скользят
 Легко, подвижно, без усилий,
 И искры снежные по сторонам летят,
 Блестя на солнце. Под ногою
 Хрустит мороз. А там, недалеко,
 Над каждою избой, над каждою трубою,
 Синее дымный столб: сначала высоко,
 Всё прямо, прямо поднимаясь,
 Потом меняя стройный ход,
 Ложится косвенно и, в облако сливаясь,
 Теряется. Роскошный неба свод,
 И в белом образе прекрасная природа
 И лица свежие и бодрые народа —
 Все веселит меня. Как рад я, боже мой,
 Что от искусственной, условной жизни нашей
 Могу прибежище свободнее и краше
 Найти в природе русской и простой!

ЗИМА

Снова путь лежит привольный,
 В снег оделися поля,
 Облеклась в тулуп нагольный
 Православная земля!
 Приосанилась с морозом,
 Подтянулась кушаком,
 Промышлять пошла извозом,
 До весны покинув дом, —
 И пройдет, пройдет обозом
 Вдоль и вширь, всю Русь кругом!

К.К. ПАВЛОВА

МОТЫЛЕК

Чего твоя хочет причуда?
Куда, мотылек молодой,
Природы блестящее чудо,
Взвился ты к лазури родной?
Не знал своего назначения,
Был долго ты праха жилец;
Но время второго рожденья
Пришло для тебя наконец.
Упейся же чистым эфиром,
Гуляй же в небесной дали,
Порхай оживленным сапфиром,
Живи, не касаясь земли. —

Не то ли сбылось и с тобою?
Не так ли, художник, и ты
Был скован житейскою мглою,
Был червем земной тесноты?
Средь грустного так же бессилья
Настал час урочный чудес:
Внезапно расширил ты крылья,
Узнал себя сыном небес.
Покинь же земную обитель
И участь прими мотылька;
Свободный, как он, небожитель,
На землю гляди с высока!

Небо блещет бирюзою,
Золотисты облака;
Отчего молодой весною
Разлилась в груди тоска?

Оттого ли, что, беспечно
Свежей радостью дыша,

Мир широкий молод вечно,
И стареет лишь душа?

Что всё живо, что всё цело, —
Зелень, песни и цветы,
И лишь сердце не сумело
Сохранить свои мечты?

Оттого ль, что с новой силой
За весной весна придет
И над каждой могилой
Равнодушно расцветет?

К ужасающей пустыне
Приведен путем своим,
Что мечтою ищет ныне
Утомленный пилигрим?

В темноте полярной ночи,
Позабыт и одинок,
Тщетно ты вперяешь очи
На белеющий восток.

Тщетно пышного рассвета
Сердце трепетное ждет:
Пропадет денница эта,
Это солнце не взойдет!

Воеет ветер в степи огромной,
И валится снег.
Там идет дорогой темной
Бедный человек.

В сердце радостная вера
Средь кручины злой,
И нависли тяжко, серо
Тучи над землей.

Умолк шум улиц, — поздно;
Чернеет неба свод,
И тучи идут грозно,
Как витязи в поход.

На темные их рати
Смотрю я из окна, —
И вспомнились, некстати,
Другие времена.

Те дни — их было мало, —
Тот мимолетный срок,
Когда я ожидала
И слышался звонок!

Та повесть без развязки!
Ужель и ныне мне
Всей этой старой сказки
Забывать нельзя вполне?

Я стихла, я довольна,
Безумие прошло;
Но всё мне что-то больно,
И что-то тяжело.

А.А. ФЕТ

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечерующим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и холодной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,

И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватается холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

В степной глуши, над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие пловучие цветы.

Они манят и свежестью пугают.
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забыться как-нибудь.
Твоей души мне глубина заветна:
В свою судьбу боюсь я заглянуть.

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавном зное.
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом;
Лишь соловьишки робких чад
Хриплым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

Дух всюду сущий и единый.
Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю солнцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

Всё, всё мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отраднo и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.

Сюда! сюда! не рабство здесь природе —
Она сама здесь верная раба.

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станцией тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!

Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

Опять незримые усилия,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча и изливаясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась на море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальном колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье,
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле

Перекаати-поле
Прыгает как мяч.

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаниям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день бысролетный сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.

Расцвести в надежде неуклонной —
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаяй за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь занять,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

Ветер злой, ветер крутой в поле
Заливается,
А сутроб на степной воле
Завивается.

При луне на версте мороз —
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.

Под дубровым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —

И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птица
Стряхнут красу ветвей.

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Присяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я, —
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, — замолчу я,
И — пошел куда ни будь!

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,

Шумный день свои дозоры
И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня.

Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

Буря на небе вечером,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглись
И жуют волы,
Звезды частые зажглись
По навесу мглы.

Только выше все всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день.

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

ЦВЕТЫ

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,

В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, —
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то все весной живет!
В роще, в поле
Все трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, —
Придут с песнью на устах
Наши дети;

А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И все таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесет!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей оваяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унижена росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, —
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блитали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, — ставши в тесный круг, красавицы шептали...
«Эллада!» — слышалось мне часто в тишине.

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.

Долго будет утомленный
Спать с Фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То принет, то отхлынет прочь.

Всё раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

ПОСЛЕ БУРИ

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. —
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастьем
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,

Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос леса прожитого
Яснее понимаем мы.

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!

Хоть на заре, хотя мгновенно
Средь набежавших туч видна,
Она так явно, так нетленно
На небе теплилась одна.

Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней

В степи, с речного поворота,
С ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоём саду, в твоём пруде.

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листья!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоныше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,

Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,
Твое дыхание я слышу.

У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.

Потянет блеск ее лучей
И полночь с песнию своею,
Но что горит в груди моей —
Тебе сказать я не умею.

Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,

Эти горы, эти доли,
 Эти мошки, эти пчелы,
 Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
 Этот вздох ночной селенья,
 Эта ночь без сна,
 Эта мгла и жар постели,
 Эта дробь и эти трели,
 Это всё — весна.

Целый мир от красоты,
 От велика и до мала,
 И напрасно ищешь ты
 Отыскать ее начало.

Что такое день иль век
 Перед тем, что бесконечно?
 Хоть не вечен человек,
 То, что вечно, — человечно.

А.А. ГРИГОРЬЕВ

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В создання стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосоздания.

НОЧЬ

Немая ночь, сияют мириады
Небесных звезд — вся в блесках синева:
То вечный храм зажег твои лампы
Во славу божества.

Немая ночь, — и в ней слышнее шепот
Таинственных природы вечной сил:
То гимн любви, пока безумный ропот
Его не заглушил.

Немая ночь; но тщетно песнь моления
Больному сердцу в памяти искать...
Ему смешно излить благословенья
И страшно проклинать.

Пред хором звезд невозмутимо-стройным
 Оно судьбу на суд дерзнет ли звать,
 Или своим вопросом беспокойным
 Созданье возмущать?

.....

О нет! о нет! когда благословенья
 Забыты им средь суетных тревог,
 Ему на часть, в час общий примиренья,
 Послал забвенье бог.

Забвение о том, что половиной,
 Что лучшей половиною оно
 В живую жертву мудрости единой
 Давно обречено...

Я.П. ПОЛОНСКИЙ

ЖНИЦЫ

Пой, пой, свирель!.. Погас последний луч денницы...
Вон, в сумраке долин, идут толпами жницы,
На месяце блестят и серп их и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится под ногами,
Корзины их шумят тяжелыми снопами,
Далеко звонкие их слышны голоса...
Идут... прошли... чуть слышно их... Бог с ними!
Я жду ее одну, с приветом на устах,
В венке из полевых цветов, с серпом в руках,
Обремененную плодами золотыми...
Пой, пой, свирель!..

СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит Месяц?» —
Робко он меня спросил.

В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему Господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Все задремлет, все заснет».

И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной.

Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай — и поутру
Приходи и дай мне знать».

Солнце спит, а Месяц ходит,
 Сторожит земли покой.
 Завтра ж рано-рано к брату
 Постучится брат меньшей.

Стук-стук-стук! — отворят двери.
 «Солнце, встань — грачи летят,
 Петухи давно пропели —
 И к заутрене звонят».

Солнце встанет, Солнце спросит:
 «Что, голубчик, братец мой,
 Как тебя господь-бог носит?
 Что ты бледен? что с тобой?»

И начнет рассказ свой Месяц,
 Кто и как себя ведет.
 Если ночь была спокойна,
 Солнце весело взойдет.

Если ж нет — взойдет в тумане,
 Ветер дунет, дождь пойдет,
 В сад гулять не выйдет няня
 И дитя не поведет.

ВЕЧЕР

Зари догорающей пламя
 Рассыпало по небу искры,
 Сквозит лучезарное море;
 Затих по дороге прибрежной
 Бубенчиков говор нестройный,
 Погонщиков звонкая песня
 В дремучем лесу затерялась,
 В прозрачном тумане мелькнула
 И скрылась крикливая чайка.
 Качается белая пена
 У серого камня, как в люльке
 Заснувший ребенок. Как перлы,
 Росы освежительной капли

Повисли на листьях каштана,
И в каждой росинке трепещет
Зари догорающей пламя.

ТИШЬ

Душный зной над океаном,
Небеса без облаков;
Сонный воздух не колышет
Ни волны, ни парусов.
Мореплаватель, сердито
В даль пустую не гляди:
В тишине, быть может, буря
Притаилась, погоди!

Посмотри — какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке раки
Тускло озеро блестит.
Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит
И, сквозя, на все наводит
Фосфорический свой луч.

ТЕНИ

По небу синему тучки плывут,
По лугу тени широко бегут;
Тени ль толпой на меня налетят —
Дальние горы под солнцем блестят,
Солнце ль внезапно меня озарит —
Тень по горам полосами бежит.

Так на душе человека порой
Думы, как тени, проходят толпой;
Так иногда вдруг тепло и светло
Ясная мысль озаряет чело.

ПТИЧКА

Пахнет полем воздух чистый...
В безмятежной тишине
Песни птички голосистой
Раздаются в вышине.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней приют ночной,
Средь некошеного луга,
Под росистой травой.

В небесах, но не для неба,
Вся полна живых забот,
Для земли, не ради хлеба,
Птичка весело поет.

Внемя ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

ВЕСНА

Воротилась весна, воротилась!
Под окном я встречаю весну.
Просыпаются силы земные,
А усталого клонит ко сну.

И напрасно черемухи запах
Мне приносит ночной ветерок;
Я сижу и тружусь; сердце плачет,
А нужда задает мне урок.

Ты, любовь — праздной жизни подруга, —
Не сумела ужиться с трудом...
Со слезами со мной ты простилась —
И другим улыбнулась тайком...

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

ЗВЕЗДЫ

Посреди светил ночных,
 Далеко мерцающих,
 Из туманов млечными
 Пятнами блуждающих
 И переплывающих
 Небеса полярные,
 Новые созиждутся
 Звезды светозарные.

Так и вы, туманные
 Мысли, тихо носитесь,
 И неизъяснимые
 В душу глухо проситесь,
 Так и вы над нашими
 Темными могилами
 Загоритесь некогда
 Яркими светилами.

ТУМАН

Какой туман! ни солнца нет, ни тучи!
 Деревья облеклись в какой-то дым пловучий;
 И тянется сырой, бревенчатый забор
 Вдоль грязной улицы, обманывая взор...
 Вот нашей осени унылая картина!
 Нет, что ни говори, здесь грустно без хлопот;
 Меня здесь под ярмо сама природа гнет...
 Недаром — эта блажь, бессонница, кручина,
 Холодный сон души или страстей обман,
 Иль робость школьника, который перед носом
 Учителя стоит, запуганный вопросом;
 Недаром иногда сквозь сеющий туман
 Все, чем жила душа, мне кажется хаосом.
 О, где ты? где, покинутая мной
 В те дни, когда я жил не сердцем, а мечтой
 И к подвигам себя берег в часы досуга? —
 Откликнись! воротись, утешь названьем друга! —
 Но — я на севере, а ты под солнцем юга —
 И мой тяжелый вздох к тебе не долетит.

НА ЖЕНЕВСКОМ ОЗЕРЕ

На Женевском озере
Лодочка плывет —
Едет странник в лодочке,
Тяжело гребет.
Видит он по злачному
Скату берегов
Много в темной зелени
Прячется домов.
Видит — под окошками
Возле синих вод
В виноградном садике
Красный мак цветет.
Видит — из-за домиков,
В вековой пыли,
Колокольни серые
Подняли шпили,
А за ними — вечные
В снежных пеленах
Выси допотопные
Тонут в облаках.
И душой мятежною
Погрузился он
О далекой родине
В неотвязный сон —
У него на родине
Ни озер, ни гор,
У него на родине
Степи да простор.
Из простора этого
Некуда бежать,
Думы с ветром носятся,
Ветра не догнать.

В дни, когда над сонным морем
Духота и тишина,
В отуманенном просторе
Еле движется волна.

Если ж вдруг дохнет над бездной
Ветер грозен и могуч,
Закипит волна грознее
Надвигающихся туч...

И помчится, точно в битву
Разъяренный шпорой конь,
Отражая в брызгах пены
Молний солнечный огонь.

И рассыпавшись о скалы,
Измнет у берегов
Раскачавшиеся перья
Прошумевших тростников...

У ОКНА

...И вижу я в окно, как душу холодящий
Отлив зелено-золотой,
В туманную лазурь переходящий,
Объемлет неба свод ночной.

Далекая звезда мелькает точкой белой —
И в небе нет других светил.
Громадный город спит, в беспутстве закоснелый,
И бредит, как лишенный сил...

Мысль ищет выхода — ее пугает холод,
Она мне кажется мечтой,
И не найдут ее, когда проснется город
С его бездушной суетой.

НА ЗАКАТЕ

Вижу я, сизые с золотом тучи
Загромоздили весь запад; в их щель
Светит заря, — каменистые кручи,
Ребра утесов, березник и ель
Озарены вечеряющим блеском;
Ниже — безбрежное море. Из мглы

Темные скачут и мчатся валы
С неумолкаемым гулом и плеском.

К морю тропинка в кустах чуть видна,
К морю схожу я, и —
Здравствуй, волна!
Мне, охлажденному жизнью и светом,
Дай хоть тебя встретить теплым приветом!..

Но на скалу набежала волна —
Тяжко обрушилась, в пену зарылась
И прошумела, отхлынув назад:
— Новой волны подожди, — я разбилась...

Новые волны бегут и шумят, —
То же, все то же я слышу от каждой...
Сердце полно бесконечною жаждой —
Жду, — все темно — погасает закат...

(ГИПОТЕЗА)

Из вечности музыка вдруг раздалась,
И в бесконечность она полилась,
И хаос она на пути захватила, —
И в бездне, как вихрь, закружились светила:
Певучей струной каждый луч их дрожит,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку божью,
Кто разумом светел, в ком сердце горит.

Любя колосьев мягкий шорох
И ясную лазурь,
Я не любил, любясь нивой,
Ни темных туч, ни бурь...
Но налетела туча с градом,
Шумит-гремит во мгле;
И я с колосьями, как колос,
Прибит к сырой земле...

К сырой земле прибит — и стыну,
Холодный и немой,
И уж не все ль равно мне — солнце
Иль туча надо мной?!

В ЗАСУХУ

Все жаждет, истомясь от зною;
Все вопиет: дождя, дождя!
И рады все, что солнце мглою
Покрылось, сумрак наводя.

Влачится туч густых завеса.
Грозя нам ливнем и пыля;
Из-за синеющего леса
Прохладой веет на поля.

Шуршит соломой рожь сухая,
Пыль зарывается в кусты, —
И только капля дождевая
Одна спадает с высоты.

Дождя, дождя!.. Ужель обманут
Нас громовые голоса,
С земли колосья не привстанут
И не омоются леса?

Увы! Грозы насмешка злая,
Громовый хохот над землей!..
К чему нам капля дождевая!
Что значит капля в этот зной!..

Молниеносной тучи глыба
Перевалила за леса, —
Никто не скажет ей спасибо,
С упреком глядя в небеса.

Ушла!.. Но где над злом победа?
В чем торжество? Все тот же зной... —
И не осталось даже следа
От бедной капли дождевой...

А.Н. МАЙКОВ

КАРТИНА ВЕЧЕРА

Люблю я берег сей пустынный,
Когда с зарею лоно вод
Его, ласкаясь, обоймет
Дугой излучистой и длинной.
Там в мелководье, по песку,
Стада спустилися лениво;
Там темные сады в реку
Глядятся зеленой стыдливой;
Там ива на воды легла,
На вервях мачта там уснула,
И в глади водного стекла
Их отраженье потонуло.

ЭХО И МОЛЧАНИЕ

Осень срывала поблекшие листья
С бледных деревьев, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящего льда...
Грустный, блуждая в лесу обнаженном,
В чаще глубокой под дубом и елью
Мирно уснувших двух нимф я увидел.
Ветер играл их густыми власами,
Веял, клубил их зеленые ризы,
Нежно их жаркие лица лобзая.
Вдруг за горами послышался топот,
Лаянье псов и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумом испугана, в чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
С хохотом резким, с пригорка к пригорку,
С холма на холм, из лощины в лощину
Быстро кидалась, и вот, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лесу голос ее повторялся.

ПРИЗЫВ

Уж утра свежее дыханье
 В окно прохладой веет мне.
 На озаренное созданье
 Смотрю в волшебной тишине:
 На главах смоляного бора,
 Вдали лежащего венцом,
 Восток пурпуровым ковром
 Зажгла стыдливая Аврора;
 И, с блеском алым на водах,
 Между рядами черных елей,
 Залив почиет в берегах,
 Как спит младенец в колыбели;
 А там, вокруг хólма, где шумит
 По ветру мельница крылами,
 Ручей алмазными водами
 Вкруг яркой озими бежит...
 Как темен свод дерев ветвистых!
 Как зелен бархат луговой!
 Как сладок дух от сосн смолистых
 И от черемухи молодой!
 О други! в поле! Силой дивной
 Мне утро грудь животворит...
 Чу! в роще голос заунывный
 Весенней иволги гремит!

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Откуда ты, о ключ подгорный,
 Катишь звенящие струи?
 Кто вызвал вас из бездны черной,
 Вы, слезы чистые земли?
 На горных главах луч палящий
 Кору ль лдяную растопил?
 Земли ль из сердца ключ шипящий
 Истоки тайные пробил?
 Откуда б ни был ты, но сладко
 В твоих сверкающих зыбях
 Дремать наяде иль украдкой

Свой лик купать в твоих водах;
 Отрадно пастырям долины
 У вод твоих в свой рог играть
 И девам звонкие кувшины
 В студеной влаге погружать.
 Таков и ты, о стих поэта!
 Откуда ты? и для кого?
 Тебя кто вызвал в бездну света?
 Кого ты ищешь средь него?
 То тайно всем; но всем отрадно
 Твоей гармонии внимать,
 Любить твой строй, твой лепет складный,
 В тебе усладу почерпать.

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
 Из хижин ранний дым разносится клубами
 В янтарном зареве пылающих небес.
 В раздумии глядит на обнаженный лес,
 На дома, крытые ковром молодого снега,
 На зеркало реки, застынувшей у берега,
 Светила дневного кровавое ядро.
 Отливом пурпурным блестит снегов сребро;
 Иглистым инеем, как будто пухом белым,
 Унизана кора по ветвям помертвелым.
 Люблю я сквозь стекла блистательный узор
 Картиной новою увеселять свой взор;
 Люблю в тиши смотреть, как раннею порою
 Деревня весело встречается с зимою:
 Там по льду гладкому и скользкому реки
 Свистят и искрятся визгливые коньки;
 На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
 Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
 Сухого хвороста худую сеть чинит,
 И сладостно ему вспомнить прежний быт,
 Взирая на стекло окованной пучины, —
 Про зори утренни и клики лебедины,
 Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
 И свой хранительный под ивами залив,

И про счастливый лов в часы безмолвной ночи,
Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь
И светят рыбаку свой невод подымать.

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе былом
И первые грезы
О счастье ином...

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Боже мой! Вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! Блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
 Спишь, малютка!.. О, постой!
 Я пойду нарву сирени
 Да холодную росой

Вдруг на сонную-то брызну...
 То-то сладко будет мне
 Победить в ней укоризну
 Свежей вестью о весне!

Поле зыблется цветами...
 В небе льются света волны...
 Вешних жаворонков пеня
 Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
 Не видать певцов за светом...
 Так надежды молодые
 Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
 Голоса их, я не знаю...
 Но, им внемля, взоры к небу,
 Улыбаясь, обращаю.

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкой лесною,
 Не зная сам куда, брести;
 Двойной глубокой колею
 Идешь — и нет конца пути...
 Кругом пестреет лес зеленый;
 Уже румянит осень клены,
 А ельник зелен и тенист;
 Осинник желтый бьет тревогу;
 Осыпался с березы лист
 И, как ковер, устал дорогу...
 Идешь, как будто по водам, —

Нога шумит... а ухо внемлет
 Малейший шорох в чаще, там,
 Где пышный папоротник дремлет,
 А красных мухоморов ряд,
 Что карлы сказочные, спят...
 Уж солнца луч ложится косо...
 Вдали проглянула река...
 На тряской мельнице колеса
 Уже шумят издалека...
 Вот на дорогу выезжает
 Тяжелый воз — то промелькнет
 На солнце вдруг, то в тень уйдет...
 И криком кляче помогает
 Старик, а на возу — дитя,
 И деда страхом тешит внука;
 А хвост пушистый опуска,
 Вкруг с лаем суетится жучка,
 И звонко в сумраке лесном
 Веселый лай идет кругом.

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
 Помят он, поломан и пуст,
 Хоть пышно еще доцветает
 Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
 И солнца осеннего блеск,
 И лист, что с березы спадает,
 И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
 Пустое гнездо над окном:
 В нем ласточек речи не слышу,
 Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
 Две ласточки, строя его!
 Как пруттики глиной скрепляли
 И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
 Как любо им было, когда
 Пять маленьких, быстрых головок
 Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
 Как дети, вели разговор...
 Потом полетели, летуньи!
 Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
 Они уж в иной стороне —
 Далеко, далеко, далеко...
 О, если бы крылья и мне!

Осенние листья по ветру кружат,
 Осенние листья в тревоге вопят:
 «Всё гибнет, всё гибнет! Ты черен и гол,
 О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
 Под темной лазурью суровых небес
 Его спеленали могучие сны,
 И зреет в нем сила для новой весны.

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
 Влажную землю в лесу....
 Смело топчу я ногой
 Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
 Любо в лесу мне бежать,
 Слышать, как сучья трещат,
 Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
 Лес с себя тайну совлек:

Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром среди мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рои шумят
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают;
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя
Скачет, лая впопыхах.

РАССВЕТ

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

Мой взгляд теряется в торжественном просторе...
Сияет ковыля серебряное море
В дрожащих радугах, — незримый хор певцов
И степь и небеса весельем наполняет,
И только тень порой от белых облаков
На этом празднике, как дума, пролетает.

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
Подымается с земли...
Что ж за звуки в серебристой
Всё мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
По степи от облаков,

Ряд проносится видений,
Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?..
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, татарченка качая,
Голос милым подает?..

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство ж вечное — лишь там.

Улыбки и слезы!.. И дождик и солнце!
И как хороша —
Как солнце сквозь этих сверкающих капель —
Твоя, освеженная горем, душа!

Н.Ф. ЩЕРБИНА

ЮЖНАЯ НОЧЬ

На раздольи небес светит ярко луна,
И листки серебрятся олив;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугом убирая залив.

Эта чудная ночь и темна, и светла,
И огонь разливает в крови;
Я мастику зажгла,
Я цветов нарвала:
Поспешай на свиданье любви!..

Эта ночь пролетит, и замолкнет волна
При сияньи бесстрастного дня,
И, заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!..

Заснул я в тени сикоморы,
Но видел ущелия скал,
На них опиралися горы,
Орел над горами летал,

И грозные тучи носились,
И буря ревела в горах,
И гибкою тростью клонились
Столетние дубы во прах...

И жаждал иной я свободы,
И жаждал иного венца
В объятиях бурной природы,
На лоне Зевеса-отца...

НА ЗАРЕ

Я не знаю другого моления,
Не скажу я другого привета:
Сохрани на лице выражение,
Что похоже на небо рассвета,
Полузрелых красот очертанье,
Полудетских речей лепетанье!

О сестра и подруга Авроры!
Не у ней ли румянец взяла ты,
Не у звезд ли похитила взоры,
Что таинственным светом богаты?..
Всё велениям жизни послушно —
Только ты к ним одна равнодушна.

На тебя я гляжу молодея...
Для меня ты богиня Природы,
И, здоровьем ее пламеня,
Ты полна ее детской свободы...
Ты и света, и тени сиянье,
И покой, и тревога желанья!

Эпизод «Одиссеи» читал я, —
Ты его полюбила и пела...
Но поэму когда б созерцал я
Твоего олимпийского тела —
Как художник, весь пыл наслажденья
Испытал бы я в эти мгновенья...

Отчего же стыдливости краской
Твои смуглые щеки покрыты
И за ласку не платишь мне лаской?..
Отвечай на призыв Афродиты,
На стремленья души молодые:
Да законы исполнятся Дия!

La nature est l'idée, sous forme d'extériorité.
A. Ott¹

ПРИРОДА

Привет мой, весна!.. Я с тобою
 Опять, как дитя, заживу
 Всей жизни моей полнотою,
 Увижу я сны наяву...

Согреется воздух, и воды
 С холмов белоснежных польются,
 И тайные струны природы
 На струнах души отзовутся, —

Тогда я познаю глубоко,
 Что плоть я от плоти ее,
 Что я не живу одиноко,
 И вся она лоно мое...

Мне будут сестрою и братом
 И роза, и ветер, и море:
 Одна напоит ароматом,
 Другие умчат мое горе.

Сродство и единство создания
 И мудрость его простоты
 Внесу я в свой ум и познания,
 В искусство — его красоты...

Пред блещущим ликом природы
 Всё мрачное духа — далеко,
 Всё ясно, как тихие воды,
 Кристальные воды потока;

И ложны пред нею страдания,
 Болезнен путь жизни людей...
 Рассейся ж, о мрак отрицания,
 В душе обновленной моей!

¹Природа — это идея во внешнем выражении. *A. Ottm* (франц.) — *Ред.*

ОТРАДА ОСЕНИ

И серое небо люблю я порою
С осенним холодным и ветреным днем,
Когда облака бесконечной грядую
Отвсюду находят и крапят дождем;

Когда, полумраком небес окруженный,
От всех удаляюсь я с милой моей,
Внимая беседе ее благосклонной,
Лилейные ручки целую у ней...

И так хорошо тогда это ненастье,
И холод так тепел и сладок вдвоем,
Что кажется, будто отрада и счастье
Шумят, и спадают, и льются дождем!

Чем день разольется серей и темнее,
Тем ярче весеннее небо очей;
Чем ветер повеет в окно холоднее,
Тем жарче дыхание милой моей...

Пусть желтые листья, опавши, летают,
Пусть старческий вид на поблеклых полях:
Роскошно ее красоты расцветают,
И юность играет румянцем в щеках...

Я верю, что осень на мир не сходила
И осени нет для души молодой,
Что только природа весну нам сменила
Другую — духовной и лучшей весной.

Хоть бы пожить мне весною!..
Чую, как сердце забилось...
Выйду в широкое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотреть.
Много есть жизни в природе,

Жизнь я займу у природы:
Буду открытою грудью
Воздух весенний впивать.

ТУЧА

Туча весною проходит по ясному небу;
Дождь из эфирных высот проливает на землю,
Силы свои истощая и жизнь отдавая
Жаждающим детям ей чуждого дальнего мира...

Туча, завидно твое назначение на небе!
Долу оно непонятно иль, может быть, чуждо, —
Мне же завиден, понятно, твой жребий высокий,
Жребий страдальца за благо людей — Прометей...

ПУСТЫНЯ

Проснулся я — вокруг меня пустыня
Без выхода и без конца лежит...
Смирилася души моей гордыня,
И ропот на устах засохнувших молчит.
Здесь не на чем глазам остановиться:
Они теряются в бесцветной пустоте;
Здесь небо медное не светит и не тмится,
В нем места нет надежде и мечте.
На мой призыв никто не ответит, —
Здесь эхо умерло, и мысли чужд полет,
Здесь даже надо мной и враг не посмеется,
И тяжкий смерти вздох без звука здесь пройдет.

НОЧЬ И ДЕНЬ

Всё людей враждебной силой
Сторожит во тьме ночной;
Ночь какою-то могилой
Тяготеет надо мной.
В сердце робость и сомненья
Непонятные живут,

И безумные виденья —
Сонной мысли порожденья —
В нем чудовищно растут...

И пред нами, и за нами
Всё угрозами полно;
Нам незримыми врагами
Всё вокруг населено.

Разум спит тогда глубоко,
Силы чувств в бреде больном:
Нас тревожит шум потока,
Слышим в ветре голос Рока,
Ждем засады за кустом.

Мы, томяся заблуждением,
От неведенья больны,
Будто тайным наваждением
В этот час ослеплены.

То, что мы любили, зная,
Что нам близко было днем,
Одевает тень ночная,
Душу слабую пугая
В нем скрывающимся злом...

Но как миру улыбнется
Светоносный Аполлон,
В наших жилах разольется
Благодатный утра сон...

И, облитые лучами,
Позабывши мрак и тень
С их боязнью и мечтами,
Мы прозревшими очами
Вожделенный встретим день...

И с природой стих привета
Принесет ему поэт:
«Люди созданы для света,
Людам сроден только свет!..

Трезвых чувств и думы здоровой
 В блеске дня исполнен дух:
 В нем, далек от лжи лукавой,
 Торжествует величаво
 Зоркий ум и чуткий слух...

Здравствуй, день! среди сиянья
 Бодро нас к труду зови,
 Озаряя светом знания,
 Правдой мысли и любви».

ПЕСНИ МИРА

Мир божий и прост, и чудесен,
 И много в груди его песен,
 И вечная жизни весна
 В нем солнцем любви зажжена...

Я слышу, как страстные розы
 Свои мне вечерние грезы
 Душистым дыханьем поют
 И будто свидания ждут.

Я вижу в разливе сиянья
 Серебряных струн трепетанья:
 Их месяц-художник провел
 С небес на мечтающий дол;

Своею волшебной рукою
 Он их навязал предо мною
 На горы, леса и цветы,
 Играя на них с высоты;

И утренний воздух певучий,
 Средь свежих, здоровых созвучий,
 Торжественной песнью плывет
 И к бодрому делу зовет...

Но песню знавал я иную,
 Из сердца в глаза пролитую,

Ту песню, что льется из глаз,
Как тайные чары на нас...

В ней чувства глубокого сила
Игрою лучей говорила, —
И песня немая очей
Была мне понятней речей.

И разом в той песне сказалось,
Чем сердце всю жизнь наполнялось, —
Открылись сокровища слез,
И мысли, и пламенных грез.

Ее озаренный душою,
Весь мир, обноваясь предо мною,
Казался мне песней одной,
Меня охватившей собой.

ПРИРОДЕ

Я не скажу, природа, пред тобою,
Что духом я, как мощью, одарен:
Ты женщина, — сильна ты надо мною,
И сердцем я покорен и влюблен!..

Чужда нам власть, — и только между нами
Невольно цепь любви проведена:
Несусь к тебе я страстными мечтами,
А ты ко мне отзвучьями полна.
Румянец мой — от твоего лобзанья,
В моих глазах лучи твои горят,
Мне грусть несут осенних бурь стенанья,
И радует весенний твой наряд.

Моей душе и чувству непонятно,
Что человек — властитель над тобой...
Нет! Надо всем царишь ты всеобъемлю
Чарующей своею красотой.

Так некогда прекрасная Омфала
Героя шерсть заставила сновать,

И та рука веретено держала,
Что гидр и львов привыкла поражать.

СОЛНЦУ
(Памяти кн. А. И. М.)

О, горячее сердце вселенной!
О, исток всеобъятной любви!
Умоляю душой умиленной:
Человека ты к ней воззови...

И своей непреложной любовью
Обличи его, солнце, тогда,
Что не духом он любит, а кровью,
И что он не любил никогда...

Но ты, солнце, в любви неизменно:
Оттого-то и ясен твой свет,
Оттого ты в середине вселенной,
Оттого тебя славит поэт!

И, равно согревая лучами
Облачко, и червя, и цветы,
Ты блюдешь, будто мать, над нами,
И нас любишь, нелюбящих, ты.

Проникая от выси эфира
И до бездн преисподних земли,
Озари ты мне истины мира
И мне душу мою просветли!

Для всего твои блага безмерны...
Я молю изъявленной душой:
Дай сознать мне душевные скверны,
Дай младенческий сердцу покой!..

Нет! Ко счастью, и к лону покоя,
И к всезнанию меня не зови...
Дай мне высшее благо иное:
Научи меня только любви!

СВЕТ

Светлая ночь заменила
 Ясный безоблачный день:
 Все загорелись светила, —
 В роскоши света теряется тень...
 Царство гармонии вечной,
 Разума всюду черты,
 Жизни размер бесконечный,
 Неувядаемый лик красоты —
 Мир и его совершенства
 Просятся в душу мою...
 Что ж я далек от блаженства?
 Что же я грустные песни пою?..

О миродержец! Так долго и много
 С тьмою духовною боремся мы,
 Жизни во мраке запала дорога,
 Все наши грустные песни от тьмы.

Щедрую долю духовного света
 Каждому смертному ты ниспошли:
 Будут и радостны песни поэта,
 Будут и счастливы дети земли...

ЛЕТО НА ОСТРОВЕ УАЙТЕ

Я б с тоски бежал отсюда,
 Если б здесь мне моря шум.
 Резкий дождик, бьющий в стекла,
 Не дарили прежних дум.

Ветра вой, и гул, и взвизги,
 Да лучи сквозь сумрак дня
 Здесь, в Британии далекой,
 Тем отрадны для меня,

Что в смешении этих звуков,
 Под туманом я живу,
 Убаюканный природой,
 Грежу Русью наяву...

Лишь они мне здесь родные,
Лишь от них мне есть привет:
Я в них вижу много, много
Русской осени примет,

Что хандру мне наводила
Темной ночью, серым днем,
Что мне раны растравляла
В сердце страждущем моем;

А теперь, и в пору лета,
И в отзвучиях своих,
Льет елей на раны сердца,
Умягчая боли их...

ДУША И ПРИРОДА

Израненный жизнью жестоко,
Разбитый безумной судьбой,
Бегу от людей одинокий,
С озлобленной мрачной душой;

И всякую мысль и познание,
Зовущую вечно любовь,
Как горе мое и страдание,
Я вырвать из сердца готов.

Вот вижу себя на просторе:
Иду — и не знаю куда...
Вдали показалось море,
Над морем Киприды звезда.

По взгорью черней зеленели
Олив, померанцев леса,
И краски заката темнели,
И с морем слились небеса.

Меж безднами звезд выходила
Волшебница ночи — луна,
Серебряной рыбкой покрыла
Сапфирные зыби она,

И чары ее непонятно
 Проникнули в душу мою,
 И стало в ней всё необъятно...
 Я плачу... я гимны пою...

Замолкнули в сердце страдания;
 Я мыслью высоко лечу,
 И снова хочу я познания,
 Любви и познания хочу!

Учебное издание

Составители В.Я. Коровина, В.И. Коровин

ПРИРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ

от Г.Р. Державина до И.А. Бунина

Антология

В двух частях

Часть 1

От Г.Р. Державина до Н.Ф. Щербины

Зав. редакцией *Л.Р. Новоселова*

Редактор *И.С. Алексеева*

Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*

Художник обложки *М.Б. Патрушева*

Художник *М.Л. Уранова*

Компьютерная верстка *О.Н. Емельяновой*

Корректор *Т.Я. Кокорева*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
 ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
 № 77.99.60.953.Д.009475.08.07 от 10.08.2007 г.

Сдано в набор 17.01.05. Подписано в печать 05.05.05.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,5.

Тираж 2 000 экз. Заказ №

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.

119571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 430-04-92, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.

E-mail: vlados@dol.ru <http://www.vlados.ru>

Типография МГТУ им. Н.Э. Баумана
 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская ул., 5